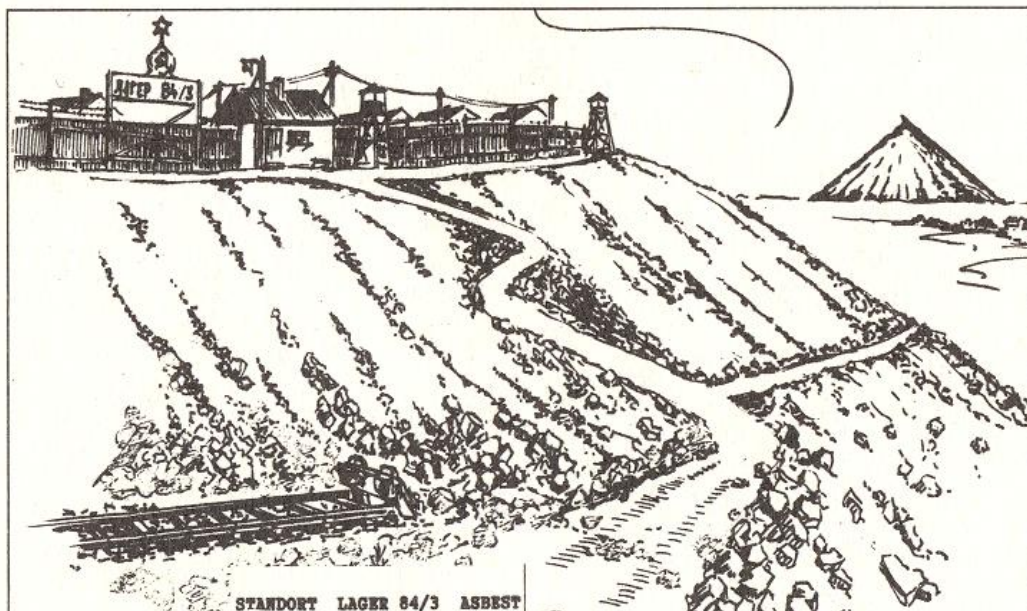


Wolfgang Stadler
Hoffung Heimkehr
SWING DRUCK GmbH, Colditz
2000
ISBN 3-9807514-0-6

ВОЛЬФГАНГ ШТАДЛЕР
НАДЕЖДА НА ВОЗВРАЩЕНИЕ
(Отрывок из книги)
Перевод Ю.М.Сухарева

16 марта. Вечером поезд останавливается. Снаружи громкий крик. Двери всех вагонов распахиваются. Никакого вокзала не видно. Очевидно, поезд стоит на запасном пути. Находимся ли мы у цели? „Выходи!“ Во время этого процесса большинство сразу падает на колени или плашмя. У меня дела идут таким же образом. Снег смягчает падение. Когда я поднимаю взор, вижу угрожающие контуры огромного черного вскрышного отвала, чрезвычайно громоздкого. Должны ли будем мы надрываться здесь, в одном из пользующихся дурной славой сибирских рудников, до горького конца? Команда прерывает дальнейшие мысли: „Строиться!“ Ах, если бы это было так легко. Снова и снова колени надламываются. Однако, остаток взаимопомощи ещё, пожалуй, остался. Поддерживая друг друга, тащимся далее, мимо вагонов, из которых выносят товарищей. Поезд страдания.

Мы медленно преодолеваем каменистый путь вверх. Иногда на четырех костях.. Вместе мы берем высоту N. И это звездная армия? Нет. Это только отдельная пятиконечная красная звезда на высоких воротах. Должны ли мы следовать за ней? Должны, пожалуй, ведь нас сопровождают злые призывы «dawai – dawai» нетерпеливого конвоира. Оборудованный колючей проволокой высокий дощатый забор сообщает – здесь лагерь военнопленных.



Lager 84/3 Asbest

Наконец, ночлег? „Откройте двери высокие, откройтесь ворота широкие!“ Два красноармейца делают это. Шарниры ворот скрипят. Они, пожалуй, тоже страдают от недостатка жира. Гигантская глотка ворот раскрывается. Поглощаемся ли мы теперь демоном России? На месте построения призывают: „В шеренги по пятеро становись!“ Но мы окоченели от холода, изголодались, на пределе сил. Многие пленники не держатся на ногах, садятся. Конвойные солдаты возбужденно бегают, кричат, тычут, толкают. Напрасно, подсчет не получается. Свет прожектора

падает на таинственное действо. Похудевшие личности выглядят, как страдающий Христос. Кажется, что они несут терновые венцы. Но нет, это только колючая проволока забора на заднем плане. Наконец, освобождение: „ Все в бараки, разойдись! ”.

Удивительно, что команду подает немец, хотя, все же, русские имеют здесь высшую власть. Но, наверное, сами немецкие пленники также руководят этим лагерем. У входа в каждый из четырех барачков происходит пересчет. Приятное тепло обволакивает нас. Двухэтажные деревянные нары - свободны! Очевидно, забронированы для нас? Является ли это сном? Все начинает вращаться вокруг меня. Я еще пытаюсь из последних сил достигнуть причала, однако, это не получается. Ноги отказываются служить. Затем ощущаю, что меня поднимают, и думаю: «Сейчас я ухожу в небо!». Все же, я нахожу себя на нарах. Спасен ли я? Еще все качается подо мной и вокруг меня. Кто-то снял с меня тяжелые деревянные ботинки и расстегнул куртку. Я чувствую руку на лбу, слышу, как бы издали, голос: „Ну, как дела у тебя? ". Это может быть только мать. Я не в состоянии отвечать. Вместо этого я срываюсь в истеричный плач. Он - выражение невыразимой беспомощности, но также и чувства конечной защищенности. Затем свинцовая усталость падает на меня. Я счастливо тону в бессильном сне.

В городе Асбест - лагерь 84/3

17 марта. Свисток издает пронзительный звук. Я смотрю вокруг себя. Барак полностью занят пленниками. Мой сосед спрашивает: „ Ну, теперь все в порядке? Однако, не положи себя сегодня вечером снова на пол. Все же, у нас здесь великолепные нары. Вставай, мы должны зарегистрироваться!».

Церемония проходит относительно быстро. К счастью, неприятных допросов нет. Однако, в соседнем помещении злая неожиданность. За несколькими табуретками стоят парикмахеры, вооруженные машинками для стрижки волос, ножницами и бритвами. Голова каждого новоприбывшего подстригается наголо. Процесс похож на казнь. У многих слезы подступают к глазам, когда они видят себя лишенными головного украшения. Тем более горько то, что это делают немецкие пленники, и, как теперь обнаружено нами, применяют такие радикальные способы в своей солидной профессии. Парикмахеры, тоже бритоголовые, говорят: „ Вы только поверьте - в плену это действительно наилучшее и самое практичное. Ведь здесь нет никакой возможности ухода за волосами. Radi-kahl-schnitt (*игра слов = редька-голая-стрижка. – Ю.С.*) является также лучшим средством от заражения вшами. Кроме того: после бритья волосы растут роскошнее, чем раньше, это ученые установили". Мы склонены, обдумываем все, что рассказывают нам, сидим спокойно и выглядим теперь как опасные преступники.

После полного обнажения сбрасываются и остальные волосы на теле. Вода в "Banja" (бане) смывает последние свободные остатки прежнего волосного покрова. Процесс чистки проходит примерно также, как в лагере 158. Конечно, с некоторыми различиями. Мы не видим уже своей форменной одежды и всего того, что смогли в ней спрятать. В помещении рядом происходит полное обеспечение новой одеждой. Каждый получает серое, но свежестыранное нижнее полотняное белье. Оно украшено веревочными тесемками. Затем мы принимаем ватные штаны, ватные куртки, войлочные сапоги, портянки, рукавицы, меховые шапки и что-то вроде полотенец. Все вещи подержанные. Теперь, наверное, мы лучше защищены от господствующих температур. Сейчас мы выглядим почти так же, как русские. Для различия - белый матерчатый квадрат с двумя кириллическими буквами нашит на левом рукаве и спине верхней одежды. Они означают „ Woенно Плениј " (военнопленный). Столовое помещение находится в отдельном бараке. Там мы получаем привычный жидкий суп из капусты, без жира и без пряностей. Дополнительно каждый обретает один ломоть липкого свежего хлеба (Chleb). Он нравится больше, чем прежний сухой хлеб. Голод, этим "меню", конечно, ни в коем случае не успокоен. Он мучит кишки теперь уже больше месяца. В бараках каждый имеет своё твердое место. Это успокаивает. Спим на чистых досках.

Где мы, собственно, находимся? На вопрос отвечает, по меньшей мере, частично, приятель, который держал обзорное во время транспортировки - лежа на нарах, через люк. „Мы, в основном, в восточном или в северо-восточном направлении ехали. Ночью мы пересекли горы Урала. Луна светила на ландшафт. Он сильно походил на Шварцвальд. Затем везли еще дальше. Итак, мы находимся где-нибудь в западной Сибири. Вчера отцепляли на вокзальной территории большого города несколько вагонов. Затем нас везли еще приблизительно 2 часа. Здесь имеются, наверное, большие рудные или угольные месторождения. Если мы должны будем работать на таких рудниках, тогда - спокойной ночи”.

В этот момент входит в барак мужчина среднего возраста. Он представляется, как член руководства лагеря 84/3 и антифашист. Его отца-коммуниста тяжело истязали в нескольких концентрационных лагерях Германии и там, согласно свидетельству о смерти, он и умер от сердечной недостаточности. Мужчина говорит о преступной гитлеровской войне против Польши, Франции, других государств, а также Советского Союза, который гонит теперь немецких оккупантов из своей страны.

На этом месте его прерывает товарищ и просит, чтобы тот сказал, все-таки, о том, где мы находимся вообще и что нам ожидать. Мужчина недовольно вдыхает и объясняет с отчетливым оттенком: „Я верю, что вы действительно не знаете, где вы находитесь, а именно - в плену. И здесь лучше всего отучают быть упрямыми. Вы должны были бы делать это в Германии или в вермахте. Задумайтесь: советские солдаты пленили вас, тем самым спасли вам жизнь. За это вы должны быть радостными и благодарными!”. Мой сосед толкает меня: „Спроси его, он действительно немец...”. Мы продолжаем внимательно слушать: „Вы находитесь здесь в 80 км северо-восточнее Свердловска, а именно - в городе Асбесте. Он имеет примерно 70000 жителей и назван по минералу, который открыли здесь в 1720 году и добывается он с 1900 года систематически. Это самое большое асбестовое месторождение на земле. Большинство из вас будут назначены на рудники или на подготовку. Впрочем, здесь работали ещё немецкие военнопленные I Мировой войны. Добыча происходит через разработку открытым способом. Легкой работы нет. Работа на фабриках тоже не леденцы”. Беспокойство распространяется. Из заднего угла барака кто-то кричит: „А как обстоит дело с продовольственным обеспечением?”. Сразу тишина наступает. Антифашист объявляет: “Каждому пленнику положен основной рацион. Она состоит из: дважды по 500 г супа, 200 г каши и 400 г хлеба ежедневно. Если вы выполняете норму выработки больше чем на 100 %, то 200 г получаете дополнительно. Но я должен добавить, что эти нормы продовольственного снабжения не могут быть в настоящее время гарантированы, так как самые важные сельскохозяйственные площади Советского Союза повреждены войной. Также и советское население голодает”.

Мы смотрим озадачено : это прекрасная перспектива! Мы знаем про более чем нежирный рацион уже по лагерю 158, но так как пропагандист выглядит хорошо откормленным, мы полагаем, что, наверное, большой голод здесь не придется терпеть. Он должен сообщить еще кое-что: „Очень важной является чистота в лагере. Даже если моечные установки примитивны, они должны использоваться для гигиены тела! Наша жизнь находилась бы под максимальной угрозой, возникни здесь эпидемия. Вы остаетесь на четыре недели в этом карантинном пункте. Затем вы распределяетесь по трем трудовым лагерям города. Если имеются вопросы или проблемы, я нахожусь в вашем распоряжении в любое время”. Следовательно, мы находимся за горами Урала. Слишком мало мы знаем об этом регионе. Пожалуй, только то, что он хранит в себе богатые полезные ископаемых. Когда-то Германия хотела присвоить их себе. Мы уже здесь! Итак, все проходит планомерно.

18. Марта. Сегодня день рождения отца. Где он может быть? Надо надеяться, он находится в своей войсковой части, всегда считавшейся тыловой. Как проведут мать, братья и сестра этот день? Они будут беспокоиться, наверное, также и обо мне, так как никакая почта большее от меня не приходит. Послала ли моя войсковая часть сообщение о потере меня?

19 Марта. Контроль состояния здоровья. Процедуру мы знаем. За столом сидит, уставившись на нас, комиссия, записывает, протоколирует. Тут главный врач. Она

осматривает состояние вблизи. Каждый должен указать имя, фамилию, имя отца, год рождения, профессию, военную часть и т.д., далее - какие болезни имел когда-то и теперь. В конце она щиплет каждому пленнику задницу, говорит число, которое вносится немедленно в бумаги.

Во время одевания санитар объясняет вполголоса: „ По складке задницы русские, с достойной удивления надежностью, устанавливают общее физическое состояние конкретного лица. При этом отличают 3 основных категории. В «К-один» относятся только сильные пленники. Но такие еле-еле находятся. Итак, большинство приятелей классифицируются в «К- два» и должны исполнять тяжелые работы. «Категория 3» годна только для почасовой наружной работы и легкого труда. Затем имеется еще ОК. Это можно назвать Ohne Kraft (Без силы). Но по-русски это значит «Ozdorovidelnaja Kommanda», то есть команда спокойствия и выздоровления. Тот, кто присоединяется к ней, работает только в пределах лагеря, снабжает моечные установки водой, чистит бараки, отхожие места, улицы лагеря, исполняет вспомогательные службы на кухне, Ваня (бане) и госпитале. Затем имеется еще Dystrophiker (дистрофики). Это самые слабые. Они лежат в большинстве случаев в больнице. Тот, кто выходит оттуда, имеет большое счастье". Я принадлежу к армии категории 2.

Сибирские условия труда

20 марта. „ Приступить к наряду!". У ворот выделяются 50 человек. В том числе и я. Другие могут идти назад, в барак. К счастью, вчерашний снежный шторм успокоился. „ Schagom-marsch (шагом марш)!". На удалении километра от лагеря: „ Stoi (стой)!". Приятель Ф. - в качестве переводчика, говорит с русским. Это, пожалуй, "мастер". Он указывает на сарай с мотыгами и кирками, лопатами простыми и совковыми. Не каждый получает "Instrument (инструмент)", как русские говорят. Мастер берет рукоятку лопаты и проводит длинную борозду в снегу. Затем переводчик объявляет: „ Здесь, под этим, лежит водопровод. Он испорчен и должен быть откопан!". Мотыги начинают своё дело. Безднадежные усилия, так как орудия труда не острые, а круглые, едва проникают на миллиметр в твердую, как камень, замерзшую землю. Несмотря на это, горячится мастер: „Rabota-rabota!". Он уходит оттуда. Мы смотрим вслед ему и друг на друга непонимающе. То, что мы делаем, собственно, бесполезно. Все же мы двигаемся, чтобы не слишком замерзнуть. Через несколько часов мастер возвращается, ругается. Он призывает конвоира и переводчика к себе. Сильный спор. Результат оперативного совещания: наряд закрывается. Завтра он должен продолжаться заостренными инструментами. Мы маршируем назад в лагерь. Приятель-переводчик сообщает немецкому начальнику лагеря о неудаче. Тот принимает сообщение безразлично.

1 апреля. Дальнейшие наряды в котловане нас не затронули. Но сегодня, расположившиеся в передней части бараков, должны идти для пилки дров в русский гарнизон. Мы проходим маршем мимо котлована водопровода. Туда каждый день посылалась команда. Товарищи проникли глубоко в грунт, находятся уже ниже границы мерзлоты. Там находится их самая тяжелая работа.

Перед нами гора двухметровых бревен различной толщины. Нам нужно насадать. Приносят поперечные пилы. Они острые более или менее. Сначала дело удается. Однако, силы быстро тают. Ничего удивительного, при нашем физическом состоянии. Каждый раз, когда бревно распилено, возникала пауза. Охрана смотрела на это спокойно, не подгоняла нас.

Они сидят на бревнах, заметно хорошо себя чувствуют. Мы, собственно, также, так как зима, пожалуй, проходит, солнце светит; это первый прекрасный день начала весны. Если каждый рабочий день проходит в России также, а за работу дают порядочную еду, то это можно вынести. Прежде, чем мы выступаем в обратный путь, Курт спрашивает охранника: „Norma wupolnial? " (Норму выполнили?) Тот смеется: „Koneschno" (конечно). В лагере, по прибытию, я спрашиваю немецкого начальника: получим ли мы за выполнение нормы по 200 г хлеба дополнительно. Тот тоже смеется: „ Люди, это было только что-то вроде практики. Ничего другого, только как времяпрепровождение. Русский гарнизон совсем не правомочен нормировать рабочие услуги. Я думаю, скорее всего они совсем не имеют права назначать

пленных на такие работы. Это была маленькая любезность с нашей стороны. Все же, мы должны сохранять хорошие отношения с комендантом. От этого мы имеем также и определенные преимущества". Ага, так здесь это имеет силу...

В лагере 84/2 – транспортное и путевое строительство, лесные работы

6 апреля. Самая большая часть карантина переводится в „ лагерь 2 ". Марш туда, примерно 2 км, проходит по безликому серому городу. На крышах лежит асбестовая пыль, которая извергается фабриками. Мы шлепаем по грязи. Дорога не имеет твердого покрытия. После поворота показываются типичные признаки лагеря: наблюдательные вышки. Охрана открывает ворота и пересчитывает ряды. Сразу за последними пленными ворота с треском закрываются.

Снова мы находимся в карантине. Взгляд примиряется кое с чем. Создается впечатление чистоты. Самое выдающееся: имеются тротуары. Таким образом, сухой ногой можно попасть от одного барака к другому. Плоские здания могли бы принадлежать столовой или санитарии. Прямо и слева лагерштрассе находятся 4 барака для пленнх. Теперь начинается снова обыкновенное: дезинсекция, душ, регистратура, контроль здоровья. Последнее затягивается. Задерживаются относительно долго на комплексе вопросов "профессия" , ищут „Spezialist!", а именно: квалифицированных рабочих - каменщиков, плотников, сварщиков, токарей, но также и столяров, портных и сапожников. Также должны выявляться люди, которые владеют русским языком. Приказывают, чтобы ждали. Мы получаем инструкцию в соседнем помещении. Называется другое число. Это номер барака, в который мы должны вселиться. Внутреннее устройство походит на предыдущие размещения. Расквартирование быстро выполнено. Мы не принесли ничего - кроме голода.

И каждый надеется, что здесь он несколько лучше будет снабжаться продовольствием. Приятель Генрих Шмидт подходит, объявляет, что он назначен бригадиром одной из рабочих групп и оглашает список. Также здесь и моя фамилия. Первый вопрос: „ Что мы должны делать?". Он пожимает плечами: „ Я тоже не знаю этого: мы обозначаемся как транспортная бригада, должны транспортировать, наверное, что-нибудь. Завтра охрана повезет нас к месту работы. Там это прояснится". Хайнц спрашивает: „ Нет ли в этом лагере обычая иногда что-нибудь есть? " - Да, сегодня вечером. Вас позовут ". И это тянется вечность. В конце концов это так долго. Сплоченно идём в столовую. Это звучит благородно. Но обстановка ограничивается сколоченными столами и скамейками. У двух больших, примерно в один квадратный метр, окон, оголодавшие получают свои пол-литра жидкого супа из пшена без жира, примерно 20 столовых ложек Kascha (каши) и 200 г хлеба. И так немного больше, чем до сих пор.

7 апреля. Первый регулярный рабочий день. Бригады стоят шеренгами по пять перед воротами. Они раскрываются. По команде „ Schagom-marsch (шагом марш)! " проходит первая бригада . Следующие движутся на некотором расстоянии. Немецкий начальник лагеря считает, за неимением бумаги, с деревянной доской в руке, где состав всех выводимых рабочих бригад отмечен. Он считает ряд за рядом. Если количество, вследствие заболеваний или перевода в другую бригаду, изменилось, он соскабливает предыдущее число осколком стекла прочь и вносит новое огрызком карандаша или графита. На другой стороне линии ворот дежурный русский охранник (Dejurnie) стоит и пересчитывает со своей стороны. Мы маршируем на щебёночный участок. Электролокомотивы сюда привозят отходы из асбестовых карьеров. Мастер уже ожидает нас, указывает на гору длинных железнодорожных рельсов. Новая трасса должно возникнуть. Звучит задание: уносим рельсы и раскладываем их, по возможности, стык к стыку, на общую длину 100 м. Здесь для нас особо трудная работа. Именно для нас, исхудавших военнопленных. Мастер смотрит испытующе, почти сострадательно, объясняет, как можно осуществить работу, по возможности, с небольшим расходом энергии. Сначала каждую рельсу ломали, как рычагами, нужно было вытащить из кучи и поставить на такую позицию, чтобы носильщики смогли распределяться слева и справа по её размеру. Если это получилось, бригадир дает команду: „Auff!". Теперь рельс должен подниматься на плечи. Долго овладеваем этой техникой. Затем группа движется. Она передвигается при гнетущем

грузе, как гигантская многоножка. Это сложно, ровно идти в ногу, прежде всего, потому что нужно преодолевать неровности почвы, ведь почти двойной вес лежит на плечах нескольких человек. Особо опасно снятие рельса. После того, как случились серьезные ушибы ног, носильщики стали после команды „Бросаем! " быстро перестраиваться в ряд. Крик „ Ab! " заканчивал муку. Колосс лежит на земле. Иногда даже на правильном месте.

Вечером я говорю Курту: „ Сегодня при переноске рельсов некоторые искаженные от боли лица выглядели почти такими же, как у Иисуса в иллюстрированной Библии, когда он должен был нести крест на гору". Курт отвечает: „ Однако, он освободился уже после первой ходки!". Наши плечи наливаются кровью, хотя мы подкладываем шапки, которые, конечно, не для этого предназначены. Приобрели себе косую походку, в зависимости от того, - левый ты или правый носильщик. Это привело к двусмысленным замечаниям нескольких пленников, переносивших рядом шпалы. Они смотрели, как мы мучили себя. Пожалуй, чтобы подбодрить нас, один из них рассказал случай: « Видите ли вы там в отделении стоящий дом? Там живут пожилые супруги. Их единственный капитал - это корова, худая, как щепка, как мы. Она была выпущена на прошлой неделе, пожалуй, впервые после зимы, на волю, чтобы искать верхушки травы под остатками снега. Незадолго до этого экскаватор опрокинул столб освещения. Когда наступила крупнорогатая скотина на токопроводящую линию, то оказалась внезапно лежащей на спине, шумела жалко и вытягивала все четыре ноги прямо в небо. Выглядела она как опрокинутая скамейка для доения. Тут прибежала старая женщина из дома и закричала, ломая руки: « Pomogaite – pomogaitje (помогайте - помогайте)!». Коротко и решительно наш бригадир взял первую попавшуюся лопату, побежал и перерезал ударом провод. Корова вскочила, как будто бы ничего не было, а женщина повисла у нашего бригадира на шее. Она почти задавила его от радости и угостила после этого по-княжески".

Тяжелая работа никакой дополнительной хлеб не приносила. Ведь мы должны были рельсы на полную длину выложить .

Конец апреля / начала мая. Очевидно, мы квалифицированы теперь выполнять дальнейшие работы по строительству пути. Недалеко от лагеря военнопленные начали, уже как месяц, укладывать „ Shelesnaja Doroga " (железнодорожную линию). Хотя речь идет только об узкоколейной дороге, но она должна иметь большое экономическое значение. На настиле щебня уже шпалы, рядом с ними лежат рельсы. Наше задание состоит в том, чтобы приколачивать их. Неожиданно достаточный инструмент, а также оснастка находится в нашем распоряжении: накладки, винты, подкладные шайбы, болты и т.д. Карл ориентируется немного в эксплуатации железной дороги и организывает рабочий процесс. Он распределяет людей соответственно их физической конституции, глазом знатока. Самая тяжелая работа, махать молотом, чередовалась. Чередование ладилось. Редкие моменты молчали ударные инструменты.

Это нравится мастеру. Он кажется довольным. Вечером он отмеряет в шагами готовую трассу и пишет 103 % выполнения нормы. Ура, впервые мы выполнили рабочий долг. При этом требовалось менее значительное напряжение, чем при переноске рельсов на предыдущем месте работы. Во время обратного пути бригадир говорит: „ Систему нормирования в Советском Союзе тяжелей понять, чем правила офсайда в футболе". Возникает ощущение счастья и надежда на дополнительное питание. Вечером проход бригадира к раздаче хлеба наблюдается с напряжением. И в самом деле он прибывает к столу с веселым выражением лица, он несет на деревянном подносе большие доли и раздельно. Мы радостно рассматриваем коричневые куски и склоняемся, что осознаём крылатые слова Гете „Кто хлеб со слезами радости никогда не ел ...".

На следующий день нам выделяется другая работа. Мы должны ставить столбы для новой осветительной сети. Сначала копаем ямы. Примерно один метр глубиной. Туда внутрь вставляем деревянные столбы с жердями, на концах которых укреплены железные штыри, и поднимаем. Это не просто при нашей слаборазвитой мускулатуре. Если усилия прилагаются не равномерно, столб валится в сторону и затем происходит то, что называется: «спасайся, кто может!». Постепенно мы овладеваем техникой. Если столб стоит вертикально, в промежутки

бросаются камни, галька и песок, добавляется небольшое количество воды, твердо утрамбовывается, - следующий! К счастью, мы не сможем присутствовать, когда будут подниматься электрики. Несколькими днями позже должны переноситься на другое место боковые станционные пути. Для подготовки фундамента необходимы земляные работы. При работах этого вида едва ли существует шанс выполнить норму. То есть, не будет никаких больших кусков хлеба. Земляная работа оказывается, в действительности, невыгодным производством.

3 дня позднее: новая работа, новый мастер. На "нашем" рельсовом пути маленькой дороги засыпан необходимый щебень. Железными стержнями, на концах которых приварены плоские наконечники, а также мотыгами, грубые камни должны забиваться между шпалами. Трудоемкая, истощающая силу работа. Неподходящая для мышц с консистенцией пудинга. Как только кто-то останавливается, мастер кричит хриплым голосом: „Stopat - stopat!" (*вероятно «Топать, топать!» - Ю.С.*). За это сразу получает кличку „Stopper". Он носится с палкой, непрерывно проверяя подкладку шпал и определяет, конечно, сразу, имеются ли еще пустоты. Где это случалось, нужно было срочно набивать. Производительности при такой «работе костей» не достичь и приблизительно.

Неделей позже пришел большой день первого рейса локомотива по маленькой дороге. Чувствуем: для мастера это не является обычным мероприятием. Все-таки локомотив считается символом советской власти. Ветка, может быть, длиной километр и описывает дугу. „Stopper" кривую проверил много раз, необходимые допуски пути рассчитаны и измерены. Теперь это в прошлом. Все стоят и смотрят. Он дает самолично знак к старту. "Локомотив" дымит свободно, медленно и осторожно. Постепенно он приближается к кривой. В высшей точке он внезапно сильно наклоняется на внутреннюю сторону. Все дальнейшее совершается с молниеносной быстротой. Подозрительное щелканье. Локомотив останавливается. Машинист выскакивает, и кажется, что это решающий шаг для всей повозки. Во всяком случае, когда она опрокидывается и по плоскости склона скользит вниз, у всех пленников вырывается смех. Конечно, "Stopper" злится, топает, ругаясь, ногами и походит при этом немного на легендарного карлика.

Случай имеет последствия, конечно. В лагере царит большое волнение. Все участвующие в строительстве линии бригады должны подготовиться. Русский комендант, политический комиссар и немецкое руководство лагеря появились со строгими выражениями лиц. Канонада оскорблений начинается: „Nemecki, Faschist!, Bandit, Sabotasch (немецкий фашист, бандит, саботаж)!"

Грозят карцерами и лишением питания, а также судебным наказанием. Ничего такого не происходит. Контроль и ответственность вменялись в обязанности "Stopper". Наверное, его карьера, как железнодорожного мастера, остановилась. Русские органы власти обходятся при авариях со своими служащими не мягко. Но кто знает, был "ли "Stopper", вообще, специалистом. Наверное, компетентные люди находятся на фронте. Я видел во время своего отпуска, что наше предприятие также сильно страдало от недостатка квалифицированных рабочих.

5 мая. Бригады формируются по-новому. Я принадлежу отныне к лесной бригаде Клармейера (Klarmeyer). Путь в темный бор продолжается больше чем один час. Мы идем вдоль полотна железнодорожного пути полевой дорогой. Очевидно, деревья были прорежены слева и справа. Растет преимущественно сосна. На основной лесосеке, огромной поляне, прибывшие, сразу должны сделать длинный перерыв. Перед нами, похожий на угрожающее чудовище, сибирский девственный лес. Никто не позволил бы себе раньше грезить, что будет обязан работать здесь когда-то, как лесоруб. Natschalnik прибывает и выделяет нам участок. Где начинаются эта непроницаемая чаща? В сравнении с этим немецкие леса - парки.

Сначала дела идут при помощи топора, секиры и пилы у плотного подлеска к лесной утробе, чтобы вообще приблизиться к предназначенным для валки деревьям. Таким образом проходит уже продолжительное время, прежде чем поперечная пила может сделать первый запил.

Приступает со "стороны падения". Вырубает насечку, и пила с противоположной стороны начинает, и пилит и пилит. Я хочу развеселить моего "партнера по тяге", говорю: «Да, мы вели здесь богатую храпом (*sägen – 1)пилить 2) хранеть – Ю.С.*) жизнь», но снижал только усталую ухмылку. Шутки не действуют в этой фазе. Когда ствол зажимает полотно пилы, мы это устанавливаем почти одновременно: „Здесь пилу прижимает“, и смешного здесь мало. Вбиваются два клина. Далее дела идут, с трудом, с трудом. Полотна пил не берут дерево, хотя товарищ категории три постоянно беспокоится, разводит их и точит. Беспомощно взглянув на инструмент, он говорит: „Я думаю, здесь военнопленные ещё с I Мировой войны пытаются наточить пилы напильником“. Если случается что, наконец, дерево падает, должны ветки отделяться от ствола и стаскиваться в большую кучу. Наконец, ствол разрезается на длины по 2 метра и штабель укладывается в точно предписанных габаритах. Согласно норме, звено из трёх человек должно выдать 9 куб.м. древесины. Едва ли одна из многих занятых здесь бригад выполнит это. Также и мы очень далеки от этого. Вероятно, не хватает практического опыта? "Старый" бригадир говорит: „Нет. Если вы не выполняете норму сразу же в течение первых дней, это уходит от вас совсем – вместе с вашей силой“.

Это должно было подтвердиться, к сожалению. Лесная работа является для пленника в сибирском девственном лесу истощающим силу мучением. Медленным шагом конвой движется вечером обратно в направлении лагеря. Там мы, смертельно уставшие, падаем на нары. Только примерно через час мы в состоянии умыться. Затем мы идем есть, уничтожаем нежирный рацион, а так как как как рабочее задание не выполнено, для нас имеются только 400 г липкого Chleb (хлеба).

11 мая. Прошла только одна неделя лесной работы, и уже 3 товарища списаны в ОК (оздоровительную команду). Никакого чуда при таком расходе сил. Когда мы садимся снова для отдыха, охранник внезапно подходит ко мне, приказывает: „Wowka, idi! (Вовка, иди!) " и указывает на протоптанную дорожку, которая ведёт прямо в лес. Все пугаются. Я иду размеренным шагом. Он следует, с винтовкой в руке. Щекотливая ситуация. Нам рассказывали, что были уже спровоцированные попытки побега, и охранники получали особый отпуск или орден, как если бы они взяли "беглеца" . Энергичное „СТОИ!“ заставляет меня невольно вздрогнуть. Охранник смеется над этим и указывает вверх. На кроне дерева находится гнездо птицы. Я должен снять сверху это. О, когда-нибудь. Лазание никогда не было моей сильной стороной. И теперь могу ли я подняться так высоко с моими слабыми силами? Я пробую это. Больше чем 3 метра я не одолеваю.

Тут охранник берет винтовку. Хочет ли он сбить меня? Нет, он поворачивает оружие, прижимает приклад к моей посадочной площадке и двигает меня постепенно выше. Однако, затем наступает конец. Я держаться могу тоже не долго, скольжу вниз. Охранник не раздумывает долго, дает мне винтовку, обхватывает ствол сам, продвигается вперед, но также медленно. Теперь я должен содействовать ему стрелковым оружием точно таким же образом, как это делал он. Втайне я думаю: „Это нужно было бы как-то сфотографировать!“. С большим трудом ему удается достигнуть гнезда и стряхнуть его. Содержание гнезда падает. Это 5 птенцов. Они хватают воздух. Охранник берёт их за головки, крутит нежные маленькие существа. Они не сильно пищат. Я передаю ему винтовку. Он берет её равнодушно на плечо и идет прямо к маленькому костру, к своим товарищам, я - к своим, которые облегченно смотрят на меня. Они заинтересовано слушают мое сообщение и усмеваются. Издалека мы видим потом, как красные стражники с наслаждением потребляют скудное, поджаренное на штыках винтовки. Наверное, они едва ли меньше голодны, чем мы.

Некоторые приятели ищут крапиву и другие съедобные травы, они берут их с собой в лагерь и добавляют измельченными в вечерний суп. Это запрещено строго-настрого. Странно, что несколькими днями позднее организуются официальные команды, которые должны собирать крапиву целенаправленно в окрестностях и сдавать её на кухню. С тех пор суп из крапивы - это большой шлагер.

Инфекция - операция – регенерация

12 мая. Как долго мы еще выдержим напряжение? Следующие приятели были записаны врачом в категорию 3. Собственно, мы все больше не в состоянии исполнять тяжелую работу. Мы ощущаем, что голод во время лесной работы особенно причиняет беспокойство. Если бы мы получали, как минимум, большой кусок хлеба. Приятели размышляют, как трюками можно было бы достичь нормы. Маленький Курт имеет великолепную идею: „Лесник записывает вечером количество выработанных штабелей дров и метит каждый ствол по торцу обугленным деревянным клеймом. А что, если просто тайком спиливать черную маркировку от обозначенных двухметровых бревен? " Бригадир Клармайер машет рукой: «Да, да, эту гениальную идею опробовало уже другое подразделение. Бригадир сидел дни и ночи в карцере!».

13 мая. Моя верхняя губа опухает. Вероятно, насекомое укусило. Бригадир говорит: «Ты сразу должен идти к врачу. Фурункулы выше линии рта опасны для жизни. наложи себе на всякий случай дорожную мазь ". Я иду. Она накладывает ихтиоловую мазь, трогает мне лоб, говорит, „Volnoi (больной)" и выводит меня из строя. Я не имею ничего против, лежу теперь в бараке и должен показываться ежедневно врачу.

14 мая. Температура поднимается. Я чувствую себя разбитым.

15 мая. Русский врач говорит с одетым в белое немцем. Ходил слух, что он не явился никаким врачом, а был медиком-недоучкой. Но это полностью безразлично мне. Главное дело он помогает мне. Он говорит небрежно:

„ Дело не двигается. Либо я разрежаю это, либо ты идешь туда. Операция является, правда, также риском, но у меня пять подобных больных под ножом побывали. Трое выжили. Шансы соотносятся вовсе не так плохо". Очень перспективно! Я спрашиваю: „ И когда должны начинать? ". Он: „ Завтра в первой половине дня. Когда бригады из лагеря уйдут, будет спокойно ".

16 мая. „Ну, здесь мы разом!", говорит получивший кандидатскую степень, дипломированный или проучившийся один семестр медик. Мой череп разрывается от боли. Помощник направляет меня к стулу, который мог бы происходить из парикмахерской. Выдыхаем! Сначала происходит интенсивная уборка лица. Оператор предостерегает: „ Держи голову спокойно, иначе я могу разорвать тебе рожу ". „Скальпель" блестит. Когда лезвие проникает в мясо, я думаю: Так приблизительно должно чувствовать себя дерево, когда мы разделяем его тупой пилой. По истечении некоторого времени мастер ножа говорит: „ Ну, это выглядит очень хорошо.. Хочешь ли ты посмотреть ? " Я не в состоянии отвечать. Он держит зеркало перед моим лицом, и я обьят ужасом. Верхняя губа разделена, слабо повисла, как кровавая тряпка вниз. Мне кажется, что вся кровь из тела вытекла. Когда я прихожу снова в себя, я лежу в больнице с толстой повязкой на рту. Доктор Эизенбарт присутствует и говорит: «Никакого страха, безобразнее, чем перед операцией, после лечения ты выглядеть не будешь».

17 мая. Обход. Докторша появляется, принимает доклад, кивает, довольна, по-видимому. Если я понял ее распоряжение, повязка должна часто меняться. Я могу уголять жажду. Голода нет. Мышцы лица, кажется, пострадали, болят чрезвычайно.

19 мая. Двое подсобных рабочих входят в помещение. Они принуждают меня, наконец-то взяться за еду. Собственно, странно, что кто-то в русском плену должен принуждаться к еде. Если только боль сильнее, чем голод? Тут один прибывает с супом и держит его у меня перед носом со строгим, командным взглядом . Я побеждаю себя и хлебаю пшеничный суп из чайной ложки в продолжительной процедуре. Есть болезненно и утомительно.

20 мая. Я чувствую себя несколько лучше и смотрю вокруг. В помещении 15 кроватей.. Они разделены узкими проходами. Матрасами и подушками служат мешки, вероятно, наполненные опилками. На этом лежит серая простыня. Каждый больной имеет одеяло. Температура помещения комфортна. Пациенты выглядят жалко, страдают преимущественно дизентерией или воспалением легких. Беседы почти не ведутся. Большинство лежит обессилено, стонут немного. Некоторые бредят. Хотя врач часто приходит к тяжело заболевшим, но непосредственно она может помочь едва ли. Очевидно, нет никаких медикаментов. Вчера вечером вынесли скончавшегося.

21 мая. Рана закрывается. Температуры нет, но я бесконечно слаб.

23 мая. Наверное, я перенес кризис. Ходил сегодня первый раз без провожатого в туалет, после того, как я шел раньше «на полпути к полу». Могу есть теперь без больших трудностей. Однако, предложение ненамного лучше, чем у рабочих бригад.

25 мая. Я призываюсь в служебный кабинет врача, где меня - в костюме Адама - она осматривает. Она рискованно качает головой туда и сюда, а затем позволяет перевести: 1. Увольнение из госпиталя. 2. Возвращения в барак. 3. С завтрашнего дня работа на кухне. Я едва могу понять мое счастье: кухонная работа в плену! Чего лучшего может случиться с Plennij (пленным). На пути в расположение я вынужден был неоднократно обессилено останавливаться. Такого ещё никогда со мной не было. Когда я дошел, соседи говорят: „Как же ты выглядишь?“. Я не знаю, подразумевают ли они моё искажение операцией или похудание. Из их комментариев, очевидно, последнее, так как сообщение, что я приставлен к кухонной работе вызывает отклик: „Ну, это необходимо, даже безотлагательно“.

26 мая. Шеф-повар, пожилой, худой мужчина, сразу устанавливает правила поведения: „Чистота - это высшая обязанность, даже если ты выполняешь здесь только вспомогательные работы, такие как - носишь топливо, золу убираешь, котлы чистишь, „Stalowa (столовую)“ моешь и так далее. Ты здесь находишься, чтобы восстановить силы. Рассматривай это в качестве большого счастья. Русский врач только решает, кого, по его мнению, нужно поставить на ноги. Не поймайся при лакомстве. Кухонный персонал ест совместно. По второй норме. Я могу только рекомендовать тебе: владей собой. Я не хотел бы быть сообщником в смертельных прорывах живота. Впрочем, весь персонал ходит еженедельно на весы. Тот, кто владеет собой лучше всего, остается здесь дольше всего. Это было бы несправедливо по отношению к изголодавшимся товарищам, если бы на кухне выращивались люди с животами. До тех пор, пока я являюсь здесь шеф-поваром, не будет в лагере никаких толстых от каши рож. Если ты здесь находишься 2 месяца, ты хорош. Итак, сдерживай себя!“. Это не тяжело давалось мне. В еде я, собственно, был дисциплинирован уже ребенком. Даже мой рождественский шоколад оставался в большинстве случаев неприкосновенным, хотя Дорис и Роланд съедали свой быстро .

26 июня. Ровно один месяц кухонной работы. Шеф кажется довольным. Работа повторяется ежедневно. Каждый знает, что он должен делать. Некоторые нюансы: перед каждой раздачей еды прибывает врач, пробует лично суп и Kascha (кашу). Затем она берёт из котлов пробы, наполняет маленькие трубочки и запирает их в шкафчике. Они сохраняются несколько дней. Имеется внутренний кухонный порядок. Основные проблемы - это порядок и гигиена. Его соблюдать не слишком трудно. Проблематичнее пункт: никто не должен принимать пищу вне установленного времени еды. Тайком он нарушается снова и снова.

Недавно это чуть не стоило мне судьбы. Вдвоем мы имели задание очищать пол продовольственного склада. На полках лежали открытые консервные банки. Невозможно было, что-то из этого немного не попробовать. Там стояла также банка желтоватого порошка, рядом с ним ложка. То, что нравилось - это была выжатая масса, быстро наполнившая рот. Глотка закрылась плотной субстанцией. Я еле-еле получал воздух, кашлял и задыхался. Масса не продвигалась ни туда, ни сюда. В своей нужде я черпал рукой мутную воду из подозрительного ведра. Только тогда упрямая масса рассосалась, я смог снова медленно дышать. Мой приятель взял банку и прочитал напряжено: „Американский продукт, Оскар Мауер, Чикаго. Сконцентрированный желток. Ты имеешь минимум 10 яиц на ложке! " Никто не заметил инцидент. Иначе не удостоился бы я чести стоять теперь за окном раздачи, чтобы выдавать вечером по 100 г сладковатого кофе. Для этой миссии я должен был временно поменять, само собой разумеется, мои тряпки подсобного рабочего на кухонную одежду.

Приятели в бараке хотят, конечно, знать как функционирует кухня, снабжаются ли дополнительно определенные люди. Я отвечаю правдиво, что я не заметил грубой нечестности. Не является никакой тайной, что 6 членов руководства лагеря, а также командиры взводов и командиры рот получают дополнительный суп, и, если имеется запас, иногда перепадает также

бригадирам. Это стало общепринятым, так как эти люди должны исполнять определенные обязанности.

Мы обдумываем, как бы я мог предоставить маленькие преимущества бригаде. Я едва ли могу выносить контрабандой съедобное. Я не имею даже разрешения взять мой хлебный паек в барак. Приятели определили различие качества при распределении супа. Это действительно так. Он наливается кухонными рабочими сначала из большого котла в пятидесятилитровый чан и затем несется к раздаче. Там перемешивается, правда, половником основательно, все же "продукты" быстро оседают на дно. Из этого следует поговорка: „ Первые получают воду, последние гуцу". Впоследствии я сигнализирую наблюдателям, когда чан наполовину пуст. Тогда подходит бригада. Я могу дважды снабжать также некоторых товарищей подслащенным кофе, так как моя раздача контролируется не так строго. Как ударная доза витаминов подаётся разбавленный сок, иногда с выжатыми сосновыми отростками, иногда также кисловатый напиток из зерна, который называется „Drochje" (*дрожжи ?-Ю.С.*).

Интересно и одновременно тягостно наблюдать с кухонной раздачи поведение в столовой изголодавшейся массы. Полные надежды пленники приближаются шаг за шагом, идя гуськом. Никакой спешки, никакой давки, так как все знают, что каждый получит свою часть. Не больше и не меньше. С любопытством они смотрят в чан, что он, собственно, содержит. Суп из крупы, пшена, сои или травы? Затем они принимают пол-литра жидкого бульона, наполненного в жестяную миску и после этого 200 г Kascha (каши) и садятся за одним из длинных столов к своей бригаде, начинают черпать ложкой, медленно, осторожно, стремятся распространить церемонию по возможности на более долгое время, до конца, и только лишь скрёб и царапание по жестяным стенкам миски сигнализирует, что даже самых незначительных остатков субстанции нет больше в наличии. Мы, кухонные рабочие, имеем самую небольшую работу по мытью посуды.

29 июля. Больше чем 2 месяца я нахожусь на кухне, окреп медленно, но верно. Теперь шеф-повар объявляет о моём уходе. Мне было ясно, что подошёл срок.

Колхоз „ Эрнста Тельманна "

31 июля. На вечерней проверке начальник лагеря объявляет реорганизацию. Несколько бригад формируются по-новому и командированы в колхоз „ Эрнста Тельманна ". Вожделенный объект. Никакого чуда; там растет съедобное! Также я должен, или - имею возможность, ехать туда. Сельскохозяйственная работа не является ничем новым для меня. Уже во время учёбы подражался я на работы к крестьянину. К моим обязанностям относились посадка и уборка картофеля, прореживание корнеплодов, сбор зерна, укладка снопов в копны, погрузка и разгрузка, переворачивание сена и так далее. Итак, я могу спокойно ожидать новое рабочее место.

Немного удивляет нас, что русский колхоз приобрел имя руководителя немецких коммунистов. Мы знаем немного про него. В школе тема ЛЕВЫХ оставлялась слева. Но я вспоминаю, как почтительно рабочие фаянсовой фабрики в Кольдितцере (Colditzer), а также и некоторые батраки, называли его "Тедди". Он должен был попасть, пожалуй, в концентрационный лагерь.

Еще одно сообщение заставляет этим вечером прислушаться. 20 июля было совершено покушение на Гитлере. Однако, оно не удалось. Возмущение смешивается с разочарованием. Покушение создает противоположные мнения: „ Как только можно делать что-то в этом роде? Там были преступники, скрытые коммунисты или другие враги народа... " Возражение: „ Жаль, что это не удалось, тогда дошло бы, вероятно, до перемирия... " Циник Z. говорит: „ Война должна вестись дальше. Немецкий солдат должен бороться и умирать, за присягу и за самого большого полководца всех времен. Это больше не зависит от нескольких миллионов мертвецов, на самом деле...". Много товарищей принципиально не доверяет никаким сообщениям, которые объявляет начальник лагеря. Они считают просто невозможным, чтобы союзники могли высадиться в Нормандии, вступить без боя в Рим, а Красная армия стоять перед Варшавой и

восточной Пруссией. Итог: „ Все это пропаганда .Они могут пытаться убедить нас здесь, за Уралом , во многом ... ”

Сообщают о следующих эшелонах с пленными. Поэтому можно предположить, что через два месяца мы вернемся уже не в лагерь 84/2. То, что будет после, не интересует в данный момент. Теперь мы надеемся на сытный приём.

2 августа.7.00. Направленные в колхоз бригады стоят сбоку от внутренних ворот лагеря. Другие рабочие команды идут с завистливыми взглядами мимо. Понятно. Все знают: кто на ферме работает, может рассчитывать на дополнительное питание. Перед воротами 4 грузовика. Мы садимся и едем по пням и камням. Выбоины не являются здесь никакой редкостью, но скоро кажется, как будто бы пересекли ландшафт кратера . И это в темпе, как будто бы идёт гонка. Водители устраивают настоящие гонки и кричат торжествуя, если они проходят мимо соперника. При этом нас бросает от борта к борту.

Отчаянная беспорядочная езда останавливается только после того, как охранник делает несколько выстрелов из своего автомата в воздух. Через нескольких часов мы появляемся в колхозе „Эрнста Тельманна” . Несколько волнистая, почти безлесная местность, без полевых межд и дорог растягивается до горизонта. Здесь растёт картофель и различные сорта корнеплодов. Мы должны убрать их, наверное.

Наша новая квартира - это продуваемый ветром полевой амбар. Мелкая сечка соломы служит постелью. Для бодрости мы получаем вегетарианский картофельный суп без жира и кусок свежего хлеба.

2 августа. Место жительства находится на маленьком возвышении. Оттуда хорошо рассматривать окрестности. Сельскохозяйственную площадь такого размера еще никто из нас, пожалуй, не видел, и спрашиваем себя, как можно справиться с урожаем. Тут прибывает Natschalnik, верхом на коне. Он напоминает шерифа из вестерна. Звезды на его груди являются, наверное, наградами за службу на нынешней войне. Он показывает участок, который мы должны убрать, объясняет коротко наши действия и приводит нас в действие: „Dawai-dawai!”. Продукты полеводства нужно извлекать по определенной системе из земли. Первый ряд рабочих тянет ботву, второй подбирает крупный, а третий - мелкий картофель. Он должен быть отнесён в корзинках, жестяных и оцинкованных ведрах на определенные места и складываться в кучи. Позже команда посредством грузовика отвезёт урожай с поля на удаленные склады. Уборка картофеля утомительна. Однако, она не слишком отличается от той осенней работы в Германии, к которой в деревнях привлекались даже дети. Здесь, вследствие ранней привычки к физическому труду, работа ощущается "сельскими жителями" менее тяжело, чем "горожанами". Всё же теперь каждый имеет ценный для внутренних органов приток витаминов. Хотя бы и в форме сырой моркови.

В один из дней особенная неожиданность подстерегла нас. Наше истощенное состояние, конечно, не ускользнуло от ответственных лиц колхоза. Сельскохозяйственные рабочие приносят котел, ставят его на валуны и кирпичи. Телега прибывает с 2 бочками воды. Скоро веселый огонь мерцает под котлом. Догадаться легко: готовится еда. Мы больше смотрим в этом направлении, чем на свою работу. Natschalnik замечает и грозит нам. Итак, снова в картофель! Через 2 часа раздаётся призыв: „ Objed! (обед!) ”

Это значит обед. Меню русских женщин такое, что они варят вместе всё съедобное, что выросло и уродилось. Соблазнительно манящий аромат достигает носа. Каждый получает кастрюлю и ложку. Жестяная миска вмещает точно литр. Переводчик оповещает: «Каждый может есть, сколько он хочет!». Этот предложение звучит невероятно. Еще никогда мы не слышали его во время плена. Суп, хотя без жира и вегетарианский, но очень вкусен. Мы черпаем ложкой, все черпают ложкой без остановки, идут снова и снова к котлу, несут добавку. Восемь раз я повторяю путь. Восемь литров супа! Несколько приятелей превзошли уже десять. Странно и не понятно: желудки полные, но нет чувства удовлетворения. Обильная еда угрожает перейти к несдержанной оргии. Затем мы лежим с распухшими животами на земле, едва можем передвигаться. Это уже не удовольствие.

Несколько приятелей охвачены судорогами, извиваются от боли. Двое скончались ночью с прорывами живота. Медицинская помощь находится на большом удалении. Natschalnik встряхивает непонимающе голову. Чрезмерность может понять, пожалуй, только тот, кто оказался когда-нибудь в похожей ситуации.

Осень. Почти без перехода следует зима. Это большая проблема здешнего сельского хозяйства. В этом негостеприимном регионе продукты полеводства не могут никогда правильно созреть. Время уборки чрезвычайно коротко. Таким образом, работа становится для нас все труднее. После, подобного всемирному потопу, периода дождей, приходят внезапно первые ночные заморозки. Замерзающие руки распухают, что указывает: это является крайним временем, чтобы закончить уборку урожая. Но она тянется. Natschalnik объясняет: „Если будет собрано недостаточно продовольствия, жители окрестностей, а также пленные станут голодать наступающей зимой еще больше, чем до сих пор". Однако, он позволяет нам время от времени ходить к костру, чтобы согреть руки. При этом мы тайком можем сжарить несколько картофелин. Приготовление пищи в большом котле было закончено после трагического исхода. Никто не говорит о выполнении нормы. Главное дело - каждый день убрать еще несколько тонн. Многие останутся в земле, замерзнут, испортятся.

9 октября. День, в который моя сестра Дорис празднует, наверное, дома свой 22-й день рождения. Мы "празднуем" конец "похода в колхоз".

Лагерь 84/5

11 октября. Грузовик остановился перед лагерем для военнопленных. Он величиной с три футбольных поля. Территория окружена изгородью из досок высотой 4 м. Слева от больших, двухстворчатых ворот стоит домик вахты. Непосредственно рядом с ним маленькая проходная для отдельных людей. На шести деревянных вышках расположены часовые, охраняющие зону. Пахнет свежей древесиной. Наверное, лагерь сооружен недавно или отремонтировался. Мы стоим, как, вошедшая в поговорку корова, перед новыми воротами, и ждём. Наконец, створы открываются. В поле зрения: восемь низких деревянных бараков, все на равном расстоянии друг от друга. Вплотную к противоположной изгороди лагеря находится „Ubornaja-Tualet" (уборная-туалет). Она даже под крышей. Перед этим обыкновенная простая мочная установка. Она состоит из водяного резервуара высотой примерно 1,5 м, длиной 5 м и расширенной формы водосточных желобов. В низу на высоте 50 см, как жертвователю, ниппель. Если нажимают на него вверх, тонкая струя течет в пустую руку.

Несколько пленников медленно идут по двору. Они апатичны и, кажется, не интересуются особенно нашим прибытием. После обязательной проверки команда: „ На право, к душе по одному! " Затем происходит учет анкетных данных и контроль здоровья. Снова комиссия ищет специалистов, людей из отраслей металлообработки, строительства и деревообработки, но также и ученых, и деятелей искусства. Голодные артисты не затребованы, между тем, мы все являемся ими. Я классифицируюсь в категорию 2, в бригаду „ Tschorni Rabotschiks "(=чернорабочих), итак - в начальную школу "земляных червей". В "Stolowaja" (мы говорим принципиально только Stalowa) начальник лагеря Август Мюллер (August Müller) держит приветственную речь. Он, кажется, происходил из Магдебурга и был только обер-ефрейтором. Удивительно. Однако, по-видимому, он набил руку в 2000-годовом государстве (примерно), где живёт 5 народов (немецкий, австрийский, венгерский, итальянский и румынский), очень хорошо. Он объясняет то, что мы уже знаем из других лагерей: лагерь V находится в немецком самоуправлении. Это значит – то, что происходит в пределах четырехугольника, является нашим делом. В лагере действует лишь русский политический комиссар, ещё врач или врачаха. Русский комендант лагеря оставил себе только вечернюю поверку, ежемесячные „Filzungen" и особые инспекции. Тогда он привлекал для поддержки несколько красноармейцев.

Мы знаем, что в таком большом лагере должны царить чистота и дисциплина. Поэтому сохранялся военный уставной порядок. Самая маленькая единица - это бригада. Затем следуют

взводы и роты. Настоящие руководители или командиры выявляются в деле. Удачнее всего, если они владеют и русским языком в некоторой степени. Это облегчает отношения с сопровождающими конвоирами и мастерами на стройплощадках.

В отношении продовольственного снабжения он не даёт появиться никаким иллюзиям: „Дважды в день 500 г супа, 200 г Kascha и 400 г хлеба. Я знаю, это слишком мало. Даже спорно, может ли гарантироваться этот скудный рацион в течение наступающих месяцев. Я часто говорю с советским комендантом лагеря, рабочим офицером и политическим комиссаром. Они знают о тяжелом положении, но не могут его улучшить. Русское население также не получает больше. Преимущество имеет снабжение фронта. Впрочем, вы знаете пословицу: «Схватить голого мужика за карман брюк». Ну, это обращение не особенно ободряет. Он продолжает: «Пытаемся как-то развлекать вас в свободное время, чтобы вы не падали от лагерного бешенства. Имеется книгохранилище и хор. Также антифашистский актив существует. Он поставил себе задачу прогнать нацистское нездоровое настроение из наших голов. А оно находится глубже, чем мы хотим признать. Поразмышляйте однажды в спокойствии, кому мы должны быть обязаны, что здесь паримся, и не двигайте всю вашу досаду на русских. Тот, кто чувствует себя в форме, может сделать доклад по какой-либо теме, рецензию на книгу или исполнить юмористический номер, чтобы развеселить слабых товарищей. Один раз в неделю принимают душ и дезинфицируют. Ежемесячно медосмотр происходит. Если возникают проблемы, нужно соблюдать привычный военный служебный порядок, итак: бригадир, командир взвода, командир роты. В срочных случаях вы можете непосредственно обращаться и сразу ко мне”.

Каждый новоприбывший вызывается и присоединяется к бригаде. Я принадлежу отныне к бригаде номер 5 2 5 Эриха Шеллшмидта. (Erich Schellschmidt). Он собирает своих "овечек" и ведет 12 мужчин в барак номер 4. Барак не имеет никакой перегородки. В нескольких рядах стоят двухэтажные деревянные кровати. Большинство уже занято пленными. Мы занимаем дурные места у окон и дверей. Я выбираю обычно верхнее место на нарах, тем более старые и более слабые приятели едва ли смогут подняться на них без помощи. Кроме того, здесь лучший обзор, и я внушаю себе, что на верхнем ярусе более высокая температура. Лежат на чистых досках, избавляют себя передо сном лишь от обуви. Вместо одеяла служат телогрейки и шинели. Крайне примитивно. Но я должен помнить о депортированных поляках на фабрике в Кольдцитере (Colditzer), которые были размещены еще более жалко.

12 октября. Идет снег. Однако, здесь рано приходит "Дед Мороз"! Мы маршируем к удаленной примерно на 2 км „Nowostroika (новостройке)", огромному строительству. Здесь должны возникнуть цеха по ремонту локомотивов. Сотни пленных копают рвы, строят из камня, плотничают. В почти готовом здании устанавливаются крановые тележки. Специалисты прибывают и сваривают металл на высоте. Но мы, „Pomoschniks" (помощники = подсобные рабочие), должны выполнять низкую работу: доски, брусья и железные части с одного места на другое переносим, вагоны разгружаем и загружаем, и всюду там присутствуем, где именно рабочие руки необходимы. Выполнение нормы иллюзорно. Это значит - минимум пищи. Мой расширенный в колхозе живот регистрирует сокращение особенно болезненно. Я чувствую быстрый сброс сил. Следующий медосмотр фиксирует быстрое уменьшение веса. Каждый получает шприц между лопатками. Коварный акт. Такое чувство, что вкальвают толстую вязальную спицу. Против чего сыворотка должна действовать, не говорится. Это нам даже безразлично, более или менее. Не будет хуже, пожалуй. Следующим утром все лежат пластом, едва могут подняться. Это и необязательно, так как дело происходит в воскресенье. Хитрый временной расчёт!

Антифашистский актив стал действительно активным. Пять человек появляются в бараке, распределяют черно-бело-красно окантованные газеты национального комитета Свободная Германия. Там я читаю, что 17 июля, после Ленинградского примера в январе, - теперь также в Москве тысячи немецких военнопленных прошагали по улицам города. Соседи реагируют возмущенно: „Пошлость, оскорбление, унижение!". Приверженцы Москвы возражают: „ Ну, а что бы руководство немецкой армии, в случае своей победы, выдумало? Но теперь то кое-что

иное. Хорошо звучит. Красная армия намеревается опровергнуть лживые утверждения нацистов, что нет никаких немецких пленников в Советском Союзе. Радио Москвы распространит фамилии немецких пленников в вечерних немецкоязычных передачах. С этой целью каждый может внести своё имя и домашний адрес в лежащие здесь для обозрения списки!". Только несколько приятелей делают это. Большинство недоверчиво: „Кто знает, что русские с адресами планируют сделать". Я принадлежу к тем, кто не может представить себе ничего злого, указываю адрес своей матери и подписываю, в надежде, что она таким путём, возможно, узнает о моём существовании.

Два пленника становятся гончарами

15 октября. Бригадира вызывают к начальнику лагеря, он возвращается и объявляет: „Представляете, мне нужно набрать бригаду гончаров, потому что в моем документе стоит, что я - мастер гончар. Поблизости имеется, вроде, гончарня. Десять подсобных рабочих используются для заготовки глины и дров, к этому нужны специалисты, которые обладают навыками гончара. Ну, все же, Вольфганг, это похоже на твою специальность". Я отвечаю: „Гончарному делу я не учился. Все же, фаянс производится промышленным способом". Эрих, почти сердито: „ Но ты приведёшь, наверное, круг в движении, и центрировать ты тоже умеешь, определенно. Остальное - через час получится. Это теперь зависит от тебя, получим ли мы место работы, так как два специалиста - это условие". Мне не по себе от мысли, что придётся выдавать себя за гончара и не быть им. Но - сразу приятели зацепились, проявляют невиданное искусство убеждения: „ Все же, безразлично, выполним ли мы норму, главное дело мы будем иметь крышу над головой. Зима приближается, а в гончарне есть обжиговая печь, там мы сможем определенно греться время от времени". Спор тянется. Я долго не могу заснуть.

16 октября. Два охранника приводят нас к новому месту работы. Из лагеря идём слегка под гору. В долине уже издали, из-за необычно большой дымовой трубы, мы видим маленький дом. Это должно быть гончарня. Рядом с ней двухэтажное здание. За ним простирается лес. Старый, согбенный при ходьбе человек, принимает нас, идет без обиходов в сарай, даёт каждому в руку инструмент: мотыгу, лопату, секиры, топоры и пилы. Также деревянные заплечные носилки должны взять с собой. Он идет в направлении леса. Мы следуем. По истечении некоторого времени: „Остановка!". Маленький мужчина отмечает четырехугольник большими шагами. Мы должны убрать подлесок и свалить несколько деревьев. Затем в дело идут мотыги, ломы, лопаты, выбираем грунт. Мастер указывает на землю и говорит таинственно: *Glina*. Это значит: глина. Мы размахиваем пиками. По-видимому, мы должны изучить профессию гончара, в действительности, начиная с пики. К счастью, земная кора заморожена еще не слишком. Бесполезный верхний слой должен быть удалён.

Двумя днями позже серо-коричневая глина обнаруживается. Тогда мастер предписывает новое разделение труда. Четыре члена бригады копают дальше глину, четверо должны пилить брёвна на лесном складе на чурки, соответствующее размерам обжиговой печи, и раскалывать. Эрих, я и два приятеля направлены в гончарню, чтобы производить керамические сосуды. Теперь час правды наступает. Эрих происходит из гончарного центра Бунцлау. Он открывает мастеру в польско-русской языковой смеси, что имеется только один специалист. Все с нетерпением ожидают реакции. Но тот выслушивает это спокойно, говорит, что другие должны учиться быть гончарами. На полках стоят необожженные чаши, кувшины, кружки различных величин и форм. Звучит наше задание: производить бокалы. Эрих садится к одному из четырёх кругов и набирает скорость буквально в один миг. Мастер кивает признательно, просит нас, чтобы мы делали это же самое и покидает цех. Я втискиваю себя за круг, ставлю его в размах, центрирую сгустки глины и нажимаю на дыру в середине. Вместе с тем я нахожусь уже в конце своего гончарного искусства. Эрих говорит: „ Это уже хорошее начало". Он показывает мне несколько хитростей и приёмов. Постепенно это мне удаётся, тянуть вверх вращающуюся глину. Наконец, после нескольких напрасных попыток, похожее на бокал произведение возникает. Оба товарища смотрят внимательно и начинают на третьем круге также с попыток. Эрих помогает им. Я делаю, но не по размерам, выдаю изделие дилетанта. Примерно через час

десять более или менее удавшихся заготовок бокала стоят на моей планке производства. Однако, рабочее место обоих неосведомленных в керамике приятелей похоже на одну из не мощеных улиц города Асбеста после ливня. Тут открывается дверь.

Мастер вступает в гончарню, рассматривает хаос «дуэта глиняных художников» и решает: конец, убрать. Он оценивает мой индивидуальный ассортимент бокалов мягко: „Delat dalsche! (делать дальше!)". Я могу продолжать. У меня падает камень с сердца. Безупречными сосудами Эриха мастер полюбовался и выдал оценку: Otschen choroscho (очень хорошо). Общим удручённым присутствующим приятелям человек приказывает, чтобы несли глину из подвала, разложили её на полу цеха и топтали. Он сам избавляет себя от валенок и портянок и топчет, начиная изнутри наружу - босиком в форме спиралей. При этом худой человек не походит никаким образом на того большого процитированного русского колосса на глиняных ногах. Приятели следуют его примеру. Время от времени я поворачиваюсь к ним. Меня берёт дрожь. Но топтуны уверяют, что только сначала это холодное дело.

21 октября. Постепенно в нашем производстве появляется система. Оба топтуна глины между делом лепят руками свободные от пузырей, соответствующие по весу, глиняные сгустки для нас - гончаров. Вследствие этого изготовление сосудов происходит существенно быстрее. Вечером - русское отделение, вторая смена, старый мужчина и с ним более молодой. Он глухонемой. Затем там еще появляется Гошка, очень живой юноша. Ему, наверное, лет 14 и он помогает мастеру, третьему сотруднику, которого зовут Pascha, при покрытии глазурью товара, загрузке и опорожнении печи, а затем при транспортировке готовых, красно-коричневых блестящих предметов в большое здание, которое служит, очевидно, как склад и местонахождение управления.

15 ноября. Зима является со всей её несправедливостью к пленникам. Теперь мы умеем ценить значение места работы. Подсобные рабочие меняют друг друга через каждые два дня на их рабочих местах, так что различные условия выравниваются. Pascha не имеет ничего против. Мы имеем впечатление, что он доволен нами. Никаких враждебных замечаний также и от других русских рабочих. В самом деле это место хорошего тона (*игра слов: der Ton – тон, глина. – Ю.С.*).

20 ноября. Эриху поручают производить миски и кувшины. Я должен изготавливать в будущем большие печные сосуды, высотой примерно 20 см. Это труднее. Проходит почти целый день, до тех пор пока мне не удастся достигнуть равномерной толщины стенок. Снова и снова произведения обрушиваются. Напротив, Эрих работает суверенно, выдаёт почти двойную норму. За это он вызывается к расчёту во второй половине дня в большое здание и получает там суп и кусок хлеба. Никто не завидует. Все радуются, что он достал нам это место работы. Паша благоволит бригаде, однако, выполнение нормы редко. Большой кусок хлеба остается желанием, голод наш постоянный провожатый.

Декабрь. Дребезжащий мороз покрыл страну. В бараках холодно. Все замерзают. Маленькая, возведенная из камня печь даёт небольшое тепло и всегда осажена. На чугунной плите поленья лежат подолгу, так как выделенные дрова доставляются из леса сырыми и, конечно, не горят. Метод сушки запрещен строго. Если его обнаружит старшина барака, будет спектакль и виновники могут рассчитывать на высылку из барака. Постоянно борются за лучшие спальные места. Каждый пытается быть так близко, как возможно, к печи, так как там существует и возможность просушить немного предметы одежды. Кровати становятся свободными, если товарищи командуются в другие бригады, попадают в госпиталь или прощаются навсегда с этим миром. С течением времени я "продвинулся вперед" к печи. Только проход разделяет мой ряд кроватей с горячо желаемым источником тепла. Я занимаю пустую кровать против окна. Вечером, после объявления отбоя, я двигаю койку плотно к печи, и сплю две ночи великолепно, прижав спину к теплым камням. Но затем старшина барака открывает "заслонку" и прикрикивает на меня: „ Хочешь сжечь барак? Еще раз сомнительный трюк, и ты можешь уносить свою холодную задницу под открытое небо!". Мне хочется послать его к черту. Он непопулярен, имеет всюду глаза, обращает внимание также на то, чтобы возвращающиеся с работы бригады сразу же шли к мойке, и только затем в барак. Аналогично утром. Тогда это особенно тяжело,

голодным умываться перед завтраком. Starschi (старший) затем обычно произносит известное изречение казарменного двора: „То, что вы грязи лишаетесь - только для воспитания наслаждения". Однако, при более длительном размышлении осознаешь, что дисциплина и гигиена являются жизненно необходимыми предпосылками в лагере с тысячами пленных.

Продовольственное снабжение стало еще скуднее, суп еще более жидким. Иногда даже Kascha (каша) отменяется. Как причина, указывается приоритет поставок продуктов фронту. Также говорят о неурожаях в различных регионах Советского Союза. Приятели шепчутся, мол, шеф-повар еще и продукты для рождества экономит. Печальный результат: число нетрудоспособных растет. Так же и мертвецов. Но в плену много приятелей потеряли свои жизни и другим способом. Некоторые погибли во время лесной работы от падающих деревьев или раздавлены в асбестовых карьерах камнями. Также на фабриках некоторые смертельно травмировались, вследствие плохого положения с охраной труда. Недавно особенно трагичный несчастный случай произошёл. Старшина барака вызвал поздно вечером: „Нужно 4 добровольца для поездки на грузовом автомобиле. После этого будет суп". Примерно 20 человек вызвались. Шел снег весь день. В пути машина застряла в занесенном ущелье. Четверо откапывали её. Приятель стоял на образовавшемся снежном валу. Водитель стартовал, и в тот же самый момент свободный снег вместе с приятелем соскользнул вниз. Он был задавлен задними колесами и умер тотчас.

Рождество - Хансель и Гретель- наступление нового 1944/45 года

Самый важный праздник немцев, безразлично, какой они веры, это Рождество. Русские органы власти не обращают на это, конечно, никакого внимания. Пленники должны работать. Вечером мы сидим уныло на нарах. Каждый привязан к своим мыслям. Все-таки, комендатура утвердила „Рождественское организованное мероприятие культурного характера ". В Stalowa (столовой) стоит сосна, украшенная пятиконечной (советской) звездой, вырезанной из американской консервной банки Оскара Майера на Mech-Sawod (мех-заводе). Красная звезда на вершине - это символ. Вата из старой куртки имитирует снежный покров на ветвях. Он выглядит по-настоящему, как покрытый серой асбестовой пылью зимний ландшафт. Кто-то пронёс контрабандой кусок асбеста самого хорошего сорта из карьера и расположил разрыхленную волокнистую "горную шерсть" на ветвях. Превосходный эффект волос ангела!

Приятель декламирует стихотворение о мире на Земле. Ах, если бы после этого появившийся маг, умел бы колдовать, на самом деле. Затем "держатель товара" из барака ремесленников поет песню Волги: „ Одинок! Опять одинок! Одинок как всегда! Мимо молодость проходит в длинной тоскливой уединенности. Мое сердце тяжело и печально моё сознание, я сижу в золотой клетке в этом... " Удивляет меня, что строгий советский политический шеф песню из программы не выбросил. Однако, ожидаемо, пение из золотой клетки сильно затрагивает нас.

Тут же член Антифашистского актива («антифа») становится в позу и объявляет: „ Есть во всем мире только единственная страна, которая может создать мир на все времена на земном шаре, а именно Советский Союз. Германия с его капиталистической системой привела к бедствию в странах Европы, и теперь мы, пленники, должны приложить все наши силы для возмещения". Франц толкает меня: „ Ему хорошо говорить, он не работает и отрастил себе Kaschkopf (=«каша-голова.-Ю.С.»). Как при скудной еде можно призывать к усилиям ".

Мы позволяем еще пофланировать перед нами певцу шлягера, который чирикает в женской одежде: „Возвращайся, я жду тебя ...". Однако, когда с трудом собранный для программы хор пленников начинает песню о веселом периоде рождества, это большинство чувствует как насмешку над их сегодняшним положением и покидают постепенно и разочарованно помещение. Прибывши в барак, мысленно съедаем выданную как рождественский подарок булочку (произведенную из "экономленных продуктов") ; это было бы праздником Божьей Матери. Каждый грезит в своём очень личном рождественском сне о мире на Земле. Однако где этот мир? Дома его тоже нет. Там также ничто не предвещает высокого неба. Нужно ли спорить с участью или быть самодовольным? Находится ли маленький кусок мира в пределах нашей ограды из колючей проволоки? Я ложусь для тихого ночного спокойствия, не хочу больше

слышать ничего и видеть. Таким образом я тяну бушлат на голову. Сколько слез может тайком быть выплакано, пожалуй, именно в течение этих дней. Здесь, но также и дома. Таким образом Рождество в военное время является, к сожалению, также поводом для печали.

Вероятно, хорошо отправиться на несколько часов в сказочный мир. В лагере I состоится постановка оперы-сказки „ Хансель и Гретель ". Относительно немного пленных демонстрируют интерес и маршируют в воскресенье в, примерно в 2-х километрах находящийся, главный лагерь. Он больше чем наш и состоит из деревянных и каменных зданий. Мог бы принять примерно 3 000 пленников. В большом помещении клуба 300-400 человек находят место на скамьях без спинок. По высокой сцене блистает транспарант выделяющимися буквами: „Все наши силы на возмещение!". Как рассказывают, однажды ночью плакат был немного исправлен: „Наши силы на возмещение - все!". Последующее преследование дурных преступников не привело к успеху, вопреки призывам. В оркестровой яме находит место примерно 25 музыкантов. В то время, как они настраивают свои инструменты, приходят ко мне мысли: вот если бы выучился, я сидел бы, вероятно, также там, или в другой культурной группе военнопленных и не должен был бы надрываться на стройплощадках. Но отец, который между прочим преподавал музыку, не толкал нас к этому, а стремился скорее, чтобы мы выбирали солидное профессиональное направление. Даже дедушка Пауль не пророчил никакую особенную перспективу профессиональным музыкантам: „Изобретение пластинок и радио уже теперь прикончило домашнее музицирование. Начавшуюся смерть капелл и оркестров не нужно больше задерживать". Традиция семьи музыкантов закончилась. Почти. Все-таки я могу безошибочно выманить уже с пятого года жизни у пианино „кукушка, зовет из леса ", без использования остальных девяти пальцев.

В первом ряду сидят русские офицеры гарнизона с женами и детьми. Прежде чем занавес открывается, заключенные лагеря I сообщают об организации роскошного представления. Руководителем художественного ансамбля является Макс Вогэль (Max Vogel), который действует одновременно в качестве режиссера и исполнителя главной роли (ведьмы). Он, должно быть, родом из Вены и служил там в значительном театре или совсем - в государственной опере. Никто не сомневается в этом, так как видно, то, что идет на сцене, преподносит сведущая рука. Представление впечатляюще и удивительно, если подумать, какими примитивными средствами все создано. Либретто и роли должны были записываться по памяти, так же ноты и аранжировка для оркестра. Проблемой являлась поставка бумаги и карандашей, красок и материалов. Костюмы шились из матерчатых мешков, которые провозились в лагерь контрабандой с фабрики подготовки асбеста. При их крашении применяли средневековые методы. Проекторы, даже со световыми эффектами, возникали из соединенных консервных банок Оскара Майера. Чтобы создать эффективные декорации и кулисы, привезли сюда художника плаката и живописца из других лагерей. Так же певцов, бывших актеров и профессиональных музыкантов. Они освобождались долгое время от работы и получали - конечно - дополнительную еду.

Главное намерение было - улучшить настроение пленников. При этом, без сомнения, очень личные культурные интересы коменданта, его офицеров, но также и немецких «антифа» играли роль. Инсценировка изменена на актуальную. В центре сцены плена: Хансель и Гретель сидят за решетчатой перегородкой, жалеют свою участь. В то время как они поют заветное о надежде, возвращении домой, мире и свободе, ведьма осуществляет, езда верхом на метле, дьявольский танец. Когда в финале брат и сестра освободятся и отправят на тот свет ведьму, служащие русского гарнизона смотрят озадачено в суть: „Притча направлена против Советского Союза ?". Потом должна была быть сильная дискуссия между режиссером и политическим комиссаром. Макс Вогэль защищает свою трактовку: „Это символизировало запертый немецкий народ с ведьмой Гитлером". Каждый зритель думает по своему. Сцена должна быть изменена в повторных спектаклях.

1945 год. Утром Нового года господствуют отрицательные температуры далеко ниже 20 °C. В бараках ледяной холод. Мы замерзаем, ждём, что призовут для еды. Надо надеяться, жидкий

суп по крайней мере будет горяч. Несмотря на особенный день, преобладает морозное настроение, подходящее к наружным и внутренним температурам. Едва имеются поздравления. Все, что можно было пожелать себе обоюдно, давно произнесено: скорое возвращение домой. Но чего мы хотим сейчас в Германии? Сражений? За что? Против чего? Если можно доверять сообщениям советского телеграфного агентства, контрнаступление вермахта потерпело неудачу на Арденнах. Враждебные войска стоят перед имперскими границами. Родина стала фронтом. В Германии даже дети и старики теперь вооружаются и приобщаются, как «народный штурм» (Volkssturm) к регулярным боевым действиям. Об этом едва ли мог кто-то думать раньше. Я должен думать о моем младшем брате и о дедушке Бернхарде. Сегодня, 1 января, у обоих день рождения.

Пленники сидят на нарах, свесив ноги. Суп согрел их немного. Теперь они берутся с наслаждением за свой хлеб и будут разговорчивее: теперь нужно было бы быть дома, в кругу родственников и знакомых, при новогодней бутылке шампанского... Злой комментарий Германа: „Вероятно, в винном погребе в Мозеле, который стал бомбоубежищем. Там ты сможешь, при рёве сирен, ощутить перемену народной общности на общность бункера; или на Одере выпить за здоровье русских танков...". Словесные дуэли обнаруживают различные точки зрения. Большинство считает, что участь Германии решена. Лишь немногие верят в «оружие чуда». Для предложения перемирия слишком поздно, а капитуляция, наверное, не принимается в расчет высшим немецким военным командованием. Оно лучше позволит разрушить каждое немецкое местечко, чем сдать себя. Теперь дополнительная забота о существовании наших родных дома возникает для нас, пленников. Мы должны смотреть бездейственно из дальней дали, на то, что происходит в Германии. Однако, когда были мы на свободе, какая свобода оставалась нам, кроме как выполнять приказы? Будем ли мы спрашивать об их смысле? Едва. Это не положено маленькому вояке. Наверное, мы также боролись бы теперь там. Вероятно, меньше для Гитлера, скорее - в надежде спасти свои семьи.

На Лагерштрассе была установлена деревянная доска длиной 2 м с географической картой европейского театра военных действий. Красная веревка, которая изменяется почти ежедневно, иллюстрирует, прежде всего, продвижение вперед Красной армии в направлении немецкой границы. Часто пленники недоверчиво качая головой стоят перед планом, рассматривают затягивание со смешанными чувствами; с одной стороны, как угрозу Родине, с другой стороны, как надежду на скорый конец войны.

Большинство немецких офицеров не верят принципиально ни газетным сообщениям, ни сообщениям, которые объявляются по лагерному громкоговорителю. Если вояки выражают кое-что, они произносят это в большинстве случаев хорошо известным прусским картавым тоном: „Вы, жалкий человек, вообще не можете позволять себе никакого военно-стратегического суждения...". Затем они играют на тромбоне убедительным тоном, мол, Германия достаточно сильна, чтобы защитить по меньшей мере восточную имперскую границу. Из надежных источников они разузнали, что правительство уже ведет переговоры с западными союзниками, чтобы предотвратить расширение большевизма в Европе. Этот лозунг вызывает новые опасения и вопросы: Германия и западный союз в общем походе против России? Это значило бы для нас, наверное, плен на необозримое будущее. С другой стороны: советскую систему в Германии едва ли кто-то может себе представить.

Три ступени

Строгая сибирская зима с температурами минус 20-40 °С стремится к своему апогею. Это приводит нашу бригаду к катастрофическому положению. Советский рабочий офицер больше не утверждает разнарядку на гончарню. Таким образом бригада гончарни превращается снова в транспортную колонну номер 525. Что значит - работать отныне под открытым небом. Это самое плохое, что может произойти с бригадой зимой. Нас назначают туда, где появляется необходимость в людях: таскать балки, грузить и разгружать вагоны, доставлять материал на

стройплощадки, развивать шахты. Глубже бригада не может опуститься, так как все происходит без самой малой надежды выполнить норму - и получать большую краюшку хлеба.

Думают так: ах, если бы я только получил другую профессию, например, столяра, Stellmacher, плотника, портного, сапожника! Тогда бы я имел на одном из предприятий или совсем, в мастерских лагеря, крышу над головой, не направлялся бы на страшный холод. Затем представилась бы ещё и возможность "вырабатывать" дополнительный рацион. Или можно было бы выполнять, как токаря, фрезеровщику или литейщику на близком Mech-Sawod (мех-заводе), без особенных напряжений, рабочее задание.

7 февраля. Побудка: „Бригады встают! Приготовиться к работе!". На нижних нарах подо мной лежит Пауль Нихус, пожилой, добродушный мужчина, худой как щепка. Так как он не делает никаких попыток подняться, я трясу его. Он страшно неподвижен. Тихо и слабо он отошёл ночью. Мы все очень тронуты, вызываем старшину барака. Тот извещает врача лагеря. Она прибывает, регистрирует смерть и велит, чтобы Пауля перенесли в находящуюся рядом с нашим бараком номер 4 мертвецкую. Когда там накапливается примерно 10 умерших, в лагере создается добровольная команда. Это происходит в большинстве случаев поздно вечером. Мы слышим, содрогаясь, как стаскивают твердые замерзшие тела, за ноги, из каморки - по трем ступеням. Голова ударяется: клак, клак, клак. Затем бедняг укладывают слоями на сани и везут за лагерь, к опушке леса, там и погребают. Жуткая мудрость - там уже осенью "предусмотрительно" выкопали яму глубиной 2 м и длиной примерно 30 м, чтобы погребения происходили зимой во время сильного мороза "без проблем". Обозначения захоронений данными, кто там собственно погребен, не происходит, по высказываниям могильщиков. Затем похоронная команда получает дополнительно в Stalowa (столовой) суп.

Смерть товарища психологически потрясла каждого из нас. „ Кто знает, как близко от меня мой конец ", тот хорал, который мы часто пели в церковном хоре, совсем актуален в течение этих дней. И из других бараков мы ежедневно видим людей, которые с печальным грузом направляются в мертвецкую. Ряды бригад редуют. Утром механически тащимся к месту работы. День бесконечен. Вечером возвратившись, мы затягиваем себя из последних сил на верх, по установленным трём ступенькам, чтобы опуститься затем разбитыми на нары.

Всем бесконечно тяжело дается вскакивать каждое утро снова и настраиваться на длинный, бесконечно длинный рабочий день, в сопровождении боязливого вопроса: что он принесёт? Отступает на задний план даже большое желание, большая цель - возвращение домой. Теперь впереди маленькие, но тем не менее жизненно важные вопросы и надежды, которые двигают нами: надо надеяться, суп на завтрак горяч, надо надеяться, что снаружи совсем не так холодно, надо надеяться, что мы не будем работать под открытым небом, надо надеяться, что сопровождать нас будут добродушные конвоиры, которые позволят нам греться у их огня, надо надеяться, мы исполним норму, надо надеяться, никакая болезнь не нападает на меня. В нашей бригаде дела идут по смыслу также - 3 ступени вниз. Почти все опустились в течение прошедших недель на категорию ниже. Яростный холод, тяжелая работа и небольшая еда истощают силы. Как старики, мы шаркаем ногами, тяжело шагая к месту работы - Asbostroi (Асбострой). Теперь мастер тоже, пожалуй, понял, что большинство не может выполнять необходимые работы. Таким образом он не настаивает, с обычно непреклонными призывами Dawai, а выделяет легкие работы и возвращает нас (однажды, даже прежде времени) в лагерь. Когда бригада направляется вечером на внеплановый медицинский осмотр, Эрих предполагает: „Natschalnik (начальники) стройплощадки проинформировали, наверное, руководство лагеря". Врач щиплет задницы одного за другим и говорит почти каждому „Ти" или "ОК". Это значит освобождение от работы. Сидящий с ней рядом рабочий офицер озлоблен. Он имеет обязательства, должен обеспечивать стройплощадки, нуждается в рабочих руках. Тем не менее, врач настаивает на Otdych Postschada (отдых / пощада). Определенным образом она идет против него, вместе с тем и он сохранит на перспективу рабочие руки. Но униформист не понимает или не хочет понимать, настойчиво стоит на «Sejtschast» (сейчас). Но энергичный врач побеждает. Также и я определяюсь в категорию 3. Освобождение. Я не должен

больше надрываться вне лагеря и больше не подвергаюсь, по меньшей мере - некоторое время, - воздействию жестокого сибирского холода. Пожалуй никто из неспециалистов, которые должны были работать на стройплощадках при самых неблагоприятных условиях, без возможности выполнить норму, не смог бы пережить тяжелые годы до 1946, если бы врач лагеря и медицинская комиссия не давали ему некоторые льготы в форме более легкой работы, освобождения от работы или щадящей категории (3, ОК).

Теперь мы, как бенефициары, получаем дополнительный суп и на 100 г больше Kascha (каши).. Повлияет ли это на физическое состояние? Вероятно, способствует, но также и потому, что мы не должны больше выполнять тяжелую физическую работу. Предписанная служба в бараке (протирка пола сильно разбавленным щёлоком) выполнена быстро. С другой стороны, больше времени остается, чтобы впасть в лагерное бешенство. Чтобы ускользнуть от него, я хочу найти для себя литературное развлечение. Попытка побудить к этому несколько соседей по кровати, терпит неудачу: "Ради Бога, там дают только коммунистические бульварные романы!". Иду один. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин стоят впереди всех на полках. Но я едва достаиваю их взглядом. Затем я встречаю Гете, Шиллера, Лессинга, Гёте, Фонтане и мне неизвестных литераторов.

Библиотекарь спрашивает о круге интересов. Он комментирует мою тягу к Шиллеру: „Ага, туда идёшь. Однако, смотри, ты определенно не прочитал еще ничего об этом " Он подает мне потёртый переплет с испорченной золотой чеканкой: ГЕНРИХ ГЕЙНЕ СТИХОТВОРЕНИЯ. Я спрашиваю: „Не был ли он евреем?". Книжный управляющий наставляет меня: „ Ну и? Хотя именно поэтому, но не только поэтому ты должен был читать его. Получил бы определенно удовольствие " – убежденно говорит он. Когда я позже, на нарах, усмехаюсь время от времени, сосед становится любопытным. Я держу палец между двумя страницами и подаю ему книгу, там где:

„В голодный живот находят вход

Только логика супов с доводами фрикаделек,

Только аргументы жаркого из говядины

Сопровождаемые геттингенскими цитатами колбас ...".

Через несколько минут он возвращает том. „ Не, это не для моего вкуса". Однако, меня захватывает. Я буду хорошим клиентом библиотеки лагеря и удивляюсь, что так немного заинтересованных лиц. Библиотекарь говорит: „ Приятели утверждают, что здесь только политические книги. Ты видишь сам, что это не так. Я думаю, кто не интересовался литературой перед призывом, хотя бы немного, никогда не сможет начать это в плену. Конечно, мы не находимся на уровне Карла Май". После Гейне я бросаюсь на "Натан" Лессинга.

Когда я вновь посещаю библиотеку после нескольких недель, заведующий пододвигает том из фонда. Белым прямым шрифтом на черной основе стояло: Йоханнес Р. Бехер "ПРОЩАНИЕ". Я поворачиваю книгу нерешительно туда и сюда, спрашиваю: „Прощание, это является правильным чтением для военнопленного? Нет ли названий, таких как «Госка» или «Возвращение?»". Он реагирует нетерпеливо: „Только оставь свои предубеждения сейчас. Читай, затем мы сможем побеседовать об этом». Это автобиография живущего в Москве немецкого эмигранта. Прощание забрало у него дорогие, однако, одновременно, ставшие невыносимым привычки. Он описывает свои надежды и видение нового, лучшего мира. Видит ли он их, в самом деле, в Советском Союзе? Царская династия была не в состоянии привести гигантское государство от нужды и голода к добродетелям. Смогут ли социалисты/коммунисты сделать это? Они имеют высокие цели, хотят освободить от бедствия не меньше, чем весь мир...

Когда я возвращаю книгу, активист антифа принимает меня любезно и начинает без обвиняков: „Так, ты прочитал книгу о становлении других. Не думаешь ли ты, что все должно быть другим в этом мире?". Мой ответ: „ Я желал бы видеть мир без оружия, войны и насилия". Он ликует. «Да, это благоразумные претензии. Но осуществляя их, мы должны

устранить причины войн, капитализма и фашизма. Только потом может возникнуть грядущий коммунистический порядок". На мое возражение: „ Это я не могу себе представить ", он подготовился, наверное, так как сразу же отвечает: „ Ах, ты знаешь, мы не можем представить себе многое. Что станет, если больше не будет войн во всем мире, если будет править рабочий класс, и все люди дружно будут жить друг с другом? Тогда мы должны будем работать на фабриках, вероятно, только лишь 3 или 4 часа. И все же на земле такое благосостояние возникнет, что каждый человек сможет жить по своим потребностям. Политические гении - Маркс, Энгельс и Ленин исследовали все по-научному и обосновали...". И он рассказывает, рассказывает. Чтобы поставить конец потоку политической агитации, я беру, в шутку, МАРКСА к груди, скрываю его, однако, под телогрейкой, чтобы не пришлось отвечать на неприятные вопросы моих соседей по нарам.

Несколькими днями позже я возвращаю том нетронутым, оцениваю, его как слишком высокое для меня. Библиотекарь принимает это неожиданно легко, пожалуй потому, что я сразу хватаю „Что делать?" Ленина. Но также ставлю его после короткого перелистывания назад на полку. Я решаю на ЭНГЕЛЬСА. Его язык мне более понятен. Вместе с тем я исполнил, пожалуй, долг в политической литературе. Во всяком случае, библиотекарь больше не двигает меня к определенным названиям. Таким образом я поглощаю „ Жерминаль " и " Nana " Золя, а также „ Отца Гориота " и „ Eugenie Grandet " Бальзака, и не в последнюю очередь драмы Шекспира. Прямо-таки, очень лиричный и музыкальный язык Тургенева также произвел на меня впечатление. На всякий случай я знакомлюсь, наряду с немецкими, также со значительным рядом видных иностранных писателей.

Очень немного других возможностей самосовершенствоваться имелось в лагере. Начинались языковые курсы английского и французского языков. Они прекратились вследствие недостаточного участия. Даже преподавание русского нашло не много интереса. Таким образом получалось, что пленники, вопреки долгому пребыванию в России, язык страны не узнают, тем более, что соблюдается строгая дистанция с жителями. Как правило только обрывки слов остаются в воспоминаниях, которые перехватываются в разговорах между охраной и мастерами.

Красный пикирующий бомбардировщик- Weissen Rössl

Все больше вшей и клопов нападают на нас, пленников. Красные мучители ползут по стенам высоко на потолок и затем бросаются на отдыхающих, как пикирующие бомбардировщики на невинных людей. Тяжело соседствовать с кровожадными паразитами. Мы - беспомощные объекты их желаний. Ежемесячно проводится официальная кампания по их уничтожению. На месте построения стоит громадный чан. Кровати должны полностью разбираться, все части помещаются в плохо пахнущую щелочь. Акция едва что-то даёт. Это вызывает злословие: „Слышите ли вы, как клопы хихикают?". Некоторые приятели в бараке ставят после этого в ноги каркаса кроватей жестянки и наполняют их водой или (если находят) керосином. Тем самым подъем „красного гусара" должен предотвращаться. Но они ищут себе новые пути. Мелочь размножается страшно. Те же вши, еще более отвратительное общество. Как переносчик болезней они особенно опасны для пленников. Борьба состоит по существу из „ щелканья от руки", как мы говорим, так как камера по дезинсекции одежды, с ее относительно низкими температурами, не может доконать животных, прежде всего, подрастающего поколения в яйцах.

В маленьком проходе между кроватями группа пленников устроилась на нижних нарах. Судя по их философским беседам это могли бы быть бывшие студенты, доценты или профессора. Они говорят о КРАСНЫХ, которые непременно должны уничтожаться. Инстинкт самосохранения человечества требовал бы этого. Что я слышу? Однако, по истечении некоторого времени я узнаю, что они вовсе не подразумевают Советы, а клопов, надоедливых клопов, которые беспокоят нас беспрерывно. Я могу только с трудом следовать за умственными высотными полетами интеллигентов. Они говорят большое научное; о жизненном инстинкте, о поиске корма, как основной предпосылке сохранения природы и сохранения создания, о сути существ на Земле, о потребности, желаниях, голоде, жажде, о корме и процессе поедания, о войне

войн и затем уже о необходимости военных столкновений, чтобы сохранить жизненное пространство для существования определенных народов. Ага. Ну, здесь (я предполагаю) они подозрительно приближаются к отправной точке разговора. Но, вероятно, я делаю полностью ошибочные выводы. Во всяком случае, действительно, мне тяжело дается разбор примерно час продолжающейся беседы. В нашей деревенской школе и, затем, техникуме, взаимоотношениям, явлениям, связям и закономерностям, всем этим сложностям неоднозначного вида, внимания не уделялось. Или у меня прямые извилины.

25 февраля. Культурный ансамбль лагеря I предлагает новую постановку: „Летом на Вольфгангзее». Я спрашиваю начальника лагеря, могу ли я идти с ним. Он думает: „Для людей категории 3, собственно, не предусмотрено, но я не возражаю, только не выбиваться из сил!". Я поднимаю пальцы в клятве. Пьеса - это вариация „ Weißen Rössl " (музыка: Ральф Бенатцки). Конечно, я знаю мелодии прекрасного Зигисмунда и бедного Леопольда, которые исполнялись. Отец играл их часто, а мы пели. Текст к первоначальной пьесе из народного быта писал на рубеже столетий житель Берлина, еврейский писатель Оскар Блюменталь (родственник Гриммаерского (Grimmaer) предпринимателя Людвиг Блюменталь, который вынужден был эмигрировать в 1937 из-за его еврейского происхождения в Америку). Бенатцки использовал в оперетте также мелодии Роберта Штольца, Бруно Граникстедтена, Роберта Гильберта и Эдуарда Кюннеке. Музыкальные критики называли эту (чрезвычайно успешную) работу "Великим ревью-попурри комической оперетты". В Асбесте добавили в лагерную вариацию даже ряд ходовых современных шлягеров. К большому удовлетворению публики. Кредо режиссера было отчетливо: нужно стремиться перевести пленников на другие мысли.

Сыпной тиф, ударная бригада, конец войны

Март. Мне становится не хорошо на душе. Что-то не функционирует в моей внутренней части. Тошнота, ощущение головокружения, головная боль. Верхняя часть туловища покраснела и отекала. Во время медосмотра врач говорит только "лазарет". Санитар уводит меня, шепчет: „Снимай тряпки, они сразу идут на дезинсекцию и дезинфекцию. У тебя сыпной тиф!". Затем он выделяет мне кровать, дает термометр. Едва я ложусь, приходит врач. Она берет термометр, идет с ним к окну, смотрит коротко наружу, затем на шкалу и устанавливает: *Sorok!* Это значит 40. Подразумевает ли она сибирскую наружную температуру или температуру моего тела? Сыпной тиф! Этот диагноз встречает меня как удар молота. Я знаю, это тиф голода. Переносчики - вши. Типичная болезнь пленных. Много товарищей получили её - и они не выжили. В большинстве случаев температура приходит после нарушения пищеварения и расстройства сознания. Из грёз о возвращении домой. „ Не нужно никогда сдавать! " Прекрасное изречение. Однако, может ли ему следовать человек, физические силы которого израсходованы? „ Ты должен иметь волю к жизни! " звучит у меня в ушах. Конечно, я имею её. Но, все же, воля производится, пожалуй, силой, которая присуща телу, в том числе и мозгом, который дает команды. Некоторые приятели утверждают, вера может превозмочь смерть. Они молились, умоляли и все же умирали. „Я хочу, я должен вернуться домой ", долблю себе, все же обещал это матери. Я хочу - но как я умудрюсь сделать это, когда я так устал. Вероятно, даже жизнь устала.

Прошли дни или недели? Я не знаю этого. Я также не знаю, что делали со мной врач и санитар в этот промежуток времени. Медленно поднимается пелена. Санитар отвечает на мои вопросы: „Все же, прошедшее может быть тебе безразлично. Ты лежал несколько дней с высокой температурой, фантазировал всевозможное странное. Но это нормально при такой болезни. Ты идёшь в гору, если не произойдет спад. Говори немного, это напрягает. И ты нуждаешься в спокойствии, в большом спокойствии". Вокруг тела повязки. Когда они обновляются, я вижу на левой стороне верхней части туловища глубокие шрамы. Они гноятся и болят. Но это не так плохо. Главное дело, я встаю снова на ноги.

1 мая 1945. Снаружи из динамика русская военная музыка гремит непрерывно и громко. Между звуками ликования сообщения о победах.. 1 мая - *Bolschoi Prasdnik* в Советском Союзе . Боевой

день трудящихся. В самом деле, европейские рабочие борются. Разумеется, смертоносным оружием, друг против друга. Большинство определенно верят, что делают по долгу службы необходимое для своей страны. Убить врага - дело чести, Как долго убийственная война еще будет продолжаться? Потери в этом решающем бою должны быть невообразимо высоки. У обеих сторон. Если это правда, что русские окружили Берлин, что около Торгау американские и советские подразделения уже объединились, тогда война должна была войти уже в Саксонию, то есть и в Кольдитц и в Шёнбах. Но как? Мои родные - беженцы? Где они будут? Живы ли они еще?

Смерть прошла мимо меня вновь. Я выписан из лазарета и переведен в барак номер 7. В восьмом размещены румыны. Они двигались на войну, наверное, так же покорно или недовольно, как мы. Некоторые из них оказываются чрезвычайно шустрыми ребятами. Как только наступает темнота, они приходят и предлагают курильщикам *Machorka* (махорку) (в оригинальной упаковке!) против хлеба. Обмен строго запрещен. Тот, кто будет пойман, должен рассчитывать на карцер. Едва они (бывшее братья по оружию) исчезают, поднимаются первые облака дыма. Но вскоре после этого начинается беспорядочная ругань. "Табак" состоит из опилок, высушенных, мелко нарезанных грибов и зелени. Обманутые в большинстве случаев отказываются от попытки найти дурных преступников. Возможно, дошло бы до применения физической силы. Как правило, русские затем помещают бойцовых петухов вместе на строительство.

Очевидно, я снова совершенно здоров. Врач осматривает и ощупывает меня и решает: „Категорию 2 ". Все же, тело, спокойствием прошедших недель и несколько лучшим больничным питанием, должно хорошо регенерировать себя. Таким образом я становлюсь снова в единый рабочий фронт.

Бригада, к которой я принадлежу теперь, работает в "каменной мельнице", закрытом сверху и открытом по бокам строении, непосредственно перед фабрикой обработки асбеста. Мы должны буксировать грубые каменные куски в направлении большой воронки с длинными, впереди сглаженными буферами, откуда материал падает, наконец, на ленточные контейнеры и дальше транспортируется к фабрике. Толкание - это тяжелая работа, но я приучен к более плохому. Между прочим, мы должны на заводской территории из котлована прокладывать ров. Для чего он позже будет служить, мы не знаем. Это даже не интересует нас. Основной вопрос снова: наличие шансов выполнения нормы? Для, так называемой, бригады прыгунов - никаких видов. На стройплощадке работают пленники, которые охвачены в бригады специалистов: электрики, сварщики, плотники и т.д. Они не выполняют никаких слишком утомительных работ, достигают, однако, нормы. Непроизвольно зависть и недоброжелательство возникают, когда мы смотрим вечером, как они съедают большие куски хлеба, а мы довольствуемся существенно меньшими.

9 мая. Антон, посыльный барак, будит нас криком: „Подъем, встаём приятели и слушаем! Война закончилась. Гитлер застрелился. Германия капитулировала. Это мир!". Все сразу оживают, поднимаются, едва соображая, смеются, стучат друг другу на плечам: „Наконец, наконец!". Некоторые плачут от радости, некоторые с горечью и разочарованием. Все-таки Германия проиграла войну. Неожиданно пришёл конец. Это давно напрашивалось.

Когда мы идем к *Stalowa*, чтобы получать нашу скудную утреннюю трапезу, мы видим, как кухонный персонал танцует вокруг котлов. Арно говорит сердито: „Теперь посмотрят на вас, настолько много вы проявляете радости от поражения Германии". Курт поворачивается: „Болтун, не радуешься ли ты, все же, что мир наступает?". Тут офицер становится в позу: „Это всё сообщения пропаганды. Фюрер совершил самоубийство? Вздор. Все же, это было бы трусостью перед врагом. Он не сделал бы этого никогда!". От рядом стоящих возглас: „А если бы он сдался? В чём различие? Вероятно, тебя однажды тоже назовут трусом и спросят, почему ты сдался в плен. Ты должен был бы знать ваш слабоумный кодекс, по которому честнее застрелить себя, чем поднять руки. Но ты все еще можешь повеситься, если у тебя есть мужество для этого!".

Состоится митинг. Все должны присутствовать. Кроме тяжелобольных. Наиболее трудно это даётся нашим офицерам - видеть факт, что война проиграна. Они не хотят, по-видимому, ни понимать капитуляцию, ни соглашаться с ней. Во внутренних воротах лагеря непосредственно противостоит им делегация солдат и офицеров гарнизона (как символическая сила Советской Армии). На одной стороне господа, на другой представители «низшей расы». Мы маленькие вояки, на приличном расстоянии, наблюдаем конфронтацию со смесью сочувствия и тихого удовольствия. Мы вспоминаем о надменном поведении многих начальников, придираках и мучениях, и не в последнюю очередь о безумных «приказах стойкости», которые вели к смерти многих товарищей. Теперь прежние полубоги стоят с опущенными головами. Для них это, очевидно, падение Олимпа в бездну. Что происходит в них? Жалуют ли они о военном поражении? Или о гибели гитлеровского рейха? Некоторые заметно обеспокоены, чтобы сохранить актерский вид. Причудливая картина указывает, насколько люди изменяются, когда они лишены власти и командирства. С другой стороны, их разочарование понятно. Тот, кто охотно носил коричневую, серую, синюю или черную форменную одежду, естественно, расстроен, когда внезапно она больше никак не ценится или если он должен слышать, что военные формирования были частью дурной системы. Очень тяжело дается признаться в этом.

Советская делегация говорит и говорит. Громко и долго. Хотя мы не понимаем язык, можно легко сообразить, что это дифирамбы государству, партии и армии. Время не хочет проходить. Здесь появляется случай поразмышлять над значением дня, также о том, как в случае немецкой окончательной победы похожее мероприятие произошло бы перед советскими пленниками.

Мысли прерываются, когда красноармейцы позволяют себе громко славить своего Weliki (великого) Сталина, славную Krassnaja Armia (Красную армию) и Sowjetski Sojus (Советский Союз). Много вояк чувствуют себя унижено, обесчещено. Вероятно, они рассержены, потому что во время войны взяли на себя чрезмерные нагрузки, поставили на карту свои жизни, но не узнали триумфа победы. Однако, большинство радуются концу войны, который даёт проблеск надежды на скорое возвращение к себе домой. Они были бы также рады, если бы, наконец, митинг закончился. Русские, напротив, ликуют. Советская звезда сияет. Она победила орла, когти которого держали свастику.

Наконец, зазвучит национальный гимн СССР. Однако, это было бы абсурдно, если бы немецкие пленники подпевали. Поэтому «антифа»-активист просит в конце всех собранных спеть вместе "Интернационал": „Просыпайся, проклятье этой земли...". Все же, во время следующей строки песни „...все еще к голоду принуждают", самые элементарные неудовлетворенные потребности пленников просыпаются. Пение стихает, прежде чем песня закончилась.

За неимением круга слушателей во время занятий, политические преподаватели «антифа» приходят теперь в бараки. Они объявляют первый баланс II мировой войны. Хотя много ребят на нарах натягивает ватные куртки на уши, все же, большинство слушает заинтересовано. После первого обзора - в целом минимум 30- 40 млн. солдат и гражданских лиц погибли в ходе военных столкновений в 1939-1945 годах. И когда мы затем слышим, что после неудавшегося покушения на Гитлера (июль 44г) и до конца войны вдвое больше солдат пали, чем в течение предыдущих 5 лет, покушение офицеров на Гитлера видится в другом свете. Теперь многие узаконят сопротивление против Гитлера. Однако они называют восстание маленьких вояк по-прежнему, как отказ выполнять приказ, и ходатайствуют за самое жесткое наказание!

Имеются тягостные различия в обращении между рядовым составом и офицерскими чинами. Советские учреждения военной администрации признают, по меньшей мере на этом уровне, - определенные международные традиции. Таким образом немецкие офицеры не обязаны работать и получают особое продовольственное снабжение. Полковник Х. Х. объявляет добросовестно оберегаемый суточный рацион: „ 75 г жира, 75 г мяса, 100 г рыбы, 600 г хлеба, 1 500 г супа, 1 500 г пюре, 15 г табака или сигарет" - рацион, о котором мы, надрывающиеся пленные, можем только грезить. Двойные стандарты применяется, так же, как в лагерях для пленных Кольдитцера. Итак: люди двух сортов!?

Возвращение домой вместо возвращения домой?

13 мая. Бригада снова скорбит о мертвеце. Отто (фамилия не отмечена), пожилой мужчина высокого роста, умер. Он становился в течение последних дней все более молчаливым и только лишь тенью себя самого. Причина: истощение. Буквально он умер с голоду. Хотя он ростом 1.90 м и получал дополнительный суп (высотная надбавка, мы называли её шуточно). Смерть была гуманна, пришла ночью во сне. Мы прощаемся, но что это за прощание... Он лежит на нарах, мы уходим на работу. Когда мы возвращаемся, он находится в мертвецкой. Жена едва ли будет информирована о кончине. Фамилия и место жительства выпали из памяти. Письменные заметки запрещены строго-настроено. Прибывает и убывает слишком много приятелей, чтобы было можно запомнить их всех. Ведутся ли похоронные листы в гарнизоне? Если ведутся, опубликует ли Советский Союз их однажды? Вопросы, на которые никто не может ответить.

Новые поступления объявлены. В течение последних военных недель еще сотни тысяч попали в плен. Могло ли значить, что с растущей численностью пленных наше состояние здоровья станет еще более сложным? Недостаток продовольствия и недостаток медикаментов были всегда самыми частыми причинами смерти.

Моим рабочим местом является по-прежнему каменная мельница. В пространство под крышей вокруг наших носов свирепствует ветер. Но не иссякает юмор висельников: „ Ветер рассказал мне песню ... " или „ ветер свистит между ребрами ". Сквозняк вызывает серьезные опасности. Я уже чувствую их. Першение в горле, как если бы оно было полно тонкой асбестовой пыли. Санитар выдает фиолетовую жидкость для глотки: марганцовокислый калий, универсальное средство против боли в горле, зубной боли и других жалоб. На следующий день пасть как зашнурована. Я больше не могу доставить хлеб во внутрь. Появились температура и одышка.

Снова я должен идти в лазарет. Врач устанавливает стетоскоп. Уже после третьего наполнения дыханием у меня головокружение. Я падаю назад. Как из дальней дали я слышу еще её испуганное: „ Ой! ". Затем явилась темнота. Когда я раскрываю глаза, белая личность стоит передо мной. Это смерть? Нет, санитар. Он говорит: „ У тебя воспаление легких и сильный бронхит. Вероятно, также дифтерия. Не делай только никаких глупых вещей!".

Врач садится по край кровати, мерит температуру, вливает мне что-то горькое, кивает озабоченно. Мне ясно, что я нахожусь в угрожающем для жизни состоянии. Обычно пророчат: „Если дела у человека идут совсем плохо и его охватывает страх перед смертью, он ищет одиночества и молится". Я забыл это. Всехвального господина, там наверху, „ ... царствующего так великолепно ", как мы пели в церковном хоре, я не могу хвалить и также взывать к нему в моей нужде. Он удалялся в течение времени все дальше от меня. Он даже не услышал ежевечерние умоляющие молитвы благочестивых членов бригады после жизненно важного ежедневного куса хлеба. Необъяснимым решением и волей ему нравилось призывать их. Он покинул, пожалуй, всех пленников, как нас, так и советских в немецких руках. Я вспоминаю о музыке страстей Христовых, которую сочинил дедушка Пауль, для смешанного хора, соло, органа и оркестра смычковых инструментов: „ Семь слов о кресте ".

Могу ли я выжить? Я хочу, должен снова быть здоровым! Однако, я чувствую, как силы исчезают больше и больше. Моя жизнь находится только в руках врача. Гуманитарный долг, правда, велит помогать каждому больному, но она может предотвратить не каждую смерть, так как медикаментов не хватает. Часто я смотрел, как тяжело давалось ей принимать это решение.

В дивизионном медицинском пункте Тосно я слышал, как немецкий врач на равную дилемму жаловался: „Теперь мы медики вынуждены даже роль Бога играть. В нашей власти это, позволить жить одним и позволить умереть другим". В русских военных госпиталях, наверное, также. Солдаты являются трагическими фигурами войны на обеих сторонах.

В подсознании я воспринимаю смутно людей, которые склоняются надо мной, поворачивают мое тело и переворачивают. Все находится очень далеко. Мера времени пропадает. Однажды утром прихожу в себя, покрытый потом. Я не могу подняться. Санитар приходит, освобождает меня от покрывал и влажных платков. Он несет ведро воды, омывает меня. Затем врач - с ее

стандартными реквизитами термометр, стетоскоп и шпатель. Она смотрит моё горло и дает указания санитару. Он приносит суп, начинает кормить меня как ребенка. Дела не идут. Горло болит страшно. Часть жидкости уходит снова наружу через нос. Голова падает слабо вниз. Снова абсолютная темнота. Или это часто цитируемый „черный туннель“, который некоторые тяжело заболевшие проходили, в конце которого их охватывал, внезапно сияя, яркий свет? Некоторые якобы даже трон видели и слышали голоса ангелов. Нет. Мне такое явление никогда не приходило. Утром следующего дня олицетворение ангела парит, однако, мне навстречу. Это русский врач. В то время как санитар пытается привести мое тело в предназначенную позицию, она кормит меня. С болями я глотаю несколько ложек жидкого, несоленого бульона. При этом ангел кивает одобрительно.

На следующий день я могу есть уже самостоятельно. Наверное, мое тело чрезмерно способно к регенерированию.

Но как я выгляжу! В руках и ногах почти нет мяса. Я могу стоять только несколько минут. Песня нациста приходит мне на ум: „Дрожат гнилые кости“. В верхней части туловища ребра сильно выступают. Я думаю: на этом отец мог бы играть, как на пианино. Однако, после шуток не становится на душе легче. На кроватях слева и справа я вижу бедствие. Большинство заболевших страдают от флегмоны, отвратительной гнойной инфекции на ногах. Санитар борется с простудой, кроме всего прочего, разгоряченными шарообразными стаканами, которые он нажимает на верхнюю часть туловища. Это должно стимулировать кровообращение и циркуляцию. Быстрее всего чахнут больные дизентерией и тифом. Почти ежедневно гаснет свет жизни. Днями позже. Визит. Врач осматривает меня, улыбается даже немного. Несомненно: она горда, что отняла жертву у смерти и пишет мне „ОК“ - это категория спокойствия и выздоровления. Предпоследняя. Так глубоко я еще никогда не опускался.

Задание достается мне - выполнять дежурство по казарме у командиров взвода Вирчса (Wirths) и Лишки (Lischka). Оба принадлежат к привилегированным. Они отделили себе досками площадь 4 кв.м в бараке и таким образом создали личную территорию. Когда оба уходят на работу, я влажно вытираю помещение, приготавливаю на вечер воды для умывания. Когда они возвращаются со стройплощадки, я чищу их вещи и выполняю некоторые поручения. Деятельность походит на армейского денщика. Их взводы работают в асбестовом карьере, огромной разработке открытым способом. Как слышал, они выполняют в большинстве случаев необходимую дневную норму. Какие особые льготы имеют командиры взводов, я не знаю. В лагере им дополнительно предоставляется суп. Также на стройплощадке они получают, пожалуй, кое-что. Истощено оба, во всяком случае, не выглядят. При случае они дают мне кусок хлеба. Категория ОК, к которой я принадлежу, бережется, не должна выполнять разъездную работу, исполняет только легкие задания в пределах лагеря. Мы получаем несколько более сытную еду, чем большинство.

Двумя неделями позже. Медосмотр. Мой вес уже снова 52 кг. Существенно, после долгого пребывания в лазарете.

Июль / август. Прибывают несколько этапов новых пленников. Они должны закрывать ряды, которые прорвала смерть. Большинство лучше перенесли транспорт, по-видимому, чем мы когда-то. Но теперь всё же лето. С любопытством мы наблюдаем их вступление в лагерь, прежде всего, в надежде встретить знакомого. Почти все носят еще форменные одежды вермахта. Некоторые обозревают поднятой головой сразу весь лагерь и смотрят с превосходством и снисходительно на нас, выщелоченных личностей. Крепкий фельдфебель говорит по-военному-самодовольно: „Ну, Kammratten, вы выглядите очень хило. Мы должны наседать всевозможно. Не получают нас так быстро на колени!“. Фельдфебель рядом с ним, в области желудка которого сильно изгибается полевая рубашка, дополняет: „Я не стремлюсь освободиться от своего живота. Русским это тоже не удастся“. Мы, старые пленники не отвечаем на эти наивности и молчим. Какой смысл имело бы сообщать им, что тяжелая работа и незначительная пища неизбежно приведут в очень короткое время к драматическим потерям веса и именно большие, тяжелые

люди идут быстрее всего по лестнице вниз. Нас особенно удивляет исходящий от них, по-прусски трещащий, звук казарменного двора. Забыли мы, на каком хорошем пути были...

Наверное, эти "сильные" потеряют его, как только они не должны будут больше сообщать ни о чем и станут как мы - неизвестными Plennije (пленными). Кто-то подавал предложение: нужно только лишить человека достаточного питания, чтобы свергнуть его сверху - с высокого коня самонадеянности, и обучать его снова быть человеком. Если, однако, истощение продолжается месяцы, или совсем - в течение долгих лет, оно может вызывать в человеке самые низкие инстинкты.

"Новые" подтверждают по существу сообщения с фронта „Prawda" и „Iswestija" («Правды» и «Известий»), которые мы слышали из динамика лагеря. Однако, также и другое мы слышим: „Бесконечные человеческие потоки беженцев, прежде всего, из Верхней Силезии. Красноармейцы напали безжалостно на женщин и девушек, упражнялись в жестокой мести". Это является реакцией на нападение Гитлера в 1941 году и неистовство его подразделений в России? Страшно, какие наросты производит война.

Теперь наша надежда возвратиться домой скоро после конца войны, после прибытия новых пленников, проходит все больше. Многие впадают в глубокую депрессию: „Мы будем надрываться здесь еще в течение долгих лет". Да, дьявольская война. Теперь мы сетуем: украденная молодость, украденные годы. Вероятно, мы слишком уступчиво позволили им это взять. Но что другое должны были делать мы, молодые прыгуны? Хотели ли мы вообще делать что-то против?

Ах, какими, все же, сильными мы чувствовали себя в „покаявшемся коричневом товариществе", когда мы подчеркнуто жестким шагом маршировали по мостовой и непринужденно пели: „Наше знамя развевается над нами. В будущем воспитаем мы человека для человека. Мы маршируем для Гитлера ночью, и через лишения, со знаменем молодости, для свободы и хлеба... ". Вместо свободы мы маршировали в плен. А на «Brot» (хлеб) хорошо рифмуется «Tod» (смерть).

Безразлично, почти как естественный процесс, мы регистрируем быстрый физический спад новоприбывших. Он происходит в закаленных спортом мужчинах с неминуемой последовательностью: падение веса – понос - дизентерия - нетрудоспособность. У многих пленников отекают вследствие недостаточного питания ноги, руки и лицо. Все тело распухает. Наконец, отказывает сердце. Снова мы слышим ночью: клак, клак, клак. В полусон влетаются тона с давними шагами марша по мостовой: клак, клак, клак.

Новые пленники - Немецкие пленники - Русские пленники

Среди новых, которые выравниваются уже понемногу с нами, стариками, имеются те, которые пытаются, по-видимому улучшить положение пленников. Похвальное стремление. Они вели переговоры с немецким и русским руководством лагеря. Комиссар отделался от "парламентариев" обыкновенным замечанием: „Если бы вы так бунтовали в Германии, то вас бы вообще здесь не было!". Теперь они агитируют в бараках, предлагают отказ от работы. И когда один из них вбрасывает в спор слово «голодовка», оценка „Лучшая шутка за колючей проволокой " подтверждается сострадательным смехом, Ему разъясняется, что такая акция выполнима только когда пленники имеют более-менее хорошую физическую форму. Франц восклицает: „ Если вы еще не знаете это: отказ от работы рассматривается в качестве подстрекательства и штрафуется лишением питания!". Эргард сразу дополняет: Да, здесь голодовка не нужна. Она равнялась бы в современной ситуации массовому самоубийству". Новые хотят возразить кое-чему, однако, с заднего ряда нар звучит: „Выжили бы те, у кого дела идут так или иначе лучше, чем у широкой массы - видные деятели лагеря, ремесленники, офицеры, антифа и так далее". Теперь даже старшина барака подключается: „Осторожно! Если комендатура узнает о вашем выступлении, она может подать это как мятеж и нарушение порядка в лагере. Карцер вам обеспечен. Но вы

физически еще хорошо выглядите, смогли бы в «доме» более длительный срок перенести, вероятно, даже дней 14". Наглое требование инициаторами снимается.

Некоторая "новые" пробуют, наоборот, заигрывать с ключевыми должностными лицами лагеря. Они предстают, как антифашисты. Однако, самые хорошие места давно заняты. "Антифа-племя" передает кандидатов русскому политическому специалисту для просвещения лучами Рентгена. Он сразу просматривает намерение и спрашивает: „ Так-так, антифашистом являетесь ? С каких все же пор? И почему вы носите фашистскую форменную одежду? Почему вы стреляли в ваших товарищей по классу? И почему вы сидите в военном лагере для пленных, а не в концентрационном лагере?". Он ставит несколько вопросов из истории рабочего движения и сразу отмечает, что едва ли человек может действовать в лагере, как агитатор. Таким образом его отпускают с указанием: „Вы лучше всего сможете доказать ежедневной работой, как вы относитесь к делу социализма / коммунизма".

Наверное, руководство лагеря подозревает "новых" в организации беспорядков. Оно должно давать им отпор, конечно. Антифа-активисты отправляются в массы. На середину барака подвигается стол. За ним размещаются четыре "преподавателя", которые написали на своих знаменах: знакомить пленников с основами марксизма-ленинизма. Один встает, побуждает в полусне лежащих: „ Так, товарищи, теперь поговорим наконец свободно, откровенно и положим ваши проблемы на стол! ". Конечно, никто не подаёт голос. Затем сам квартет ставит вопросы и отвечает на них немедленно. Это удобно. Также и для нас. Таким образом мы можем оставаться лежать на нарах и слушать или не слушать, кто как хочет. Шеф антифа начинает: „ Товарищи! Мы знаем, конечно, где обувь жмёт. Однако, вернемся к исходной позиции: Советский Союз находился в 1941 г в гигантском мирном процессе обновления. Политически и экономически. Тут гитлеровская Германия спровоцировала войну, опустошила деревни, города, сельскохозяйственные площади". Следует бесконечно скучное описание Великой Отечественной войны Советского Союза - до того, как кто-то из засады не восклицает: „Мы голодаем!". Второй оратор отвечает на это успокаивающе: „Ясно, что вся экономика Советского Союза парализована войной. То продовольствие, что он производит, выдаётся. Жители города Асбеста получают не больше, чем мы пленники. Конечно, для нас присоединяются затрудняющие обстоятельства - ограниченная жизнь лагеря, климатические условия и здешний продовольственные традиции, к которым не приучен наш организм. Но, товарищи, война заканчивается. Продовольственное снабжение скоро улучшится, наверное". « Да-да. Мы слышим Skogo budjet, скоро, скоро, с давних пор ", шипит Эрвин с нижних нар. „И сколько нас еще должны сдохнуть ? ". Это становится господам за столом все же, все же, много. Один встает и клокочет: „Теперь слушай сюда! Если здесь уже говорится о смертях немецких пленных в Советском Союзе, то надо говорить, пожалуй, также и о смертях русских пленников в Германии. Точного числа еще, правда, нет, однако, уже теперь является однозначно установленным, что их - и в процентном отношении – несравненно больше. Даже еще не учитывать тех русских офицеров, которые рассматривались при взятии в плен - почти без исключения - в качестве комиссаров. И что означал приказ Гитлера о комиссарах, знаете все! Непонятно также: сотням тысяч советских солдат позволяли умирать с голоду в лагерях, хотя Германия располагала достаточными ресурсами продовольствия. И миллионы людей либо расстреливались в соответствии с расовой программой NS, либо отравлялись газом. Теперь пусть хоть один скажет мне, погиб ли здесь кто-то по этим причинам". Сдержанное бормотание. Четверо сердито берут свои бумаги и направляются к выходу. Грубый голос кричит сзади: „Если вы снова появитесь, мы заколотим дверь барака!".

Задумчивость. Георг из фабричной бригады думает: „Так указывать рукой совсем не дело. Во всяком случае, все звучало вполне убедительно. Кроме того: я не думаю, что все антифа агитируют только из-за добавки". Другой бормочет: „ Слышим, слышим! Один уже поймался . Красным стал".

Георг, которого зовут только „Жорж“, отвечает: „ Ну, этого нужно было ждать, конечно. Но расскажи, все-таки, что не правильно? " - молчание.

Ноябрь. Снова приближается внушающая страх русская зима. Наряду с ежедневной борьбой с голодом начинается борьба с холодом. Весь состав лагеря был снабжен Walinki (валенками) (сапоги из войлока), ватными штанами, ватными куртками, меховыми шапками и пальто на подкладке. Без этих вещей никто не перенес бы низкие температуры. Несколькими маленькими трюками холод можно немного перехитрить. Если бригада направляется утром к воротам лагеря, каждый пытается оттянуть выход из защищающего барака еще на некоторое время, не быть на холоде. Но старшина барака следит, гонит опаздывающих - иногда энергично - наружу. Жестоко и бесцеремонно? Можно взглянуть на это иначе: время ожидания уже вышедших бригад такой задержкой увеличивается. Это значит: из-за одних должны мерзнуть другие товарищи.

Во время построения porjat (по пять) каждый хочет попасть по возможности в среднюю позицию, так как впереди и снаружи идущие чувствуют ледяной ветер больше всего, им труднее "шагать" при свежем снеге. На пути к стройплощадке взлетают наушники шапок вниз и поднимаются воротники пальто. Выдыхают в оставшуюся маленькую брешь, чтобы подводить хотя бы часть внутреннего теплого воздуха снова к телу. Руки находятся глубоко в карманах. Идут шаркающими шагами. Лицо обращено к земле, из-за слабости, но также и в надежде найти кое-что полезное, вероятно, даже кое-что съедобное. Курильщики высматривают внимательно окурки сигарет. Время от времени один смотрит на другого и сигнализирует, если нос будет бел, тогда необходимо натирание снегом. Однако, это тяжело установить, так как изморозь окружает почти всю площадь лица.

От холода не убежать. Хуже всего он встречает бригады, работающие под открытым небом, как наша. Мороз проникает сначала в валенки, затем в перчатки, наконец, во всё тело. Помогает только движение. Однако, для этого необходимы силы. Тот, у кого их меньше всего, страдает больше всего. Если конвоиры милостивы, они разрешают пленникам при случае греться у костра. Мы работаем снова на крупной стройке - Nowostroika. Каждый должен бороться - за себя, с собой, против холода, голода, слабости и приближающейся апатии, с конвоирами, наконец, с томительно тянувшимся временем; и вот, знак к обратному пути в лагерь.

Но там также продолжается борьба за существование. Лежим на нарах и обдумываем, какие пути нужно преодолеть. Никакой излишний шаг не делается, чтобы не расходовать энергию бесполезно. Беспрерывно несём эту мысль. И ночью, если просыпаешься и нужно идти наружу в одно местечко. Путь туда далек, а снаружи господствует ледяной холод. Сколько сейчас времени? Стоит ли вставать или можно выдержать до утра? Если идешь наружу, бдение продолжается очень долго, до тех пор пока тело не достигает необходимой для сна температуры после возвращения в барак. А недостаточный ночной покой истощает силы далее.

Если температура опускается ниже минус 30 °С, выводятся только те бригады, которые работают внутри зданий. Наружные работы не должны выполняться. Это правило было принято, после того, как число обморожений стало слишком большим. Русский рабочий офицер заинтересован, конечно, сохранять рабочие руки, так как по приказу он должен обеспечить людьми все стройплощадки.

Мы „каторжники открытого воздуха" устанавливаем, что 30 °С создают меньше нагрузку, чем 20 °С сопровождаемые ветром и снегом. Аварийные работы должны доделываться по воскресеньям. Вследствие роспуска и формирования бригад, изменения стройплощадок, болезней и смерти пропадает ясность, какие пленники должны это доделывать и сколько часов. Итог: неделями вообще для всех выходной день больше не даётся. Русский плен, тяжелый плен. Я спрашиваю себя, как живется товарищам, которые попали в польский, французский, английский или американский плен?

В 1946г. Год начинается с трудностей. Спина болит. Мой сосед по нарам рассматривает её: „О, там затевается нечто. Это станет красивым фурункулом". В больничном отделении теперь имеет резиденцию Potschemu (Почему), пожилой, худой фельдшер. Он получил кличку из-за его

постоянного вопроса „ Putschemu bolnoi? " (Почему больной?), который он направляет к каждому, который входит в помещение. При этом он сдвигает свою форменную шапку на затылок и подглядывает на пациента строгим взглядом. Хотя он говорит „симулянт ", постановку диагноза и лечение предоставляет в конечном счете в большинстве случаев немецкому врачу или санитару. Возможностей помощи мало. Не хватает по-прежнему медикаментов.

Теперь я в очереди. Он рассматривает мою спину, считает её Nitschewo (ничего) и дает санитару знак. Накладывается повязка с ихтиолом. Все же я получаю на следующий день температуру. Боли становятся сильнее. Фурункул также. Вокруг образуются другие. Санитар говорит: „Дело распространяется и идет в глубину. Это типичный асбестовый абсцесс. Я должен вскрыть «сокровище». Ложись на живот, бери платок между зубами и сожми их. Это что-то вроде глушителя звука". Затем он громыхает сделанным пленными на Mech-Sawod (мех-заводе) инструментом, и я чувствую, как будто бы мастер ножа вскрыл позвоночник. На некоторое время свет уходит из моих глаз. Когда прихожу в сознание, слышу: „Ты не заметил, наверное, вообще ничего. Бессознательное состояние - это подарок природы. Оно экономит нам недостающие наркотические средства". Два дня я пишу больным. Температура опускается вниз. Но процесс выздоровления продолжается необычно долго. При каждой смене повязки это фиксируется: в ране сорище вшей. Недели проходят. Затем образуется омертвление плоти. Снова и снова иду я после рабочего дня на лечение. Вдвоем белые халаты кромсают разрастания и затем слегка касаются поверхности жидкостью, которая вызывает такое действие, что у меня теряются слух и зрение. Мой бригадир имеет сочувствие, он выделяет мне на стройплощадке более легкую работу.

Я вновь иду на перевязку, в больничном отделении царит волнение. Два пленника вносят третьего. Его левая рука залита кровью. Средний палец висит свободно вниз. Putschemu (Почему) был проинформирован, наверное, уже, ругается, на чём свет стоит. Он берет маленькую чашу и ножницы, -чик, и палец далеко от ампутанта. На носилках он перевязывается и его уносят в военный госпиталь рядом. Что произошло? Группе пленным было приказано, чтобы они меняли однометровые столбики вдоль изгороди лагеря. Новые должны были заостряться и вбиваться. Приятель, физически, пожалуй, на исходе, не видел, наверное, никакой другой возможности перенести суровую зиму, гарантировано попасть в лазарет с последующим освобождением от работы. Таким образом он положил средний палец на плоскость верхнего края столба и взмахнул топором. Он отсек палец от тесной ладони. Видно ясно, что это не было несчастным случаем. Он перенёс зиму, но не последующее штрафное время в карцере.

Неделю спустя. Воскресенье. Мы, собственно, могли бы спать на один час больше. Разбужены, тем не менее, в ранние утренние часы ружейными выстрелами. Это лишь немного возбуждает пленников: „ Кто знает, русские играют, наверное, третью мировую войну". Любопытные идут наружу, скоро возвращаются и сообщают. На стороне фронта барака находится лестница с площадкой и перилами. На ней висит пленный. Наверное, не один час. Он выбрал самоубийство, больше не имел, очевидно, никаких сил жить за колючей проволокой. Часовой на вышке смог увидеть его только, когда рассвело, и затем обратил внимание на событие выстрелами в воздух. Заспанный рычит на нарах: „Только дурак в воскресенье вешается. Он мог бы выбрать себе другой день". Он ложится на другой бок, остальные добавляют похожее. Как, все же, холодны, бессердечны мы стали по отношению к пленнику, у которого больше не осталось никакой надежды, стойкость которого просто иссякла. Конечно, гарнизон подняли по тревоге. Однако, когда комендант установил, что речь шла только о немецком самоубийце, он снова позволил подчиненным вернуться в расположение. Они желали себе, наверное, как и мы, еще один не лишний час сна.

Голод, иерархия и ненависть

То, что я знал о голоде. Хотя в самом раннем детстве дома часто был впроголодь. Мы даже скандировали при случае нетерпеливую речёвку: „ Мы имеем голод – голод - голод ... ", если еда прибывала на стол несколько позже. Однако, был ли это голод? По понятиям того времени, вероятно. В самом деле при нормальных условиях полагают, что уже ощущают волчий аппетит

перед особенной трапезой. В русском плену другие масштабы. Там даже такие солдатские выражения, как "движимые голодом", "хлебная корка" и "чад" становятся недействующими. Мы понимаем, что даже фраза: „ Я имею волчий аппетит на ... " в глубине является только несдержанным требованием кое-чего особенного.

Нет, голод за русской колючей проволокой другой. Он сопровождает низкого пленника изо дня в день, из ночи в ночь. Это больше не обычное урчание в желудке. Голод непрерывно трет стенки желудка. Сколько язв скрываются за этим, возникают, сокращаются, снова вскрываются - кто установит это? Из-за таких болей едва ли кто-то идет в больницу. Почти весь лагерь должен был бы стоять в очереди. Каждый знает: нет никаких медикаментов.

Как можно встречать голод? Курильщики сосут жадно самокрутки, собирают окурки сушат и курят их. "Дымовые трубы" утверждают: никотин убивает на некоторое время чувство голода. Я не могу обсуждать это, только единственный раз пытался вдыхать дым русского крупно резаного табака. Мне стало тошно. Приятели посмеялись и спорят с тех пор о моем декадном распределении Machorka (махорки) (50-100 г). Я получаю за это либо кусок хлеба, либо суп или столовую ложку сахара. Мне, правда, приходит мысль, что я ухудшаю вместе с тем, возможно, продолжительность жизни приятелей. Однако, моя тяга к самосохранению искореняет эту точку зрения. Кроме того, я успокаиваю свою совесть тем, что отдаю рацион табака моим членам бригады всегда ниже обыкновенной в лагере стоимости обмена.

Прием пищи военнопленными в России не совершался так, как это утверждается снова и снова. Голодающие не ведут себя как сумасшедшие, они не поглощают еду жадно. Наоборот. Во всех лагерях можно было наблюдать, как пленники потребляли причитающиеся им и выданные пайки спокойно, обдуманно. Конечно, имеются исключения. По навыкам еды (наверное – привитым), видно, кто перенесёт плен скорее всего. Наименьшие шансы выживания имеют так называемые искатели крошек. Измученные патологической прожорливостью, неподвижным взглядом высматривают они в столовой каждый едва заметный маленький хлебный мякиш, собирают их со столов, с пола или собирают пальцем самые незначительные остатки супа из собственных и чужих мисок. Эти ребята худеют быстрее всех и скоро прощаются с этим миром.

Хлеб прибывает с городского хлебозавода непосредственно в так называемые Lagerchleboreska (лагерные хлебозаводы). Там двое кухонных рабочих с ножами по шаблону делят это на 200 и 400 граммовые куски. Каждый идет на весы. Возможные дополнения веса предпринимают оба хлебозавода. Они накалывают маленькие кубики посредством лучины на основную часть. Когда бригадир забирает порции в окне и они раздаются (краюшки - в установленной последовательности), берут только подколотые маленькие куски, как приложение к супу. Сначала большой кусок хлеба остается неприкосновенным.

Охватывают его постоянно благоприятными взглядами, складывают его, после съедания супа и Kascha (каши), аккуратно в платок и отправляются в барак. Также и там редко кто-то нападает несдержанно на хлеб, хотя голод мучит еще как сильно. Большинство пленных разрезают кусок самодельными "ножами" из укороченных полотен пилы или полосового железа, раскладывают кубики хлеба на дощечке и едят кусочек за кусочком, жуя бесконечно медленно.

Каждый хочет превзойти другого при этом ритуале; по опыту древних пленников: „ Кто поглощает жадно пайку, утонет совсем скоро в черной дыре". Однако, этот необычный, замедленный прием пищи радикально нарушается, если неожиданно больший ассортимент продуктов находится в свободном распоряжении. Тогда вырывается неконтролируемое, недисциплинированное опьянение едой, которое может окончиться смертельно, как было в колхозе.

„ Хлеб наш насущный дай на сей день!". Ах, ты дорогой Бог, если бы ты только мог слышать нас! Сколько хлеба нужно все же человеку, чтобы не умереть с голоду? 400 г - это основной рацион. Это звучит, как много. Однако, русский Chleb (хлеб) содержит почти 50 % воды. А насколько питательны водянистые, полностью вегетарианские супы без жира и 10 ложек пшенной каши? Неудивительно, что теперь ночью от морга к нам всё чаще проникают

страшные звуки: клак-клак-клак. Кто унес бедные души? Дорогой Бог или злой черт? Вероятно, также смерть, мнимая участь или просто случай - более точно: ряд несчастных случаев?

Антон Спэч (Anton Späth), пастор из Рейнланда, который состоит в нашей бригаде, не знает ни на эти, ни на другие жизненно важные вопросы удовлетворительного ответа. Все же я охотно беседую с ним. Однажды я спросил его: „Ты можешь сказать мне, почему я не могу молиться?“. Он обдумал и ответил по истечении некоторого времени: „Почему ты мучишь себя? Я верю, Бог есть в тебе. Ты только не знаешь этого“. Понять тяжело. Утешение это было или комплимент?

Богослужения не могут совершаться. Не существует со стороны пленников и никакой к этому особенной потребности. За исключением рождества и поминального воскресенья. Несколько священников вермахта дают знать, кто они есть, и призывают некоторых товарищей в личных беседах к мужеству и надежде, причем они подходят очень осторожно и знают: „Голодным плохо проповедовать“. Кроме того, даже сами некоторые священнослужители нуждаются в совете и утешении.

Голод встречает пленников очень по-разному. „Самые бедные ханыги“ - это Tschorni Rabotschiks и Pomoschniks (чернорабочие и помощники), то есть подсобные рабочие, не специалисты. Они должны выполнять неквалифицированные и тяжелые работы при ветре и непогоде. Без какой-либо льготы и только редко с видом на выполнении нормы, они представляют самый низкий продовольственный класс. Длительный крайний недостаток продовольствия изменяет этих людей радикально. Это начинается с безучастности и может кончиться агрессией. Чаще всего поражение начинается уже в пути. Голодом и слабостью терзаемые, они теряют моральные ценности, которые были святы для них еще неделей раньше. Одобряющие слова могут производить противоположное действия. С другой стороны, они приходят к познанию: в современной ситуации плен нужно переносить только с постоянной тупой пассивностью.

Эти пленники рассматривают, естественно, всю лагерную верхушку скептически. Каждый, кто входит свежим, веселым и прямой походкой, осматривается с недоверием: почему находятся в таком виде? Следовательно, он не один из вас. Ненависть и зависть концентрируются преимущественно на так называемых длинноволосых антифа - активистах, так как они получают дополнительную пищу, не стригутся наголо и занимаются политическим процессом перевоспитания. При детальном рассмотрении иерархия лагеря гораздо глубже, начинается на уровне бригадира. Она продолжается старшинами барачков, а также взводными и ротными командирами. Этим людям разрешают, чаще всего, добавку на кухне. Но затем снисхождение прекращается, так как речь идет уже о более высоких рангах. Это многие, которые кормятся дополнительно. Офицеры получают особое положение. Затем нужно назвать сильно разветвленную линию лагеря, его постоянных или временных служащих, персонал кухни, бани, прачечной, больницы, ремесленников лагеря, столяров, портных, сапожников, людей культуры. Все получают дополнительное питание. И все оспаривают это. Но какими бы тайными не были их пути, все же, это обнаруживается - только по их виду. Там внешний вид не обманывает. Маленький вояка держится мнения: если уже дополнительное питание расходуется, то оно подобает в первую очередь ему, который выполняет особенно тяжелую работу, при неблагоприятных условиях погоды и едва ли имеет шанс выполнить норму выработки. Тогда большой голод не умерщвлял бы так.

Лагерь находится в немецком самоуправлении. Руководство могло бы осуществлять более справедливое распределение продуктов. Но, по-видимому, оно вовсе не хочет этого. Основная масса ругается по этому поводу, но не ропщет, однако, официально. Сила отсутствует у товарищей, чтобы подать жалобу. Они должны были бы тогда опасаться "случайного" направления в ходе следующих бригадных перестановок на особенно плохую стройплощадку. А различия существенны.

Тут имеется "бригада Эрнста Тельманна". Она выполняет всегда свою дневную норму. Не „точно так“ со 101 %, а часто более чем на 1 000 %. Каждый в лагере знает, что дела здесь не праведные

и не НКВД этим управляет. Имя бывшего председателя Коммунистической партии Германии имеет в СССР, наверное, такой вес, что бригаде нужно всегда гарантировать 1 место на почетной доске в воротах лагеря уже из-за престижа. „Немецкие стахановцы " хорошо стоят на довольствии, получают еду на стройплощадке и в лагере, как постоянные победители рабочего соревнования. Еще - дополнительные супы, которыми они часто пренебрегают в Stalowa (столовой) или дарят. „Герои работы " сопровождают при проходе в столовую толпой истощенных пленников. Они расхватывают в один момент наполовину опустошенные или отодвинутые миски с супом. Так как "тельманнцы" участвуют также в идеологической университетской программе обучения, они обильно пожинают презрение. Жестоко надрывающимся бригадам политические тирады противны, они сформировали уже своё собственное мнение: теперь дела должны идти, гоп-ля-гоп, от гитлеровской диктатуры к диктатуре Сталина.

И я вдаюсь снова в размышления: вероятно, мы и русские являемся двойными пленниками? Пленниками наших идеологий и теологии? И вообще странно: христиане следуют за звездой, русские следуют за звездой, евреи следуют за звездой, американцы даже - и все не сближаются. Кто должен разобраться в этом?

В Советском Союзе имеется крылатая фраза: „ Кто не работает, тот не ест". Это должно мобилизовать рабочую волю. Какой голодающий поймет этот тезис? Наш бригадный пастор объясняет: „Цитата происходит из второго письма апостола Павла Tesselonicher и звучит: «Таким образом, если кто-то не хочет работать, тот также не должен есть». Этот призыв направлен к бездельникам, которые больше не ударяют рукой об руку в ожидании предполагаемого конца света".

Антифашисты обосновывают применение цитаты следующим образом: „ Рабочее движение подхватило это, чтобы обратить внимание на то, что каждый гражданин имеет право на труд, но также и долг трудиться. От утрированных толкований мы отмежевываемся ". Однако они делают это лишь теоретически, так как противостоять определенным практическим воздействиям полностью беспомощны. Такие могли бы иметь для некоторых из наших членов бригады даже смертельные последствия. Так как бригада 525 не выполняет норму в течение месяцев, "предикат" бригады симулянтов угрожает ей теперь. Это означает еще более скверные рабочие места, еще более тяжелую работу и еще больший расход сил с вытекающими последствиями. Результат можно было бы предвидеть: сначала категория 3, после этого ОК, затем дистрофия и лазарет. Последняя станция: холодная палата за баракком.

Пленники лежат после дня работы ослабевшими на нарах. Если половая жизнь обозначалась в армии как „ тема номер 1 ", то в русском плену - еда. Сексуальные порывы вообще не сильно трогают работающих, физически опустившихся пленников. Они мечтают и говорят о насыщении, повторяют достаточно известные истории, порождая мучительный голод. Всегда они подаются снова. Каждый давно знает их, знает, что шварцвальдерская ветчина не может конкурировать с вестфальской, и что тюрингские клёчки превосходят баварские фрикадельки. Я не хочу прерывать бесконечный спор между кенигсбергскими биточками и берлинскими рубленными котлетами и отказываюсь добровольно от того, чтобы вбросить, например, лейпцигское рагу или саксонский творожник в спор. Хвалебные речи специальным домашним блюдам кончаются только тогда, когда посыльный баракков Антон призывает для еды. И если позже снова все сидят на нарах и потребляют русский формовой хлеб с огромным удовольствием, все едины во мнении, что немецкий пирог едва ли может иметь лучший вкус.

Я пытаюсь через чтение перейти на другие мысли. В библиотеке попала мне в руки „Одиссея" Гомера. Сказочный герой имел во время скитания также всевозможные проблемы с питанием. „ Едва ли можно усмирить ярость голодного живота, который доставляет большую печаль людям". Его поездки по морям походили в некоторой степени на наши безумные поездки на велосипедах R.A.D. по песчаным морям русских степей. И отодвигаются страдания далекой Сибири прочь. Остается надеяться, что наше море плена не растянется также на 10 лет.

Продолжатель рода - член SS? - дорожный рабочий

Четыре члена бригады – и я в том числе - больше не работаем на Nowostroika (Новостройке), который теперь называется, впрочем, Asbostroi (Асбострой), а идём теперь вместе с другим рабочим коллективом в Lesopilnija/Stoljarka (лесопилку/столярку). Это лесопильный завод со столярной мастерской. Прибывающие из леса железнодорожными вагонами или грузовиками стволы нужно разгружать и затем помещать на склад. Оттуда мы буксируем, по мере надобности, ствол за стволом на восьмиколёсной двойной тележке и толкаем их к лесопильному станку. Физически утомительная и также опасная процедура, прежде всего, во время дождя и снега, так как стволы из-за этого скользят и неконтролируемо падают, как ракеты. Печаль тому, который не реагирует достаточно быстро. Самые частые случаи: ушибы, переломы рук и ног. Три члена бригады обслуживают, под надзором русского мастера, пилораму.

Машинное устройство отличается, в принципе, не существенно от немецких. В железных рамах вставлены решетчато несколько полотен пилы. Они распиливают кругляк на доски или брусья. Непосредственно назначенные к пилораме приятели считаются специалистами и поэтому получают ежедневно суп на заводской кухне. Мы, команда древо-катальщиков, воспринимаем это как несправедливость, так как мы являемся, все же, в самом верном смысле слова, продолжателями рода предприятия (*игра слов- Stammhalter= продолжатель рода; Stamm – ствол; Halter – держатель. –Ю.С.*).

Время от времени даже 101 % выполнения нормы записываются бригаде, и мы получаем в лагере горячо желанные 200 г хлеба дополнительно. Но еще одно преимущество связано с новой площадкой. Незадолго до конца рабочего дня каждый прячет под телогрейкой полено древесины. Мастер смотрит и не замечает этого. Конвоиры также. Сначала, во всяком случае. Однако если конвой гарнизона приближается, это называется: *Stoi!* Не требуется никакой следующей команды. Мы знаем решение: в расположениях красноармейцев также холодно. Возделенное, сухое топливо "добровольно" падает на землю. Конвоиры регистрируют наше непрошенное поведение благосклонно. Это имеет преимущество, потому что личный обыск отсутствует. Таким образом несколько деревянных поленьев попадают в барак. Поэтому вечером нам причитается непосредственная близость к печи.

Апрель. Весна сломала власть зимы. Солнце стягивает с пейзажа снежный покров. В школах Германии дети декламируют, наверное, уже: „В долине зеленела надежда счастья...". За колючей проволокой слово «надежда» связано с возвращением домой. Приятель хотел принудить счастье. Удрал с места работы. Собственно, безумие, за тысячи километров от родины, охулавший, слабый. Он едва преодолел 10. На мосту через реку он был остановлен. Как это было, само по себе, никто точно не знает. Во всяком случае, принесли его мертвым. „ В бегах застрелен ", называлось это лаконично. Два дня он лежал для устрашения у ворот лагеря. Из лагеря убежать вряд ли возможно. Барьеры едва ли можно преодолеть. Первое препятствие в пределах лагеря образует подбитая гвоздями с колючей проволокой изгородь высотой 1 м и полоска земли шириной 3 м, чисто убранная. Затем следует основная изгородь, дощатая перегородка высотой от 3 до 4 м. Наверху, как окончание, косо направленная внутрь сетка из колючей проволоки шириной примерно 80 см. Снаружи находится сигнализация. На каждом углу лагеря часовой на высокой деревянной наблюдательной вышке (*Wischka*), на длинных сторонах стоит ещё по одной. На вышках размещены прожекторы. Рефлекторами служат совместно соединенные консервные банки. Они не производят никакого особенно сильного света. Все же бегство едва ли возможно даже ночью. Намерения бегства из лагеря, в отдельности или групповые, никогда не принимались во внимание, наверное. Даже от офицеров, хотя они говорили сначала часто, что каждый пленник имеет не только право, но и долг - предпринимать попытки побега. Убежать, однако, из асбестовского лагеря, требует чуть больше мужества чем, к примеру, из замка Кольдитцера. Едва ли есть условия и возможности. Между тем, было установлено, что бегство из лагеря в Советском Союзе на родину не удалось ни одному немецкому военнопленному.

В печальном существовании пленного иногда происходят благоприятные вещи. Так каждый получил недавно матерчатый мешок и смог наполнить его опилками из "нашей" Stoljarka (столярки). Теперь мы больше не лежим на жестких досках, а на более приятных подстилках. Мы чувствуем себя, как на немецких "матрасах Шлараффий" (по меньшей мере, так похоже). Однако, основание мешка с опилками может развить свою полную эффективность только после нескольких дней, когда образуется специфический для тела владельца провал.

Новый предмет обсуждения: приговоры Нюрнбергского судебного процесса по делам военных преступников объявляются газетами, динамиками лагеря и переводчиками. Этот трибунал имеет воздействие вплоть до лагерей военнопленных. Комиссия НКВД имеет, очевидно, задание расследовать, согласно закону контрольного совета союзников номер 10, также и в лагерях, не совершили ли люди деяния и преступления против мира и человечности. Начинаются допросы. Ищут служащих Ваффен-СС, отделений по борьбе с партизанами и, так называемых, карательных и огневых подразделений.

Основной вопрос сначала: СС. Итак немедленный медосмотр, интенсивный саносмотр тела. „Руки вверх!“. Все пленники с вытатуированной на левой внутренней стороне предплечья группой крови отбираются. Также те, которые выжгли фатальный знак принадлежности к СС раскалёнными гвоздями или сигаретами. Я в их ряду. Большое удивление комиссии, так как не только один, а несколько шрамов находятся в левой верхней части туловища. Мое заявление, что они происходят от недавнего сыпного тифа, игнорируется. Добросовестный наблюдатель затем находит также еще шрам пробойны сочленения 1943 года. Крайне подозрительно! Это имеет, конечно, последствия. Вечерами, а также и ночью, я снова вызываюсь к комиссару.

Он направляет что-то вроде настольной лампы на меня и мою обнаженную верхнюю часть туловища, поглядывает на улики. Каждый раз он требует от меня согласиться, что я был членом Ваффен-СС и сказать, как называлось соответствующее подразделение. И я так же часто уверяю, что я был только при вермахте, роту, батальон, полк называю, объясняю, откуда происходят шрамы. Он не верит ни одному моему слову, угрожает карцером. Только когда я говорю, что, все же, на моем теле нет шрамов, в которые номер бы поместился, он прислушивается, становится неуверенным. Светит мне, теперь он убежден, что я говорю правду. Во всяком случае, я не присоединяюсь к служащим СС. Но появляется другая душная мысль. Я назвал свою роту для снятия обвинения, чтобы доказать, что я с Ваффен-СС не имею ничего общего. А если теперь наше подразделение, на основании ночи отхода и огненной ночи с 21 на 22 января, включено русскими в рубрику карательных и огневых подразделений? О, тогда мне много тяжелее сделать правдоподобным утверждение, что я не мог принимать в этом участие, так как я стоял в эти часы с несколькими товарищами в переднем окопе. Чёртова ситуация! У меня сложилось впечатление, что комиссия, вероятно, получала определенную норму по розыску, которую она должна или хотела бы выполнить. При этом, возможно, она поступает так, как происходило и в гражданском уголовном преследовании в Германии, когда юстиция осуждала невинных.

Последствием операции по розыску является перемещение многих пленных в другие лагеря, реорганизация рабочих бригад и значительное увеличение так называемых бригад фашистов. Чувствуется также изменения в поведении охраны по отношению к пленникам. Оно улучшилось с конца войны. Теперь снова появилось подозрительность и враждебность. Один из конвоиров показывает это особенно радикально. Он бежит за колонной и постоянно наступает приятелям последнего ряда на пятки. Неоднократно он использовал даже приклад винтовки. Последствием была травма, которая привело к нетрудоспособности приятеля. Охранник был переведён. Представитель гарнизона извинился за нарушение. Вся семья красноармейца погибла на войне, отец погиб, все члены семьи (евреи) отравлены газом.

Ах, какие замечательные возможности переподготовки предлагает, все же, плен! Теперь я могу отнести себя даже к рабочим дорожного строительства. Новообразованная бригада марширует в направлении центра города Асбест. Простые здания в серых тонах. Даже листва деревьев покрыта всюду асбестовой пылью. На новом месте работы конвоир командует: „Стой!“. Улица широка. Очень широка. Минимум 30 м. Совершенно изборождена. Однако, что это? Посреди

проезжей части возвышаются пни. Мы смотрим на них - и друг на друга, удивленно. Natschalnik замечает это и объясняет, что речь идет именно об этих пнях. Они должны быть убраны прежде всего, так как вчера грузовой автомобиль наехал на них и опрокинулся. Поэтому Stadtsowjet (горсовет) попросил гарнизон о помощи. Итак, называется это дело, в действительности – убрать корень зла.

Мастер разъясняет, улица возникла только год назад, и тогда просто спилили мешающие деревья. Хорошо. Корчем деревья. В паузах взгляды блуждают. В несколько отлогом пространстве доминирует многоэтажное здание, стоящее слева. Над входом висит деревянная доска длиной 3 м с надписью Uniweromag, это значит универсальный магазин. Торговый дом. Нигде нет указания, какие товары там можно купить. Между тем нас учили, что реклама рассматривается при коммунизме в качестве реликта капитализма и в качестве корыстолюбивой, достойной отвращения традиции - осуждаемой. В самом деле здесь излишня реклама, наверное. Что может предложить универсальный магазин? Сумки женщин - покупательниц почти так же пусты при выходе, как при входе. Мысли спешат домой. Как будут выглядеть теперь после войны немецкие магазины? Наверное, большинство населения грызет также платок голода.

Несколько дней прошли. Между тем началось собственно дорожное строительство. Щегля для подготовительно слоя нет. Он есть. Миллионы тонн добытых из ям камней, уже без асбестовых артерий, лежат на огромных отвалах. Странно что органы власти не предоставляют ничего для дорожного строительства. Это понятно тем, кто хочет понять. Как должна установиться поверхность проезжей части без твердой основы? „Закатается“, говорит Natschalnik. Надо надеяться, его не закатают с его мнением. Это может быть безразлично нам. Царствует прекрасная погода. Чего нам нужно больше? Конечно, мы хотим больше. А именно - выполнить норму, ради большего куска хлеба. Но Natschalnik не может оценить нашу работу, так как он якобы не находит „земляную работу скомбинированную с лесной работой“ ни в какой таблице. Итак снова ничего не получается с дополнительным хлебом. Дорожное строительство продвигается. Однако, точнее сказать, мы только выравниваем поверхность. Все же, затем еще несколько куч песка сваливает грузовой автомобиль, которые мы равномерно распределяем. Вместо катка используются проезжающие мимо машины, которыми руководит бригадир, дорожку к дорожке по всей поверхности. В конце все выглядит очень красиво. Жители радуются - они никогда еще не имели такую прекрасную улицу - и приглашают нашего бригадира к маленькой закуске. Оба охранника торопятся следом. Мы надеемся, что не пойдёт дождь. По крайней мере, до тех пор, пока мы еще здесь работаем.

Antifa - пропаганда

Воскресенье. Желанное и внушающее страх одновременно. Отдых - с одной стороны, скука - с другой стороны. Каким долгим может быть один день, все таки. Бесконечно тянутся часы. Можно ли укоротить их? Чем? Так как самые простые вещи - самодельные маленькие ножи, иглы, карандаши, куски графита, обломки зеркала и примитивным способом возникшие предметы снова изымаются у нас во время ежемесячных проверок (Filzungen) безжалостно. Доклады, обучение или, вообще, спортивная деятельность не рассчитаны для "нормального" пленника. Он исчерпан, сидит или лучше лежит на своих нарах, собирает силы для следующего дня. Удивительно, но понятно, какое спокойствие господствует в занятом тремьями пленными бараке. Громкий разговор напрягает. Это значит потерю энергии. Только если призываются для еды. Тогда это звучит в низкой деревянной постройке, затем скрипят деревянные нары. Тотчас же после этого снова возвращается спокойствие. Беседы проводятся приглушенным голосом. Темы всегда одинаковы: что дадут завтра есть? Кто знает новости с родины? Источники информации - это динамик лагеря, газеты «Известия», «Груд» и «Правда» (последняя специально предназначена, как бумага для закрутки сигарет). Самые важные сообщения переводят и объявляют приятели, которые владеют русским языком. Официально вменяется в обязанность лагерного актива антифа особые сообщения помещать на доске у в ворот. Так же востребованной, но и спорной газетой была во время войны «Свободная Германия», орган Национального Комитета Свободная Германия (NKFD) и Союза Немецких офицеров (BDO),

основанных в 1943г в Красногорске, около Москвы. К учредительным членам NKFD принадлежали Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Фридрих Вольф и другие эмигранты, а также видные немецкие офицеры и генералы. Эрих Вайнерт действовал в качестве президента. Газета существовала до 1945г. Она считалась пленниками целиком и полностью пропагандистским листком, но читалась внимательно. Прежде всего, статьи офицеров высокого ранга. Их выводы, точки зрения и мнения вызывали сильные обсуждения.

Члены NKFD понимались как оппозиция против нацистов и стремились (насколько это за колючей проволокой было возможно) к падению гитлеровского режима. Они поддерживали все движения сопротивления, а также акцию группы Штрауфенберга (Stauffenberg), требовали немедленного конца войны и создания антифашистской демократической Германии. Критика анонимных Lagerplennijs (лагерных пленных) достигала в апогее общего мнения о них, как о "слугах русских". За членам NKFD не признавалось, что они действовали из соображений человечности и заботы о своей родине.

Австрийцы основывали в 1947г хор. Теперь они ищут дополнительных членов. Я представляюсь. Руководитель хора прерывает пение уже после первой строфы песни „Мысли свободны " с решением : „ Ясно, примерно". Для начала мы учим: „ Мое сердце и мой разум мечтает всегда только о Вене, о Вене, как она плачет, как она смеется". Мы можем действительно смеяться, так как в конце репетиций (2 раза в неделю) повар подает на стол каждому по супу. Теперь я принадлежу неожиданно сам к пожирателям добавочных порций, однако, это не доведено до конца, что отодвигает заманчивую миску. Удовольствие продолжается только 2 недели. Там просыпается внезапно ost-markiger (восточно-мозговая) национальная гордость: „Мы sains kaine Deitschen net, нас sains австрийца!" (*Видимо, здесь пародируется австрийский диалект. - Ю.С.*). Руководитель хора объявляет: „ Мы должны расставаться, к сожалению, с другими членами певческого кружка, так как это должно быть чистым хором австрийцев". А как же : „ Жила бы высоко Австрия-Германия, с ним весь Немецкий рейх". Нет, теперь звучит девиз: „Вена, Вена, только ты одна". Это не назовешь несправедливостью, так как присоединение в 1938 году - как бы при этом ни вели себя австрийцы - объявлено в прошедшем году на международном уровне недействительным. Следовательно, все австрийцы выезжают в один день с развивающимся знаменем страны за ворота. Домой? Мы думали! И они, пожалуй, также. Но они попали всего лишь в другой лагерь. Возможно, им там стали предоставлять некоторые льготы.

Часы пения расслабили мне, очевидно, несколько изгибов мозга. В голове блуждает мелодия „Странствие - это желание мельника ". Я беру огрызок карандаша, который смог приобрести как-то за 200 г хлеба, и на коричневом листе бумажного мешка (украденного с асбестовой фабрики) возникает:

Ожидание является долгом пленного,
Ожиданию учит нас Русский
Ожидание.
Это должно быть плохой пленный,
Не настроен на ожидание!
- Кто не ориентируется на ожидание,
Он не вернется домой!

Вечером, когда все сидят на нарах и едят довольно свой хлеб, царит общая тишина. Тут я напеваю строки. Одобрение, возгласы „ добро, отлично, дальше, дальше! ". Я спрашиваю: „ Как дальше? ". Ответ: „ Ну, там нужно прибавить, все же, еще - едут, например, после длительного ожидания домой на родину или как! " Я обдумываю и сообщаю о второй строфе, как о катастрофе:

Хотя в нас тоска горит,
Жесткие годы идут к концу
И это ожидание.
Терпение! Это не будет больше долго,
Мы отправляемся в обратный путь,

К концу ожидание-

Можно в путь!

„ Человек, отлично! Ты должен повесить это снаружи, на доску лагеря Из этого мог бы возникнуть настоящий гимн лагеря. Только нужно было бы упомянуть еще об асбесте! "

Да ", возражаю я, „ приблизительно так: Мы охотно жили здесь несколько лет, асбест был Allerbeste (наилучший).

Это очень внятно. - Спокойной ночи! "

Благоприятная реакция, приятельское хлопанье по плечу следуют в течение следующих дней за спонтанным исполнением. Пленники говорят немного, с минимальными издержками.

Вечером бригадир подходит к нарам, кивает мне: „Вчера я наблюдал лица во время Вашего исполнения песни. Это произвело сильное впечатление. Ты должен был делать это чаще. То есть, что я еще хотел сказать, если ты хочешь ... в моей бригаде место всегда для тебя свободно. Все же, хорошо, если кто-то существует, который может развеселить других немного. Ты будешь делать у нас не самую тяжелую работу. Обдумывай это!". Едва он исчезает, наши люди становятся подвижными и предостерегают меня: „Человек, оставайся только у нас, это был бригадир с Kіrріtschnі Sawod (кирпичного завода). Завод - это грязная конюшня. Рабочие выглядят как свиньи, когда они приходят вечером в лагерь, и они также не выполняют норму. Там ты попадешь, как в водосточный желоб. " Я возражаю: „Ясно, мы вместе остаемся. Все же, без вас я не мог бы вообще существовать".

Однажды вечером мы готовим наш ночной привал, мой сосед по нарам смотрит со стороны на меня критически и говорит: „ Ну, ты мог бы сходить снова к парикмахеру, имел бы прекрасную шерсть на башке". Это был, наверное, мой не самый хороший день. Отвечаю недовольно-апатично: „ Ах, кто знает, стоит ли это еще вообще". Тут он нападает внезапно на меня, трясет дико и кричит: “Сейчас ты только еще начинаешь. Именно ты, именно ты... " Сначала я не понимаю, что он подразумевает. Затем проясняется мне, что я могу, наверное, дать немного мужества или уверенности другим.

Каждый вечер заключенные лагеря должны присутствовать на Prowerka (проверке). Она является максимально непопулярной; может тянуться несколько часов. Некоторые приятели имеют мнение, что это изощренное издевательство. Другие утверждают, что русские не могут считать до трёх И то и другое сформулировано преувеличено, так как в подсчёте участвуют старшины барачников и командиры роты, немецкий начальник лагеря также, иногда. Счет присутствующих не является также никакой проблемой, он относительно быстро происходит. Но затем начинаются осложнения: сколько пленников записаны больными, лежат ли в бараке или направлены в лазарет? Разница. Солдаты посылаются туда пересчитывать. Результат также не соответствует. Сколько умерло сегодня? Сколько новых поступило? Сколько переведено в другие лагеря? Сколько находится снаружи в ночной смене? Не просто проводить подсчет 2000 пленников. В конце остается всегда вопрос: может быть, кое кто удрал? Между тем мы стоим, ноги в живот, ругаемся, так как отнимается время от ночного покоя. Некоторым приятелям становится плохо, они падают. Запутанность опять возникает из-за движения в рядах. Счет начинается снова.

Первые пленники едут домой - Мы можем писать

Снова и снова мы слышим Skoro domoi (скоро домой), - ободряющие слова. Конечно, каждый пленник ценит их, как официальное обещание. Но какой Natschalnik, охранник или комендант действительно знает, когда, как и в какой последовательности растворятся лагеря. Наверное, они сами верят в скорое возвращение. Они говорят «Skoro» точно так же убедительно, как я говорил „Скоро!" 6 лет назад в Кольдигте пригнанному на принудительные работы поляку Антону. Тогда он встряхивал мудрой головой. Увидел ли он свою родину вновь?

Для нас, кажется, превращается слово "Скоро" в “ Теперь ", так как готовится первый транспорт возвращающихся на родину из города Асбест. Странно что не царит возбужденное настроение. Едва ли кто-то питает большие надежды. Слишком часто мы были разочарованы. Какие заключённые будут первыми, кто покинет лагерь? Наверное, стоят в первых рядах Stachanowski

(стахановские) бригады и передовики производства, следом Kaschköpfen («кашеголовые») и лагерные жеребцы, как называют вершушку лагеря, которые едва ли поднимали хоть раз кузнечный молот или вгоняли лом в горную породу, или валили деревья при ледяном холоде, ветре и снеге в сибирском девственном лесу.

А какие шансы имели постоянно не выполняющие норму бригады, как наша, которые отмечаются на доске почета регулярно в последней рубрике? Наверное, мы нашли бы себя также в конце списков на увольнение. Когда-нибудь.

Тем не менее, русские применяют полностью другой принцип увольнения.

Это начинается с перевода дистрофиков и нетрудоспособных в главный лагерь 84/1. Там выбираются кандидаты на возвращение домой после еще одного контроля военного прошлого. Потому что русские органы власти все еще ищут служащих SS, так называемых карательных и огненных подразделений и военных преступников. Затем станет понятно: сначала увольняются нетрудоспособные.

Мы, остающиеся, гадаем, что побудило советское правительство применить этот принцип возвращения. Это ни в коем случае не реклама их формы государственного правления. Мировое общественное мнение будет объято ужасом, в каком болезненном виде прибывают пленные в Германию из русских лагерей. Не может ли советская власть, в самом деле, снабжать пленников достаточным количеством продуктов?

Вечером верующие молятся Богу перед сном, как обычно «Отче наш». Если слова молитвы слышны, это приносит атеистов в ярость. Они дополняют громко: „ ... и приведет нас скоро на медосмотр и в список возвращающихся на родину и освободит нас от зла плена... ". Я держусь особняком, думаю: «Тот, кто находит силу в молитве, его просьба должна направляться к небу. Я не могу смеяться над этими людьми».

Теперь, после того, как методика возвращения домой выявилась, некоторые пленники делают крайне рискованные выводы. Они занимаются саморазрушением. В неопределенной надежде быть отпущенными раньше, они насыпают каменную соль на хлеб и в кашу, пьют щелочь соли и содействуют таким образом типичной болезни пленных, водяному или голодному отёку. Это начинается с опухания ног. Дальше следует отчаянная торговля: „ Наше терпение заканчивается. Мы хотим вернуться домой, так и так !".

Я не могу и не хочу присоединяться к этому силовому методу. Мы должны смириться с дурно начатым методом увольнения. Когда избранные поплелись из лагеря (некоторые даже доставлялись к вокзалу на грузовике), исчезала зависть у остающихся. Появились сочувствие и боязливый вопрос: все ли кандидаты на возвращение перенесли в их состоянии долгую поездку по железной дороге? Мы машем вслед им, конечно, в надежде, что в обозримое время также и физически более стабильные пленники, в самом прямом смысле, „ к поезду пойдут ".

Следующее утешение: мы можем писать домой. Кроме того, мы информируемся в последнее время о процессах и основных изменениях в четвертованной Германии несколькими издающимися в Советской оккупационной зоне газетами (прежде всего, "Ежедневным обозрением"). Конечно, тенденциозно окрашенные газеты не могут ответить на наши самые горячие вопросы: Что происходит действительно в стране, какое фактическое настроение, как дела идут у наших семей, если они перенесли войну невредимыми, если они вообще еще живы, они, возможно пострадавшие от бомбежек и исчезнувшие? Но, все-таки, можно составить приблизительную картину послевоенной Германии.

Один раз в месяц каждый пленник получает почтовую открытку, обозначенную Красным крестом и полумесяцем, которую он может послать домой. Члены "антифа-актива" распределяют их с указанием: „ Запрещено, чтобы сообщали о внутрилагерных делах. Также не будет хорошо, если служащие вашими бо-бо станут нагружаться. У них совсем другие заботы". Шипят вокруг: „ Ах, как предупредительно! ". Затем „ русский посланник " продолжает: „Советский комендант лагеря настоятельно рекомендовал нам обращать ваше внимание на то, что каждый пленник должен использовать ежемесячно полученную карточку и сдавать. Тот, кто упускает это - штрафуются, также и те, кто меняет карточки на хлеб, табак или другие вещи.

Вместе с тем шеф лагеря против того, чтобы почтовые открытки только определенным людям за особые рабочие достижения выдавались, или, как наказание, за какую-либо недисциплинированность, удерживались. Он высказал железное правило: каждому пленнику - ежемесячно карточку!". Оба политических активиста ставят маленькую бутылку с лиловыми чернилами на стол, передают ручку (напрокат) и соответствующее количество карточек бригадиру, который распределяет их и является также ответственным за доставку. Конечно, содержание написанного точно проверяется на "правильность".

Моя первая карточка отправляется в июне 1946 со 145 словами латинским шрифтом. Во второй (июль) и третий (август) месяцы стоит по 160 слов.

В начале сентября 1946г. получил я, наконец, первый ответ из дома. Снова и снова я читаю строки и знаю теперь: мать жива, отец жив, все братья и сестра живы, находятся в добром здравии. Два года младший брат Роланд в браке, уже отец двух детей. Благоприятные сообщения. Печальные следуют тотчас же: дедушка Бернхард, тетя Марта и брат отца Эрих приказали долго жить. Сестра Дорис женихов недосчитывается, а мой друг Карл Герман, из Кольдитца, погиб. А также много других знакомых. Жестокая война. Конечно, мои члены семьи надеются, что я смогу возвратиться домой в хорошем здравии и скоро. Что я должен написать? *Skoro domoi*?

Осень 1946. "Облава". Ага, снова. „Всеим людям построиться перед баракон!". Здесь уже выходят красноармейцы, начинают системно „шмонать" все внутри. Они ворошат кровати, мешки с опилками и подстилки для головы. Там и сям даже доски вынимаются из пола. Сыщики находят "ценные" предметы: остаток карандаша, дощечки для хлеба, листы бумаги, куски проволоки, фитили с кремнями, которые мастерили курильщики за неимением спичек, шпагат, широко распространенные подобные ножу железные штуки. „ Даже ножницы, 2 молотка и примерно 50 гвоздей были найдены ", русский командир бушует рассерженно и угрожает: „Если это еще раз такое произойдет, владельцы будут разысканы и наказаны карцером". Мы знаем опасение командиров: „Немцы проносят контрабандой в лагерь жестянки, а выходят через несколько недель с броневином!".

На следующий день русские готовят для нас новую неожиданность: „Внеплановый медосмотр!". Почему? Ещё один персональный отбор для следующего транспорта на родину? Возможно всё. Возбуждение, напряжение, надежда. В очереди к баракон санчасти. Стол следственной комиссии занят списками. Я подхожу. Врач находится в состоянии нетерпеливого ожидания. Ее состояние после обязательной проверки складки задницы: „*Kategoriја Dwa* (категория два)". Несколько шагов далее: „ Руки вверх, повернитесь!". Общее созерцание. Никаких замечаний в отношении шрамов. Должен ли я оценивать это положительно или отрицательно? Еще никто не знает, что должно было означать это исследование. Сможем ли мы уехать домой? Однако, никто не питает иллюзий.

Следующим утром вызывают по именам. Я слышу также своё. Примерно 100 человек маршируют к *Vanja* (бане). Удивительно, так как мы были только 2 дня назад в душе и на дезинсекции. При этом шепчется: „Прошедшей ночью уже была переведена группа больных и слабых в лагерь I - наверное, кандидаты для отправки домой!". А мы? В душ! Вещи сдаём! В соседнее помещение! Дверь. Затем рядами под душ. После этого назад. Нет. Назад не получается. Перед нами ухоженное свежее нижнее белье и почти новое ватное обмундирование, дезинфицированное. „А что стало с нашими прежними вещами?" "Конфисковано" говорит смотритель бани. Появляется ярость. Ведь в карманах находилось несколько важных для пленника мелочей. Все потеряно безнадежно. Мелочь, но у нас сейчас совсем ничего нет. Это является для каждого снова «часом нуля». Оскорбления и жалобы заглушаются командой: „Все выходят к воротам лагеря!". Вскоре после этого: *Schagom-marsch* (шагом марш) за ворота. Куда? Теперь командир взвода приоткрывает тайну: „Лагерь V полностью освобождается от немецких военнопленных, заключенные распределяются по другим лагерям ". Прощальное слово лагерю V и прощальное слово надежды на скорое возвращение домой.

Мы маршируем к новому лагерю. Наименование дезориентирует, так как речь идет о старом двухэтажном каменном здании. Эта огороженная территория состоит только из маленького

плаца в глубине и оснащена по испытанной схеме: забор из досок, колючая проволока, наблюдательные вышки. Совсем не большой лагерь. На нижнем этаже находятся канцелярия, больничное отделение, кухня и столовая. Каменная лестница ведет наверх в расположение команды. Это большой зал, оснащенный отдельными нарами, но также и сплошными на 10 - 20 человек. Все двухэтажное, из настоящей сибирской сосны. Каждый имеет основу для сна: матерчатый мешок, набитый опилками. Итак - высший комфорт. В помещении душно; температура, однако, нормальная. Принимая во внимание предстоящую зиму, наверное, это преимущество. В общем и целом не слишком плохие условия. Чего мы хотим ещё? Прежде всего, узнать, как обстоит дело с продовольственным снабжением. Конечно, мы хотим также знать, где мы должны работать в будущем.

Propusk

На следующий день происходит распределение бригад по местам работы: Asbostroi (Асбострой), Mech-Sawod (Мех-завод), Stoljarka (столярка), Bromkombinat (*очевидно – Промкомбинат. – Ю.С.*), транспорт, лес и фабрика. При этом моё имя нигде не называется. Забыли меня? Уже списали? Странно. Затем внезапно: „Штадлер, к комиссару!". Такая команда заставляет всех прислушаться. Каждый знает: кто должен идти к "Полицейскому" (кличка русского политического комиссара, так как он носит синюю форменную одежду), едва ли должен ожидать доброго. В большинстве это допросы о мнимых преступлениях. Я убежден, речь пойдет снова о моих шрамах, и, наконец, все же, я должен буду согласиться теперь, что я был членом подразделения SS. Но он может посмотреть, все таки, мою медицинскую карту! Однако, направлена ли она в „Новый лагерь"?

С тяжелым сердцем я отправляюсь в канцелярию. "Полицейский", кажется, находится в хорошем настроении, предлагает мне даже стул. Это уже подозрительно. Я знаю из книг: любезно заманивают, но затем клетка свободно захлопывается. Я сижу, готовлюсь ко всему. Затем он начинает: „Штадлер, я не выдам никакой тайны, если скажу, что мы следим за каждым пленным, что он делает, как он работает, как он ведет себя по отношению к своим товарищам и так далее". В моей голове сверкает молния: Ах, так? Я наблюдался? Но кем? Кто сообщил обо мне? Бригадир, командир взвода или командир роты, старшина барака или совсем, товарищ из бригады? Темный униформист продолжает: „Из всех коллективов, в которых Вы находились до сих пор, сообщается о Вас только положительное. Это побуждает нас предложить Вам возможность работать при совершенно особых комфортных условиях". Пауза. О, что это будет? Тотчас же он будет называть условия. Наверное, я должен буду согласиться кое на что, кое-что тёмное должен буду подписать. Слышали уже о этом.

Комиссар отрывает меня из моих мыслей и говорит: „Короче: Вы будите работать с завтрашнего дня по Вашей профессии, как специалист. Поскольку это в отдаленной части города, мы не можем посылать вместе с вами туда охрану. Вы получите Propusk (пропуск). Это документ, который позволит Вам свободно ходить в пределах Вашей сферы деятельности. Вы не должны больше маршировать утром под охраной с рабочими бригадами, а покидаете лагерь на 15 минут раньше и идёте самостоятельно к Вашему месту работы. Мы предоставляем эти льготы только немногим пленникам. Я надеюсь, Вы осознаёте это преимущество и будете вести себя на стройплощадке в соответствии с этим. В первый день Вы медленно проходите при выходе из лагеря с поднятым пропуском мимо охраны, чтобы каждый познакомился с Вами. В течение следующих дней Вы будете, наверное, уже перемигиваться с ними. Вечером Вы возвращаетесь за 15 минут до бригад. Вы можете присоединяться, конечно, и к Вашему рабочему коллективу. Как Вы хотите".

Я был сражён любезным, приветливым отношением "полицейского". Ничего, но даже и - совсем ничего, больше нет от клише строгого, фанатичного политического комиссара. Но как я должен реагировать на эту свободу перемещения? Все же, речь может идти только об ошибке, так как здесь нет (далеко и широко) ни фаянсового, ни фарфорового завода. Теперь только не сделать неуклюжего шага и не упустить шанс, иначе свободный проход ускользает от Вольфганга. Но на какую все же стройплощадку? Я спрашиваю комиссара.

Он рассмеялся весело: „ Ну, Вы шутник - конечно, в Stoljarka. (столярку)".

Итак к лесопильному заводу / столярной мастерской, где я несколько месяцев со стволами надрылся. Что я должен буду там делать? Мой визави, кажется, телепат: „ Natschalnik выдаст Вам наряд на работу". Только не задавать никаких следующих глупых вопросов. С полувоенным „Спасибо!" я покидаю канцелярию. Мне кажется, что в деле что-то не совсем ладно. Предусмотрительно я иду к бригадиру Stoljarka (столярки). Он подтверждает: “Да, я был проинформирован. Организационно ты принадлежишь к нашей бригаде. Но, что ты будешь делать там, я тоже не знаю. Ты не модельщик по профессии?". Теперь я начал понимать. Ошибочный перевод. Я объясняю ему, что модельный наладчик должен решать совсем другие задания в керамическом деле. Он успокаивает меня: „ Безразлично. Только не будь нервным. Ты идешь, как тебе приказали. Все дальнейшее образуется. Все же, Propusk может принести тебе только преимущества. Вероятно, вся бригада извлечёт пользу из этого".

Следующий день. Весело, однако с небольшим сердцебиением, я иду через маленький проход в воротах, показываю свой документ. Охранники поглядывают на меня, как на живое чудо, позволяют, однако, сразу мне пройти. Свободно! Неопишное чувство охватывает меня. „О, какое наслаждение, дышать свободно ...". Бетховенским хором пленников я хотел бы ликовать, хотя я знаю, что мне предоставлена только ограниченная свобода. На всякий случай я смотрю назад. Нет, никакого охранника за мной. Желание побежать справа налево через улицу приходит мне в голову. Теперь Штадлер имеет, все таки, равный статус с некоторыми видными военнопленными офицерами союзников в Кольдигтерском замке. Только с различием, что он - неизвестный, изголодавшийся Plennij. Я иду в темпе, который выбираю сам, останавливаюсь, продвигаюсь, как маленький человек в далекий мир, путешествую лесами, лугами, городами и деревнями. В мыслях я прибываю в Шёнбахе. Мать приближается, обнимает меня руками: “Наконец то ты здесь, юноша, ты жив, как я беспокоилась, как я ждала ...".

Однако, теперь я только подхожу к воротам Stoljarka (столярки). Там меня не ждут. Никого не видно. По истечении некоторого времени прибывает моя бригада. Я держу бригадира за рукав его телогрейки: „ Только оставайся здесь и переводы, чтобы дело выяснялась!". Он кивает. Natschalnik приходит. Удивительно, как свободно он воспринимает ошибку. Комментарий лишь: „Nitschewo, Propusk est charascho (ничего, пропуск есть, хорошо)". Propusk казался ему важней. Мне также. Я должен ждать. По истечении некоторого времени он подъезжает на тархтящим, громяющим грузовике. Мы трясёмся на городской склад, носим дверные петли, винты, гвозди, полотна пил, угловое железо, матерчатые мешки, жестяные ведра. Когда мы возвращаемся, кухонная фея предприятия стоит перед своим маленьким баракком, принимает ведра и требует от Natschalnik (начальника) помощника. Он указывает на меня и обменивается несколькими словами с нею. Она сразу кивает мне, и в её взгляде я увидел, что авансирован на должность помощника повара. Заветная профессия каждого Plennijs (пленного).

Дело Наташи

Моя деятельность ограничивается скоблением моркови, резкой зелени, чисткой картофеля, доставкой воды, мытьём кухонных принадлежностей и так далее. Самое важное: я могу всегда что-то поесть. Наташа является теперь моей начальницей. Может быть, её звали Надежда. Здесь, во всяком случае, её все называют Надя. Интересно и одновременно забавно смотреть на нее во время работы. Она обходится очень экономно с продуктами, использует даже самую незначительную мелочь. Даже увядшие коричневые листья травы отправляются в большой железный горшок, который стоит на возведенной плите. Жиры и мяса я не вижу. Только бутылку масла. Пряности являются, по-видимому, ее большой тайной. Они находятся в крохотной кладовой в прочно закрытых контейнерах. Наверное, Надя знает секрет их особенностей. То, что они перемешанные имеют хороший вкус - определено, без сомнения, лучше, чем водный бульон в лагере. Так как она уходит уже во второй половине дня, когда рабочие получили ее полуденный суп, домой, то я помогаю до конца рабочего дня, когда на пилораме, когда на стволах, или в транспортировке опилок.

Иногда мы вместе сидим еще некоторое время и упражняемся немного в немецко-русском. Надя учила немецкий язык в школе. Она декламирует начало стихотворения гордо и очень мелодраматично: „ Генрих Гейне. Я (Ich, ch – произносит гортанно) не знаю, что должно это значить, почему я так печален ... ". Она объясняет, как называется «печально» на русском языке - *petschalniy, grustnij* (печальный, грустный). Я говорю решительно: „ Njet charascho " (не хорошо) и декламирую весело: „ Я не знаю, что должно это значить, почему я так весел". Nadja хлопает одобрительно и смеется: „Da, da, äto lutsche" (Да, это лучше).

Идет снег. Надя поднимает сожалея плечи: „ Awtomobil kapuut (автомобиль капут)". Она несет сани из сарая и говорит: „Na Chleboresku (на хлебозрезку)!" . Ага, мы должны идти к хлебному складу. Это находится поблизости от старой Nowostroika (Новостройки). Прекрасная прогулка. Я выдвигаюсь вперед. Nadja очень мило выглядит. В России уходят от вопроса о возрасте элегантно способом. Спрашивают принципиально только о годе рождения. Надя на 2 года старше чем я. Итак, мы не отдалены совсем друг от друга, таким образом. Она идет рядом, вплотную, со мной, напевает песню, в которой повторяется снова и снова слово *Ljubow* (любовь). Что это может значить? Надя спрашивает, есть ли у меня *Dewnschka* (девушка). Я качаю головой. Затем она хочет знать, предпочитаю ли я черноволосых или белокурых. Я говорю: "Tschorni" (чёрных). Но Надя белокура. Пауза. Затем она спрашивает о вещах, которые я не понимаю, так как я не знаю русского языка. Поэтому я заглушаю ее расспросы громким повторением: "Ja nje ronemažu (я не понимаю)...". Тут она становится немного сердитой и начинает закидывать меня снежками. Это не может понравиться мне.

Я реагирую равным образом. Туда и сюда летят снежки. Внезапно Надя, как от тяжелого поражения, падает в глубокий, глубокий снег. Я спешу помочь ей. Она хватается за мою руку спасателя. Затем что-то происходит. Наполовину она потянула его, наполовину он упал сам. Мы тонем в белом великолепии и делаем опыты валяния. Шаловливо, как маленькие дети, мы отряхиваем после этого друг друга от снега и продолжаем путь. В *Chleboreska* (хлебозрезке) пахнет, почти как в прекрасных щёнбахских булочных *Хёрна (Hörn), Брёмми (Brömme)* и *Матцольда (Mätzold)*. Мы складываем хлеб в картонную коробку и привязываем её к саням. С повозкой идём назад. Достаточно тяжело. Должна быть пауза. Надя приподнимает немного крышку коробки, залазит внутрь. Рука возвращается с куском хлеба. Вы побуждаете меня, Надя, подкрепиться. Мы чувствуем себя как Хансель и Гретель в пряничном домике. Несколько уставшие, но счастливые, мы достигаем *Stoljarka*. Там мы относим хлеб в кухонное помещение, сани в сарай. Надя идет домой, я в лагерь. Был прекрасный, почти сказочный день. Однако, он вовсе не кончается сказочно. Вечером: „Штадлер, к комиссару!".

Я предполагаю, он узнал, что я вовсе не работаю в *Stoljarka* по моей профессии, отберёт у меня, вероятно, *Propusk*.

Теперь "Полицейский" стоит передо мной, „как он на буке стоит", со злыми глазами и лиловым лицом. Он действует чрезвычайно возбуждено, ругается, когда по-немецки, когда по-русски. Он говорит о потере доверия, коварстве и низости. Затем он говорит о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Следует, что коварство является, пожалуй, качеством всех немцев. Теперь я также грубо обманул добродушие и любезность советских органов власти. Дальше больше. Я стал нарушителем закона, имел интимные связи с советской гражданкой. Становится жутко. Я знаю: в Советском Союзе не далек подъем от нарушителя закона к преступнику. Печаль тем, кто попадает в эту мельницу. Конечно, обвинения не соответствуют действительности. Но кто поверит мне? А какие показания будет давать при допросе Надя? Комиссар балаболит дальше. На первое лишают меня *Propusk*. Ну, это не слишком плохо, так как к этому я был уже готов. Значит завтра снова, идти как все пленники, под охраной, на работу.

"Полицейский" мечется взволновано как тигр в клетке туда и сюда, останавливается коротко и спрашивает, что я могу возразить в ответ. Я говорю напрямик, что мы не ощущаем никаких сексуальных порывов и с нашей физической конституцией вовсе не способны к активным

связям. Тут он шумит, обозначает меня как подлого лжеца, так как охранник с вышки Асбостроя наблюдала процесс в бинокль. Отрицать бессмысленно.

Ну, однако, я попадаю в неприятное положение. При этом являюсь невинным.. Охранник не мог видеть ничего другого, кроме того, что происходило на самом деле. Сообщил ли он больше? Или комиссар раздул историю? Он действует строго официально и говорит сухо: „Повариха уже была опрошена, также отрицает, конечно. Нам известно, как наказывали похожие правонарушения в Германии. Женщинам волосы срезались, они ставились на рыночной площади для показа, пленные расстреливались. Иногда вешали даже обоих вместе. Без процесса". Он делает паузу. Меня колотит. Затем он продолжает: „Но мы не фашисты. Что мы делаем? Обычно мы должны были бы начать аккуратное судебное производство, так как вы оба однозначно нарушили советские законы. Однако, мы решили не включать юстицию, а проявить снисхождение. Милость и доброта лежат в основе советской власти. Понимаете ли Вы? Мы ограничимся перестановками. Идите!". Моя голова как карусель.

Следующим утром, когда мы с пленниками входим в Stoljarka (столярку), Надя уже стоит на входе. Она кивает бригадиру и мне. На кухне она рассказывает. Вчера на вышке Асбостроя стоял охранником один из ее любовников, которым она пренебрегла.. Все, собственно, объясняется этим. Она также знает: мы оба переводимся со своих мест. Уже с завтрашнего дня. Я помогаю ей как всегда в приготовлении обеда. Работая, она вытирает слезы с глаз, время от времени. Мне жалко её. Я верю, это основывается на взаимности.

На маленьком предприятии дело обсудили быстро. Когда рабочие едят свой суп, Надя выходит на середину Staiowa (столовой) и держит речь. Я понимаю мало. Однако, бригадир пересказывает после этого мне смысл: „Так, пожалуйста, послушайте. Теперь я расскажу, что произошло. Вчера два молодых человека шли по снегу, радовались ему, закидывали себя им. Они бесились, как это делают молодые лошади, когда их однажды освобождают. Это все. Что плохого в этом? Однако, ревнивый человек видит это и создаёт целое дело. И что говорят органы власти? Враги приблизились друг к другу. Подумайте! Враги! Уже почти 2 года немцы и русские не стреляют друг в друга. Это мир. Как долго мы хотим оставаться врагами? Немец и русская симпатизируют друг другу. Ухаживание. Не больше. Я не знаю, появилась ли бы однажды из этого любовь. Но я знаю: без взаимной любви между народами всегда будет противодействие. Так. Я хотела сказать только это. „Prawilno-prawilno" (правильно, правильно), шепчут низкие мужские голоса.

Мы вместе убираем помещения, так, как мы всегда делали это в течение прошедших трёх недель. Время 15 .00 . Надя закрывает своё владение. Завтра она передаст это преемнице. Там меня больше не будет. Надя поворачивается внезапно, по-сестрински целует меня в щеку и стремительно убегает. Теперь становится на моей душе, как у Гейне: „ Я не знаю, что должно это значить, почему я так печален". Чуть позже я иду с бригадой назад в лагерь. Старшина лагеря стоит в стороне и говорит: „Приказ: с завтрашнего дня ты работаешь на асбестовой фабрике. Подойдешь к бригадиру Шнотталла (Schnotalla). Он знает об этом".

Асбестовая фабрика, белый ад

Я сразу иду к нему. Мы бегло знакомы. Его бригада лежит в общей спальне рядом с нашей. Он радуется: „ Человек, отлично, что ты к нам прибыл. Именно тебя не хватало". Я спрашиваю: „Что ты подразумеваешь под этим?". Он: „Честно". Затем он приблизительно разъясняет мне ежедневные рабочие задания: „ Вообще не плохо, только пыльное предприятие. Но привыкают к этому быстро, впрочем мы можем принимать душ ежедневно, там смоешь быстро грязь. Никто нас не подгоняет. мы знаем сами, сколько мы должны работать, чтобы выполнить норму. И так 200 г хлеба дополнительно, почти всегда, уверено и ежедневно. Кроме того, мы получаем на фабрике в обед суп". С заднего плана: «Да, действительно, мы живем, как дорогой Бог во Франции (= катаемся, как сыр в масле). Только некоторые не очень долго. Если ты имеешь счастье, тебя спишет врач через несколько месяцев, как нетрудоспособного, ОК или дистрофика. Затем ты идёшь в лагерь I, затем либо домой, либо к Петру. Небесные виды». Шнотталла (имя забыл)

машет рукой: „ Ты не должен воспринимать болтуна серьезно. Ты не можешь ожидать ничего другого от маменькиного сынка. На фабрике я должен пинать их под зад, иначе они просыпают конец рабочего дня". Прекрасная разговорная речь. Зачисляй меня, пожалуй, непременно.

На нарах я пристально смотрю в потолок и прокручиваю мысленно прошедшие три недели. Очевидно, они были самыми прекрасными в моем прежнем бытие пленного. Немного печально. Потерял всё: Propusk, кухонную работу и Надю. Как она, собственно, относилась ко мне? Была ли это любовь? Но откуда я могу знать, что такое любовь, настоящая любовь? Я еще не нашел на родине никакой девушки. Молодые были слишком зелены для меня и слишком инфантильны, а более взрослые походили все на сестру Дорис, которая всегда хотела опекать младших братьев и командовать ими. Совсем другой была Надя. Однако, странно, что я охотно дал ей управлять собой. Как это пришло к нам обоим? Вероятно, хорошо, что разделили нас. Но жалко, что должна была поменять и Надя своё место работы. Я рассматриваю мою перестановку в фабричную бригаду не в качестве особенного наказания, так как на этом месте работы заняты много пленников, которые - как говорят - „ничего особенного не натворили". Я снова затычка, как часто бывает. На прошедшей неделе член бригады был отправлен в лазарет. Я должен заменить эту недостающую рабочую силу. Для этого я готов, наверное, так как мое тело восстановило себя в течение прошедших недель удивительно быстро. Ну, Надя часто совала мне что-то питательное. И наш суп заводской кухни был естественно другого качества, чем в лагере.

Fabrika Pjat (фабрика пять) находится в непосредственной близости от лагерей. Не больше 5 минут ходьбы. Заводская территория огорожена и оснащена наблюдательными вышками. Несколько производственных цехов стоят последовательно в продольном направлении. Их внешняя сторона покрыта сантиметровым слоем серой асбестовой пыли. Из дымовых труб и разбитых окон беспрерывно устремляются темные облака. Их несет при неблагоприятном направлении ветра непосредственно на лагерь. Здесь это называется „Nitschewo" (ничего).. Думая об этом, я вспоминаю о работах в амбаре, когда зимой молотилось зерно, мы стояли также целыми днями в плотной пыли. Она не навредила никому. Почему здесь это должно было быть по другому?

Теперь я буду с таинственным негораемым материалом, который дал имя городу, в непосредственном соприкосновении. Несколько приятелей, которые „потерли пыль" в минералогии, уже сделали по этой теме короткие доклады. Слово АСБЕСТ происходит из греческого языка и переводится многими как "негорающий". Как они говорят, здесь месторождение так называемого серпентин-асбеста (хризотил-асбеста). Минералоги развели, что баженковский асбестовый пояс длиной 18 км и глубиной 200 м. Плотные, бесцветные, блестящие как шелк волокна выступают в горной породе, обычно сине-зеленоватого цвета, и расположены как артерии в большинстве случаев вертикально к стенам расселины.

Здесьние волокнистые минеральные массы обладают высшей степенью пригодности к прядению (в противоположность амфибол-норнбленде-асбесту (Amphibol-Hornblende-Asbest), правда, кислотостойкому). Серпентин-асбест пригоден лучше всего для изготовления негораемых тканей, фильтровальных тканей, шнура, а также уплотнений и изолирующих средств для теплотехники и электротехники. Толщина отдельного волокна не видима невооруженным глазом. Однако, под микроскопом установили, что даже самые тонкие волокна представляют еще связку волокон и даже при высшей нагрузке ни надлома, ни поломки не происходит

Эти замечательные качества делают асбест, конечно, вождленным материалом промышленности, и не удивительно, что Америка из России получала большое количество, хотя имеются асбестовые карьеры также и в Канаде. На некоторых стройплощадках мы видели, что неполноценные сорта используются в жилищном строительстве, в смеси с цементом для крыш и облицовки стен, а также для изготовления труб.

Бригадир ведет меня по предприятию. Шноталла – уроженец Верхней Силезии, говорит превосходно по-польски и может хорошо договариваться с русскими. Он стал здесь, пожалуй, личностью. Всюду он приятельски приветствуется немецкими и русскими рабочими. Кажется

мне, он – тёртый калач, но наверняка не здоров. Он кашляет много, и лицо обозначено отвратительным сикозом бороды (трихофитией). Я думаю, для него было бы самое время поменять стройплощадку. Когда я говорю это ему, он машет рукой: „Я чувствую себя здесь превосходно“.

Производственный процесс начинается на каменной мельнице. Я знаю уже её из скорбного опыта. Электролокомotiveы транспортируют камни из асбестового карьера, огромной разработки открытым способом, сюда, где они измельчаются дробилками с оглушительным шумом. По ленточным контейнерам они попадают в следующее здание. Там находятся огромные вращающиеся нагретые барабаны. Невероятная жара разделяет камень и асбест друг от друга. Беспольный для дальнейшей асбестовой обработки щебень увозится к, находящейся на удалении примерно 3 км, так называемой пирамиде асбеста и вытягивается посредством косоного подъемника на высшую точку горы высотой примерно 100 м и сваливается на этот символ города, который растет беспрерывно.

Ценный асбест держит совсем другой путь. Он доводится в третьем здании, через процессы вибрации и встряхивания, до готовности, проходит грубые и тонкие фильтры или откачивается специальными устройствами.

Во время этой процедуры материал разделяется на несколько сортов. В конце концов, это поступает в большой упаковочно-погрузочный цех сверху и образует несколько направленных вверх острых конусов высотой примерно 6 м с круглым основанием.

Обход закончен. Теперь начинается суровая практика, серые асбестовые рабочие будни. Шноталла морщит лоб и открывает мне почти извиняющемся тоном: „Сегодня мы получили, к сожалению, действительно - самую плохую работу. Мы должны грузить асбест. Это самый неполноценный сорт. Почти песок. Поэтому и цех называется, пожалуй, также цехом отправки (здесь игра слов: Sand – песок, Versand – отправка. - Ю.С) ". Боковые ворота открываются. Снаружи на пути стоит закрытый товарный вагон. Великан. Приятели открывают роликовые двери, приводят две конвейерных ленты в такое положение, что расстояние от цеха до вагона преодолевается полно. Шноталла делит людей. 4 человека должны бросать асбест на ленту в цехе, 4 оставшихся - в вагон.

Он даёт деревянную лопату мне в руку и говорит ободряющее: „Давай, иди сюда, здесь ты познакомишься сейчас с самым плохим, потом позже легко дастся тебе другое“. Прекрасное утешение. Мы расставляем посты в вагоне на расстоянии 2 м друг от друга. Шноталла включает ленту и вскоре после этого асбест уже летает у нас вокруг ушей.

Мы должны бросать материал вплоть до крайних углов и укутаны плотным облаком пыли. Бросать, бросать, бросать, без остановки. Больше чем 15 минут никто не выдерживает. Ноздри забиты, сжигает глаза, рот высушен, сух, как если бы поели песка. Наружу из грязного сарая! Короткая пауза. Смена. Перед цехом стоят 2 ведра. Из одного можно брать воду для прополаскивания рта, другой служит для грубой помывки лица.

Наш квартет идет в цех. Теперь мы бросаем асбест на ленточный конвейер. Здесь, конечно, пылит тоже, однако существенно меньше. Кроме того, это не так утомительно. По сравнению с работой в вагоне - почти отдых. Шноталла смотрит на часы. Я удивляюсь. Он владеет карманными часами. Невозможно. Откуда взялись часы? Он догадывается о моих мыслях: „Часы принадлежат фабрике. Я должен их иметь, чтобы соблюдать время точно. Прежде всего, как теперь, при погрузке вагона. Если прибудет локомотив, а вагон еще не загружен, завод должен раскошелиться на кучу рублей. Тогда Natschalnik станет злым. Он приказал мне, чтобы я непременно защищал часы от влияния пыли". Я спрашиваю: „А не сказал ли он также кое-что, как мы можем защищаться? " Шноталла усмехается: „Мы получили однажды платки и повязали. Но тогда не поступает нисколько воздуха. Кроме того, все слиплось самое позднее через 5 минут. Затем всем выдали старые армейские противогазы. Ну, это было только шуткой. Ты не увидишь на всем предприятии ни одного русского, который носит маску, потому что нет пригодных. Слишком опасным асбест быть не может. В городе ведь еще много старых русских бегают вокруг". Исчерпывающее объяснение!

Так, теперь снова в вагон. Медленно он заполняется. Становится теснее и теснее, а пыль плотнее и плотнее. Это уже удушьё. „Выше бросаем, выше бросаем!”. Шноталла кричит снаружи. Мы делаем всё возможное. Остановка. Наружу.

Только теперь я замечаю, что вагон стоит на весах. Необходимый вес еще не достигнут. И так еще раз во внутрь. Мы двигаем материал под крышу с крайней силой, чтобы создать впереди место для следующего. Жалкое мучение. Снова ленточный контейнер транспортирует песчаную массу в созданное свободное место. Весы качаются и идут вниз. Готово! Дверь закрывается, ленточные конвейеры назад. Также готовы мы, отдыхаем. "Старики" смотрят "на новых" несколько злорадно со стороны: „ Ну, уютно у нас? Или?". Я играю невозмутимость: „Если это не более. Нужна была только метёлка для смахивания пыли". Здесь шипит Герхард с заднего плана: „Подожди, если мы должны будем завтра набивать мешки и грузить, там пройдет всякий смех". Я поворачиваюсь и спрашиваю: „ Смеялся ли здесь кто-то? ".

Следующий день. На входе в цех упаковки и отправки стоят наполненные, но еще открытые асбестовые мешки. Schnotalla указывает на один и говорит: „ Смотри, здесь, лучший сорт: первый. Русские говорят, Grut". Он вырубается в яме при помощи молотков и ломов посредством ручной работы из горной породы. Артерии имеют до 4 см толщину, выглядят, как золото, не так ли? " Я осведомляюсь еще раз настойчиво: „ Теперь скажи, все же, один раз честно, насколько вредным является материал, собственно, для человека?". Он, кажется, ожидал вопроса, так как сразу отвечает: „ Никто не знает точно. Однако: вдыхание асбестовых частиц может привести к заболеванию легких - асбестозу. Подчёркиваю - может! Ты должен понимать это таким образом: ты можешь стать при транспортной аварии инвалидом. Граната может сделать на войне тебя нетрудоспособным. Ты можешь получить, как полностью здоровый человек, внезапно коварную болезнь. Все - судьба. Брось, не размышляй много, мы должны начинать. Сегодня мешки набиваем. Только не думай, что это набивается, как чулки. Поживёшь - увидишь. Становись в ряд!".

Я рассматриваю цех длиной примерно 100 м. Облака асбеста падают с ленточных конвейеров, находящихся наверху, вдоль потолка, и образуют примерно дюжину конусообразных пирамид. Мы работаем во вторую смену. Послеполуденное солнце посылает свои лучи через маленькие окна верхнего света. Красота ада. Это выглядит почти романтичным, почти как в кольдигерском лесу, когда утреннее солнце проламывает туман. Однако, здесь воздух омрачается не водяным паром, а миллиардами самых мелких асбестовых частиц, кружащихся благодаря воздуху. Благодаря воздуху? Есть ли все же в этом облаке дыма и пыли вообще еще некоторое количество таинственной сохраняющей жизнь газовой смеси, которая окружает мать землю?

Члены бригады занимают места вокруг одной из острых гор, к деревянным козлам высотой примерно 1,30 м. Наверху находилась круглая жестяная воронка: загрузочное отверстие. Диаметр 50 см. Под ней бумажный или матерчатый мешок укрепляется и наполняется асбестом. Деревянные лопаты служат для этого. Они походят на снеговые. Поднимаешься на подножку, установленную в первой трети высоты козла, и бросаешь в мешок. В тот же самый момент выбрасывает "воздух" наверх и окружает набивальщика поднявшимися асбестовыми вихрями. Материал утапывается. Для этого прыгают на мешке. Процесс должен повторяться до тех пор пока необходимый вес не достигнут. Процедура требует физической подвижности и выносливости. При этом пыхтя мы транспортируем непрерывно опасную асбестовую частицу в открытые легкие. Как долго тело может с этим справляться? Наполненный мешок закрывается посредством защёлки и передается приятелям. Они ставят его на весы, приводят к точному весу и зашивают. Для этих последних, легких технологических операций, назначаются слабые ребята категории 3. Я естественно при "набивании". Шноталла свистит пальцами. Пауза.

Что такое товарищество?

Так как я, неожиданно, уже в первые часы могу следовать за темпом работы опытных специалистов, то я смело возвращаю вчерашний вопрос: „Ну, друзья, уютно здесь или?". После этого объясняется мне в первый раз, что ласточка еще не делает лето и вообще: „ Запомни:

здесь нет никаких друзей. Вообще больше нет никаких приятелей. Последние пали под Сталинградом". Я молчу.

Мы лежим обессилено вытянувшись и переводим дух на битком набитых мешках. Я раздумываю: „Если один из нас устает, другой о нем заботится... " Ты, дорогое небо, из какого мира происходят эти написанные в ритме ровного шага строки? Ах да, это было тогда, когда немецкие вояки еще мощно и непобедимо маршировали по странам Европы. Как только друг становился слаб, двое прыгали к нему, ложили его на поперечно-положенные винтовки и несли в требуемую дневной задачей точку.. Это было товарищество книжки с картинками. Это можно было видеть в фильмах, так это изображали авторы книг. Так случалось. Иногда.

Товарищество. Когда оно начинается, когда оно кончается? До 1933г. слово «дружба» имело значение еще как синоним тесной связи. Затем слово «товарищество» выступало все больше на передний план. Большое товарищество обнаружилось: встречи товарищества, образ мыслей товарищества, чувство товарищества, атмосфера товарищества, дух товарищества и т.д. С 1939 словосочетание «боевой товарищ» стало сутью взаимопомощи и самоотверженности. Во время товарищеских вечеров Гитлерюгенда в нас заложили взятые из I. Мировой войны примеры, как делятся последней сигаретой или классическое изображение товарища, который выносит другого из под огня. „Храните товарищество!", вдалбливали в нас фанляйн и штамм фюреры.. Они не угаивали, что это требование направлено, прежде всего, на то, чтобы в случае реальной опасности сообща решительно уничтожать врага.

А как мы испытали его? В R.A.D.-лагере на Балтийском море мы считали, что слово «товарищество» уже подтверждается делами, если оказывались взаимные услуги, когда один за другого дежурил по казарме или приносил кофе. На несколькими месяцами позже, после ввода в действие, мы воспринимали похожие любезности лишь как дружеские жесты, выдвигали существенно более высокие требования к слову «товарищество». Само собой разумеется, каждый получал поддержку, когда велосипеды угрожали утонуть в тине, или принимали охрану палатки, если сосед был слишком измотан дневным походом. Но никто не давал что-то из остатков своего пайка, если целыми днями снабжение отсутствовало и не было никакой перспективы.

Также я не видел ни разу, что кто-то протянул во время пылающей степной жары свою походную флягу другому.

В крайних ситуациях больше нет никакого товарищества, тут каждый думает только лишь о собственном существовании. Также это было во время транспортировки в сибирские лагеря. Никто не подал смертельно больным кусок сухого хлеба и не укрыл замерзающего согревающим пальто, так как это могло бы означать смертельную опасность для себя самого. В русском плену нет больше героического. Бывшая крепкая дружба сейчас жалкая связка. В состоянии между жизнью и смертью, каждый знает, что он должен бороться только лишь за себя самого и едва ли в состоянии жертвовать небольшое количество еще имеющейся энергии другому. Такой была ситуация и особенно в течение зим 44, 45 и 46 годов. Кто находил тогда силу направлять слова утешения или надежды к „товарищу рядом"? Каждый стремился бороться за жизнь в одиночку.

Когда дело идёт к медленной смерти, инстинкт самосохранения и эгоизм аннулируют чувство солидарности. Вернер Минкенберг описывал: „Мы приступили к вечерней проверке. Русский врач Орлова подошла к нам и попросила о добровольной сдаче крови: ваш приятель Х. тяжело болеет и нуждается безотлагательно в крови для переливания. Добровольцев не оказалось, что было для неё непонятно. Разочарованно, она еще раз убедительно напомнила, что иначе он умрёт. Через неделю он был мертв".

Фриц отрывает меня от мыслей и говорит иронично: „Товарищи появятся, только позже, дома.. Тогда уж точно, несколько оставшихся из нас, прихрамывая при звуках марша «Старых товарищей» в праздник Союза бывших фронтовиков, представят свои подвиги. Наверное, там будет достаточно внимательных и благовейно-удивляющихся слушателей из числа молодых марширующих, готовых снова идти на восток. Вероятно, новые товарищи придут однажды и

в Асбест. Затем они смогут продолжить нашу работу. Это было бы прекрасно. Но здесь в настоящее время нет никаких товарищей, а только горнорабочие (*игра слов, Kumpel – 1) горнорабочий 2) дружище. – Ю.С.*). А именно асбестовые горнорабочие. Понял ли ты? Нет? Ну, вероятно, ты поймешь еще с течением времени, где различие".

Шногалла призывает: „Вставайте, пока не простудились! Выходим, мы идем есть!". Откомандированный член бригады третьей категории принёс несколько ведер воды для помывки рук и лица к дверям цеха и сварил в маленьком здании рядом, так называемой Kuchnja (кухне), суп. Должен ли он заставить забыть опасное качество нашей работы? Но мы думаем, прежде всего, о том, чтобы он был годен нашему голодному животу и противодействовал физическому упадку.

Почтовый обмен – зубная боль

Неделями позже. Мы стали домашними в нашем новом лагере и находили следующие преимущества по сравнению со старым: еда лучше; пшеничные, из ржаной муки и соевые супы несколько гуще. Вечерняя проверка, так как относительно немного заключенных в лагере (примерно 300), не продолжается так долго. Путь к отхожему месту короче. Пи-пи можно сделать даже в пределах здания, в отграниченном помещении. Время от времени маленький оркестр с известными мелодиями содействует настроению лагерного населения. Иерархия лагеря сильно не выражена. Только несколько людей получают добавку. Это все на пользу большой массе пленников.

Имеется скромное книгохранилище. Библиотекарь радуется, если его кто-то посещает. Он спрашивает, какую книгу я прочитал бы. Когда я говорю: „Одиссею Гомера", он несет тотчас же „Илиаду" из фонда и говорит: „Это читается, правда, несколько труднее, но книгу эту каждому человеку, собственно, можно было бы посоветовать".

Два месяца я листаю это. В действительности, не легкое чтение. Не только потому, что текст писался тысячелетия назад. Все же я жму на страницы снова и снова. На меня производит впечатление образный энергичный язык, в котором греческий эпический поэт изображает 51 решающий день Троянской войны. Поведение контрагентов того времени определено то же самое, что и у противников во Второй мировой войне.

Имелась ярость, месть, тщеславие, оскорбление, как гомерические мотивы преступления, все также у больших и маленьких шефов в трудовой службе, в вермахте, у высоких и низких званий русской охраны, у немецких исполнителей и карьеристов в военных лагерях для пленных. Когда я захопываю книгу, кажется мне, как будто бы человечество стоит еще перед Троей.

Ноябрь 1946. Уже пятая карта красного креста отправлена домой. Она содержала 230 слов. Несколько приятелей размещали их еще больше. Сжатый способ сообщения имеет последствия. Контролеры едва могут расшифровывать буквы и подозревают тайные сведения. Поэтому новый приказ: с этой минуты только лишь 25 слов могут быть написаны. В марте послабление приходит со сменой русского коменданта лагеря. Он позволяет 40 слов. Открытки с оплаченным ответом доходят с задержками, но без потерь. Во всяком случае, мы хорошо проинформированы о семейных изменениях. Однако, сообщения с родины оказываются для нескольких товарищей ошеломляющими. На некоторых картах стоит: „Выбыли в неизвестном направлении" или „Тотально пострадали при бомбежке". Из нескольких строк следовало, что жены нашли нового партнера жизни, заболели или погибли на войне.

Стойкость затронутых пленных внезапно ослабевает. Их надежда на счастливое возвращение домой пропала. Они часто действуют рассеянно. Никто не в состоянии дать утешение. Только они сами могут найти unennsliche силы, которые необходимы, чтобы превозмочь этот очередной тяжелый удар судьбы. Кому это не удается, чахнет, худеет еще больше, приземляется, наконец, в

лазарете. Теряем его из поля зрения. J. S. пишет своим родителям: „Я выдержу. Я хочу к вам! Если имеется Бог, я буду в следующем году у Вас". Я спрашиваю: „А если ты не возвратишься домой?"

К счастью, я могу не волноваться по поводу благополучия моей семьи. Как они сообщили мне, это относительно удастся им, вопреки трудностям со снабжением и другим послевоенным проблемам. Они получили кусок возделанной земли, можно выращивать картофель и другие продукты полеводства, не должны терпеть большой голод. Они боятся, пожалуй, больше за меня, тем более, что они видели, в каком жалком состоянии находились первые пленники из России. Что я могу написать, кроме как: „Мне это удастся. Здоров". Таким образом мои карты содержат преимущественно вопросы, что теперь на родине. Я осведомляюсь о родственниках, знакомых, друзьях и пишу снова и снова, что никто не должен беспокоиться о мне.

Май 1947: светлая полоса на горизонте. В Москве состоялась конференция министров иностранных дел. Она определила увольнение всех немецких военнопленных до конца 1948. Это вызывает огромную радость. Но скептики выступают на первый план:

„Вы думаете, что Россия в своем положении, может отпустить миллионы пленников из 3 000 лагерей, которые сейчас имеются? Кроме того, русские нуждаются в нашей рабочей силе, чтобы дела не шли в ее экономике вниз". Все же я храню надежду и пишу родителям оптимистично, что я буду определенно в декабре 1948, на их серебряную свадьбу, дома.

Мой коренной зуб болит. Никакого чуда. Уход за зубами ограничивается случайными полосканиями рта соленой водой. Некоторые используют пепел табака. Нет зубных щеток и зубной пасты ни в одном лагере для пленных. Я иду к зубному технику. Он сверлит Kameraden ein Hackkerchen auf. Для этого он использует допотопное устройство, которое смастерили военнопленные. Давление на педаль передаётся цепи велосипеда, которая приводит во вращение сверло, через столь же остроумно, сколь и своеобразно сконструированную систему направляющих роликов и приводов.

Действие на пациента громкое. Когда зубной жестянщик осматривает моего виновника боли, он говорит: „О, он совершенно готов, его нужно выдернуть. Держи себя твердо, наркотиков не даём". Он берет щипцы, начинает, раздаётся внушающий опасение треск, но всё же через рычаг вытягивает злодея наружу, сжимает двумя пальцами рану и констатирует: «Да, всё. Я не могу дать больничный лист. Где ты работаешь?». Я заикаюсь с искаженным ртом: „Асбестовая фабрика ". Он: „Ах, ты Бог мой, в грязном сарае. Смотри, нужно получить тебе работу с наружи, так как если инфекция возникнет, вряд ли кто-то сможет помочь тебе. Пройди завтра мимо неудачи". Я иду назад в расположение, держусь за щеку. Приятели ликуют: „Ты определенно не можешь ничего есть. Кому ты отдаешь суп? ". Я отвечаю: „Длинному Карлу". Я сообщаю Шноталла указание зубного врача. Он не обдумывает долго: „Ты завтра не идёшь в погрузочный цех, а варишь рядом на кухне нам еду". Так и сделали. Рана заживает без осложнений.

Следующие транспорты возвращающихся на родину составляют лагерь I, как и раньше, из больных, исхудавших, нетрудоспособных.

В октябре 1947 Петер Клайн из Eschweiler-Hastenrath также стоит в списке возвращающихся. Он работал со мной несколько лет в одной бригаде, лежит теперь в военном госпитале. Когда мы прощались, он заверил меня, что проинформирует моих родителей в подробном письме об условиях жизни и труда, после его возвращения на родину. (Он сдержал обещание).

Немецкие пленники занимают русские наблюдательные вышки

Недалеко от лагеря находится Mech-Sawod, металлургический завод, в котором работает также много немецких военнопленных - специалистов, преимущественно токари по металлу, литейщики, слесари и кузнецы. Они выполняют свою норму бок о бок с русскими рабочими в большинстве случаев. Между прочим они изготавливают для комендатуры всяческие предметы. Некоторые пленники делают настоящие предметы искусства, производят даже медицинские инструменты для врачей лагерного лазарета. Почти серийно они производят маленькие лезвия ножей (тайком конечно) и они продаются за бесценок среди заключенных лагеря за хлеб, суп

или табак. Тот, кого поймают на таких акциях обмена, должен рассчитывать на наказание (перевод в штрафную бригаду или совсем на "стройку").

В один день видим - стоят на наблюдательных вышках Mech Sawod немецкие военнопленные. Руди забавляет нас: „Смотрите, немецкие подразделения уже опять захватили советский завод!“. Вечером мы узнаем, что русский гарнизон был сокращён и образована немецкая вспомогательная охрана. Теперь гадают, что могло побудить НКВД (народный комиссариат внутренних дел / госбезопасность, с 1946г - МВД) к этому исключительному мероприятию. Самые понятные причины: русские солдаты нужны были в других местах, а власти знали, что теперь, после начала возвращения, едва ли пленник думает о бегстве, тем более здесь, на удалении больше чем 3 000 км (по прямой линии) от Германии.

Итак, включение немцев могло быть рациональным, вероятно, также символическим или совсем актом милости. Конечно, это кажется странным: немцы охраняют немцев! Немедленно возбуждено реагируют приятели: „Стыдно, что бывшие немецкие солдаты соглашаются на что-то в этом роде. Нет ли у них чувства собственного достоинства, национальной гордости?“. За этими отзывами скрывается понятная зависть, так как избранным благоприятствуют: не должны работать, получают более хорошую еду и размещены в уютном бараке вне лагеря.

По каким критериям они выбирались (примерно 50 человек), сначала было непонятно. Они без оружия, носят белые повязки с черным кириллическими буквами ВК. Это значит Wojenni-Konvoi (военный конвой). Каждая рабочая команда сопровождается все же русским охранником, Dejurnyi (дежурным).

Само собой разумеется, антифа-актив занимал руководящие позиции. Мы видим в рядах также и неизвестных Plenijs (пленных). Сразу подозрения: „Это, наверное, шпион, который получает теперь таким образом свои тридцать сребреников. Фу, черт, как изменники предстанут позже перед глазами своих семей!“. Герберт дополняет пророчески: Да вы полагаете все же, что кто-то признается, что охранял собственных товарищей в плену?“.

Впоследствии рассмотрят каждого из "немецко-русских охранников" внимательно, осведомятся о них в бригадах, где те работали раньше, но не установят ничего особенного. С течением времени проявится: в рядах караульной команды преимущественно находятся пленные категории 3, то есть это обусловлено только работоспособностью. Подтверждаются предположения, что формирование используется, прежде всего, для восстановления слабых пленников. Уже через несколько недель первые "откормленные" возвращаются снова в трудовой лагерь, а другие командуются в караульную команду. Эмоции успокаиваются, так как выявляется: смесь немца / русского привела к отчетливому ослаблению охраны.

Примечательней всего является, вероятно, то что из-за частых замен даже такие пленные будут временно членами ВК, которые отвергали раньше категорически "Немецко-советскую караульную команду“.

Ослепну ли я?

Мы продолжаем надрываться далее на асбестовой фабрике. Между тем, несколько членов бригады по состоянию здоровья ушли на категории три/ОК/лазарет и исчезли из поля зрения. Самые частые причины: трудности с бронхами, дыханием и легкими. Медики диагностировали в большинстве случаев: „Воспаление легких из-за простуды“.

Другая болезнь, кажется, нападает на меня. Внезапно появляются зрительные затруднения. Особенно вечером. В полумраке скудного света лампы в большом спальном помещении чудится мне, как будто бы всё туманом заволочло. Часто я сталкиваюсь при встречах с приятелями. Они появляются неожиданно передо мной, так что я уже не в состоянии уклоняться от них. Иногда возникало впечатление, что я хочу сбить их намеренно. Неоднократно я наталкивался на нары до синяков. Особенность: в течение дня я не чувствую ограничение зрения, вечером, однако, это странное явление возникает.

Ослепну ли я? Это было бы плохо. Что родители должны подумать, если они получат в будущем карточки с чужим почерком? Наверное, я покину лагерь, но что я буду делать дома слепым? Я иду к врачу. Он устанавливает: куриная слепота. Причина: плохое питание и

недостаток витамина А. Он выдает мне каждый второй день чайную ложку с трудноопределимой жидкостью. Состояние начинает улучшаться через одну неделю.

Снег падает круглый год

Сибирская зима. Идет снег. Собственно, снег идет всегда. По меньшей мере в цехе погрузки. Сверху, с конвейерных лент облака самых тонких асбестовых волокон парят беспрерывно вниз. Мы делаем своё дополнение: летят хлопья из снежных шиберов, чтобы размещать их в 40-, 50-и 75 килограммовых мешках. После конца смены мы походим на снеговиков. Только не совсем белых. Как серые личности мы покидаем ужасное место. Утешение: последующий душ. Таким образом мы являемся в расположение чистыми. По меньшей мере поверхностно.

При всех минусах, которые приносит нам ежедневная работа на асбестовой фабрике, мы даже определенным способом довольны, сочувствуем тем бригадам, которые должны работать теперь на страшном холоде под открытым небом, одетыми в старые поношенные ватные штаны и телогрейки, стертые *Walienki* (сапоги из войлока) и истрепанные пальто. В погрузочном цехе властвуют, правда, также отрицательные температуры, однако, мы *Stopper* так сильно не чувствуем их во время постоянных прыжков на козла и с него.

Зашивальщики мешков и весовщики посылаются попеременно ненадолго для согревания на *Kuchnja* (кухню). Странно, что мы вовсе не чувствуем плотные асбестовые облака, как слишком обременяющие. Человек ко всему привыкает. А что о нашем состоянии здоровья скажут во время ежемесячных медосмотров? Они судят о нас по внешнему виду и крепости задниц. Впрочем они дают смешные рекомендации из „ страны улыбки ", дословно „ ..., все же не под открытым небом, это ничего". Также мы не будем особенно задумываться, до тех пор пока мы не почувствуем в области груди чего-то стесняющего.

Наша основная цель - выполнять норму, чтобы гарантировать ежедневно 200 г хлеба дополнительно. Это представляется, как безусловное и самая безотлагательное условие существования. В самом деле в сочетании с фабричным супом это дает возможность большинству членов бригады держать вес (легкий).

Бригадир Шноталла - это хитрый малый, точно знает, сколько мы должны работать, чтобы сделать от 101 до 102 % обязательной нормы. Не больше и не меньше. Иногда он позволяет выработанной дневной переработке "отстояться", она вносится в акты в те дни, в которых не дотягивали до нормы. Так, прежде всего, при погрузке асбеста. Конечно, такие манипуляции строго запрещены, но наш русский *Natschalnik* великодушен. Он не видит кое-что намеренно и не должен даже зажимать при этом глаз, так как имеет только один. И только одну руку. На войне тяжело раненный, он переведен после этого с другой работы сюда в порядке наказания. Почему? Никто не знает этого. Для нас он „ однорукий ". Он слабо контролирует, доверяет нам. И он может быть уверен. Ему помогает Вера, делопроизводитель, черноволосая красавица. Лицом и фигурой смесь *Zarah Leander*, *Brigitte Horney* и *Geraldine Katt*. Вере около 25, передвигается величественно, как королева. Она ведет себя со всеми рабочими корректно, одинаково, являются ли они русскими или немцами. Это производит впечатление. Каждый мечтательно смотрит на неё. К сожалению, ее редко можно увидеть в цехе погрузки. Также она была выслана в Асбест. Я абсолютно не могу представить себе, что это небесное существо должно было сделать такого дьявольского.

Наступление нового 1947/48 года: подведение итогов. Наша бригада находится на почетной доске в верхней трети и отмечается за хорошую работу реальными ценностями, предоставленными фабрикой. Чествование состоит из вручения совсем новой синей ватной куртки бригадирю. Затем есть еще прекрасный полосатый черно-белый ватный жилет. Его получил я, как лучший рабочий асбофабрики. При этом я не делал существенно больше, чем другие. Только при набивании мешков я работал быстрее всех и мог неоднократно гарантировать тем самым дневную норму бригады. Возможно, я вдохнул при этом большее количество асбестовой пыли, так как начались затруднения при глотании. Опасные предвестники?

"Нет", говорит санитар и дает мне после каждой смены раствор марганцовокислого калия для горла. Это решение?

„ Женщина в золоте "

Культурные программы должны переводить нас на другие мысли. В лагере I снова состоится театральное представление, по прошествии длинного времени. Кто пойдёт? Я вызываюсь. На пути туда мы сопровождаемся впервые исключительно немецкими охранниками ВК. Никаких русских стрелков с винтовками нет. Доверие, кажется, производит впечатление. Разумеется, это только маленькая группа, которая интересуется театром. Большинство заключенных лагеря машут рукой: „У нас каждый день театр на стройплощадках".

Все же большой зал клуба главного лагеря занят до последнего места. Оперетта стоит в плане: „ Женщина в золоте ". Никогда не слышанная и не виданная. Никакого чуда; она увидела свет здесь в лагере. Из оркестровой ямы зазвучит музыка. Немного Millöcker, Benatzky, Schröder, Stolz, Kreuder, опереточная и шлягерная смесь, с подкладкой из новых текстов. Привнесенное - прежде всего то, что (за неимением граций) по сцене парят одетые в туники молодые мужчины.

Художник работает непрерывно над картиной жизни, портретом женщины несравненной красоты, это требует обрамляющего действия - совершенным обрамлением увенчать шедевр. Красота выходит собственной персоной из золотой рамы. Удивительно. Снова декорации, световые эффекты, костюмы. Удивительно, что это создал (освобожденный от работы) ансамбль, немногими находящимися в распоряжении средствами. Бурные аплодисменты. Таким же был финал представления. Как позже передавали, несколько хорошо откормленных главарей культуры были так восторженны шутливыми услугами псевдо-женщин, что прошли за сцену для чрезмерных свидетельств благодарности.

Баржи мешков - потеря сил - причина отдыха

На следующий день мы, как "золотые мальчики" в цехе погрузки, снова в центре ежедневного обрамляющего действия, мерцаем от сверкающих золотом асбестовых волокон. Особенностью является уход с мировой сцены. В родном сценическом произношении освобождение от должности звучало бы, например: „ В результате коварной болезни...". Здесь происходит "расторжение" во время медосмотра с лаконичным заключением: „Категорию 3" или "Лазарет". Потом пострадавший находится либо на пути улучшения, с отправкой домой, либо на пути в потусторонний мир. Конец драмы. Самоинсценированное перемещение пленника на другую стройплощадку едва ли возможно. И если стремятся к нему, связывает неизвестность, принесёт ли новое рабочее место в самом деле преимущества. Поэтому позволяют в большинстве случаев управлять судьбе - и руководят собой по испытанному принципу: „ Не заявляйся добровольно, иначе будешь записывать себе убытки!".

Дни проходят, медленно, вяло, монотонно. После окончания рабочего дня пленники лежат на окровавленных от давленных клопов нарах. Плохо пахнущий махорочный дым и человеческие испарения дополняют тусклую атмосферу общей спальни. Тихо каждый несет свои маленькие и большие заботы. Всеми владеет мучительная тоска о свете, любви и жизни, надежде на скорое возвращение домой.

Движение пришло в лагерь; несколько пленников покидают его. Мы напутствуем их хорошими пожеланиями. Однако, скоро выявлялся: только немногие направились домой. Большинство перевезли в удаленные лагеря. И странным способом прибывают оттуда другие. Кто может найти в этих действиях смысл?

"Новые" заверяют, что прибыли почти исключительно из лагерей смерти, штрафных или секретных.. F.S. сообщает, что был в лагере на 230 000 человек. Willi St. утверждает даже: „ Зимой мы должны были надрываться ежедневно под открытым небом при холоде 50 °С по 12 часов". По-видимому, каждый хочет превзойти другого в страданиях, прежде всего, как мало они раньше весили . Некоторые жмут на то, что видели свой вес под меткой 30 кг. "Здешний" говорит остро: „Ну, поэтому вы были переведены сюда - в Асбестовский санаторий

военнопленных. Однако, не питайте никакие ошибочные надежды. Здесь находились раньше 8 000 пленников. 7 000 уже умерли! "

Мой сосед по нарам, пожилой преподаватель, говорит снисходительно: „ Преувеличение - это распространенная человеческая слабость. Почему должны быть исключены военнопленные из этого? Даже государственные мужи подвергаются нападению ею. Например, эксперты узнали недавно, что - если верить сообщениям офицеров - воюющие страны уничтожили больше самолетов, танков и кораблей, чем владели их противники. С числом пленных также, наверное. Если бы русские смогли собрать всех немецких солдат, которых они, как утверждали, когда-то захватили, они получили бы, наверное, большие трудности. И на немецкой стороне значительные расхождения также определено существуют". Эвальд М, фельдфебель люфтваффе, кивает одобрительно: „ Я был на нескольких полевых аэродромах и в различных соединениях, как механик. Наблюдал, как наши кавалеры рыцарских крестов с дубовыми листьями приходили к своим сказочным воздушным победам: они часто походили на старинные облавные охоты, где королю или князьям принадлежал конечный выстрел. И метод подсчета - ну, мы только усмехнулись. Старые герои, наверное, не могут быть достаточно геройскими, и народ всегда нуждается в новых героях - для изумления, восхищения и побуждения".

Холод отступает. На коротком пути от лагеря к фабрике первая зелень уже прорастает. Старая зима удалялась в суровые горы Урала. Снежный покров тает. Он милостиво закрывал несколько месяцев монотонность окрестностей. Теперь снова безотрадность города и ландшафта проступает в своей отвратительной серости суровых будней. Тем не менее, мы радуемся освобождению от "Деда Мороза", так как он не относился по-отцовски ни к одному пленнику.

Весеннее солнце будит новые жизненные силы. Во время перерывов в работе мы наслаждаемся с закрытыми глазами его подогревающими лучами с лицевой стороны фабрики. Шноталла обычным хриплым голосом внезапно заканчивает наши мечтания: „ Встаём, мы должны грузить!". Цех, наполненный битком набитыми асбестовыми мешками, похож на военный лагерь. Как солдаты в строю стоят сотни мешков. Низкие сорта в бумажных, более высокие - в матерчатых мешках. Теперь необходимо погрузить их в вагон. Сначала несут все мужчины вместе что-то вроде площадки, шириной примерно 3 м, длиной 10 м, к вагону и ложат конец у роликовых дверей. Такая созданная наклонная плоскость служит, как подъем к вагону.

Затем начинается челночное транспортное сообщение: в двух точках по 2 человека поднимают в зале на плечи носильщиков мешки, которые они заносят в вагон и укладывают там ровно. В первом вагоне перевозятся относительно легкие 40-и 50 кг мешки. Если необходимое количество мешков размещено и предписанный полный вес достигнут, лебедкой нагруженный вагон подвигается на место далее, а мы толкаем объединенными силами следующий пустой сюда. Теперь 75-ти килограммовые мешки будут на очереди.

Это идет более медленно, само собой, при тяжелом грузе. Труднее всего пройти наклонный подъем. Уже по прошествии короткого времени первый приятель не преодолевает это, падает на колени, отбрасывает отчаянно мешок от себя и подает жалобу задушенными слезами голосом: „Я больше не могу!". Шноталла командует ему "Поднимайся" и объявляет: „Перерыв!". Все долго лежат. Дрожь мускулатуры икр ног распространяется по всему телу. Несколько приятелей так истощены, что не в силах преодолеть пятидесятиметрового пути до кухни. Они отказываются от еды. Шноталла черпает небольшое количество супа в горшок и идет к оставшимся. Мы отправляемся после "*Löffeliade (Löffel –ложка, лёффелиада. – Ю.С.)*" снова на место мучительного действия. Перерыв продолжается.

Это требует огромной силы воли подняться, снова встать на ход, чтобы справиться с трапом в вагон, с подавляющим грузом на спине. Никто не говорит слов, стонут только болезненно. После нескольких перерывов вагон полон, а мы - словно выгорели внутри. Необходимая норма ещё далеко не достигнута, но мы не в состоянии больше продолжать работу, проводим оставшееся до конца рабочего дня время в цехе лежа, мучась от болей в спине и в пояснице.

Высокие летние температуры проникают во внутреннюю часть цехов. Там накапливается тепло и еще больше затрудняет работу. Если боковые ворота открываются, ветер врывается в "острые горы", так что сразу нужно закрывать глаза и двери. Здесь чрезвычайно утомительная работа влечет за собой постоянные персональные изменения в составе бригады. Много приятелей покидают нас из-за болезни. Новые прибывают. Почему я переношу мучения на пыльной мельнице и до сих пор невредим? Могла ли 14-дневная дополнительная пища под Надиным крылом способствовать стабильности тела? Но я чувствую постоянный упадок сил. При набивке мешков я больше не достигаю высоких результатов начальных месяцев. Во время погрузки мешков Шноталла выделяет мне все чаще не такую утомительную работу, ставит на операцию приподнимания мешков.

Летнее время заканчивается, пожалуй, заканчивается и моя энергия. Контроль здоровья! Чрезмерная потеря веса регистрируется. Врач рассматривает морща лоб наши угловатые пропорции тела, спрашивает каждого, как долго он уже работает на фабрике. Я отвечаю: „18 месяцев". Она смотрит удивленно и недоверчиво, говорит: „Chwatit (хватит), ОК". Таким образом я нетрудоспособен, но для отправки домой, пожалуй, все еще недостаточно слаб. Во всяком случае, никто мне об этом не сообщает. Таким образом надежда быть на серебряной свадьбе моих родителей 23 декабря дома исчезает все больше.

На следующий день 3 члена нашей бригады, в том числе я, вызываемся в канцелярию. Там стоит командир взвода Н.Ф., у него знак высшего командного состава ВК - роты охраны. Мы сразу предвидим, что он должен сказать нам. Он объясняет: „Врач лагеря определил вам для службы вспомогательные должности, чтобы вы смогли отдохнуть физически. Я, правда, не знаю, какую точку зрения вы имеете относительно роты охраны, но в интересах вашего здоровья вы должны были принять предложение". Мы трое смотрим друг на друга вопросительно. Никто не говорит слов, но затем мы киваем почти как по команде, одновременно.

По возвращению в барак, бригадир принимает это обрадовано к сведению: „Поздравляю! Все же, ничего лучшего не могло быть вам предложено. Мучили вас достаточно долго, наша бригада фактически расформирована. Также я должен идти на свежий воздух, моя свистящая грудная клетка не нравится врачу". Мы теряем из виду Шноталлу.

При подразделении заводской охраны

Со смешанными чувствами мы направляемся к новому жилью. Это низкий барак вблизи лагерей. Похожая на сад территория не имеет вокруг ни изгороди, ни колючей проволоки. Удивительно. Команда приветствует вновь прибывших весьма любезно. Мы узнаем несколько приятелей, с которыми мы работали раньше в одних бригадах.

Внутренняя часть длинной деревянной постройки состоит из 3 помещений команды с двухэтажными, сквозными нарами. На каждом спальном месте лежат мешок с опилками, подушка и шерстяное одеяло. Гостиничный уровень. Как уверяют, в здании почти нет вшей и клопов. Мы не принесли, наверное, подрастающее поколение. Помещения светлы и приятны. Запах свежих цветов истекает на вас. Большой белый чан извести в вестибюле указывает на недавний ремонт. На другой стороне прохода находятся кухня, столовая, душ и служебный кабинет.

Н.Ф. вызывает, выдает правила этикета, объявляет инструкции и задания: „Важными являются дисциплина, порядок и чистота". Ничего исключительного. Но затем: „Мы подчиняемся непосредственной командованию советского гарнизона». Это звучит прямо-таки зловеще. Я решаюсь спросить: „И в чём это практически выражается?". Он усмехается: „Чистая жуть, до сих пор мы не чувствовали ни принуждения, ни произвола. Русский комендант, кажется, абсолютно убежден в нашем правильном поведении, его едва можно увидеть. Во всяком случае, еще не было никогда проверки барачников, облавы или обысков. Медицинское обслуживание производится русским врачом лагеря. Теперь к обязанностям.

Мы, вспомогательная охрана, маршируем рано утром полным составом к воротам лагеря. Там я говорю вам, кто назначается к сопровождению каких бригад. После нас советские солдаты прибывают. Как правило идут двое наших охранников перед колонной, двое по сторонам и двое сзади слева и справа, рядом с русским караульным. Это иногда выглядит почти также, как если

бы немцы вели русского. Но к таким и похожим картинкам уже привыкли. Нам настоятельно рекомендовалось, чтобы обсуждали с бригадами только целесообразные вещи, чтобы держали определенную дистанцию, но, чтобы хранили взаимное отношение доверия. Например, о приближающихся разногласиях или ссорах сразу нужно сообщать руководителю конвоя, исключать применение физической силы. В этом отношении не было до сих пор никакой гниды на гребне. Первоначальное предубеждение некоторых приятелей по отношению к вспомогательной охране почти исчезло".

На следующий день я сопровождаю с другими часовыми бригады Асбостроя к их месту работы. Я иду с боку, смотрю на ряды и обнаруживаю Курта М., который был в свое время членом Asbest-Stoßerbrigade. Я спрашиваю его о том, как у него дела идут. Он: „Совсем хорошо, теперь я высадился у бетонщиков. Мы исполняем в большинстве случаев норму. В прошлом месяце мы получили выплаченными впервые даже несколько рублей. Я коплю их, чтобы оплатить билет на путь домой. Теперь смотри, что тебе может дать должность в защитном союзе!".

На заводской территории прибывший Dejmnyj (дежурный) велит мне подниматься на наблюдательную вышку. Он показывает охраняемую часть вдоль изгороди до следующей Wyschka (вышки). Каждая вышка имеет площадь чуть больше квадратного метра. В стороне висит кусок рельса длиной примерно 50 см и подвешенное к нему било. Цель ясна. Начальник караула приказывает: „Pogrobuj! (попробуй!)" Я бью со всей силы. Рельс звучит как колокол. Он кивает довольно и говорит, что я сразу должен сигнализировать, если Tschelowek (человек) приближается к изгороди, безразлично снаружи или изнутри, безразлично немец или русский. Я вытягиваюсь по военному и говорю громко и отчетливо: „Ponjatno! " (понятно). Он кивает и спускается.

Сверху я наблюдаю участок длиной примерно 150 м. На территории предприятия я вижу, как люди надрываются, также, как наша бригада 3 года назад. Но условия труда между тем стали, все же, несколько лучше. Много возникло: возвышающаяся водонапорная башня, цех ремонта локомотивов, механическое отделение, в котором устанавливаются на огромный токарный станок колеса вагона, кузница, слесарная мастерская. В цехах стоят верстаки и машины, в большинстве случаев американские, но также и немецкого происхождения. Однажды многократно распиленная большая крановая тележка выгружалась из вагона. Фирменная марка сделана, пожалуй, намеренно, - неузнаваемой, но название населенного пункта оставалось. Читалось отчетливо: Hartha. Это родной город моего соседа. Наверное, поставка в счёт репараций с бывших военных предприятий.

В близи забора никого нет. После 2 часов я освобождаюсь, можно погреться на Prochodnaja (проходной), домике караула на фабричной проходной, примерно в 20 минутах. Затем я должен заменить следующего приятеля на другом участке. Охрана является всегда монотонным делом. Но мы не жалуемся, радуемся получить эту возможность для отдыха.

Так как мы не утомлены вечером, как раньше, часто происходят длинные споры. Все еще ищутся причины применения немецких пленников, как часовых. Мнение укрепляется, что русские органы власти, пожалуй, меньше опасаются немецких пленников, чем вторжения русских гражданских лиц. Тем более, в пределах заводских территорий часто исчезают материалы. Даже на асбестовой фабрике это случалось. Там похищались русскими рабочими приводные ремни, транспортерная лента, инструменты всякого рода, даже стекла удалялись аккуратно из рам. На всех стройплощадках крадут невероятно. Собственно нелогично, так как в советской стране все является собственностью народа. Таким образом обкрадывают себя, по сути. Но поведение жителей понятно. Они очень бедны. Город Асбест находится в так называемой зоне ссылки. Тысячи мужчин и женщин, целыми семьями, находились здесь вынуждено. Теперь никакого другого выбора не остается им, чем, правдами – неправдами, драться за жизнь. Они делают это с хитростью и дерзостью. Органы власти предполагают, что советские конвойные солдаты зажимали оба глаза, если кое-что перебрасывалось через забор, что они были включены даже в "схемы поставок". Теперь экономические функционеры надеются, наверное:

немцы вмешаются в таких случаях и будут гарантировать более уверенную охрану заводского имущества. Не простая ситуация для нас. Поэтому необходимо рассматривать с двух точек зрения. Если "транзакция" через забор ускользнет от нас, может рассматриваться как виновность в совершении преступления в качестве сообщника и соучастника. Много немецких военнопленных было осуждено уже за менее значительные "правонарушения" на более чем 20 лет заключения. Нет, грех бездействия мы не можем ни в коем случае допустить, даже если мы делаем жителям горе. Советская система не позволяет им возвратиться в их родные регионы. Сохраняют ли они вообще еще надежды на возвращение домой?

Напротив нашего расположения находится советский гарнизон. Здесь дела идут иногда совсем громкие. Прежде всего, во время зарядки и строевой подготовки. На полосе препятствий кое-что, кажется, проходит не совсем по представлениям начальников. Иногда можно слышать удары и крики боли. Догадываться легко, что там происходит.

Недавно я читал „ Путь в жизнь ", интересную книгу писателя и педагога Макаренко. Его гуманистические воспитательные методы схожи с его постулатами по многим пунктам. Почему так далеко и резко расходятся в ежедневной жизни коммунистического общества теория и практика? Однако, по другому ли было в Германии? Постулаты представления об обширной и гуманистической социальной политике были одними, ежедневная жизнь другой. В нашей школе большинство преподавателей стегали тростниковой палкой безжалостно еще и до 1938г. И унижающая людей система обучения во времена трудовой повинности была обусловлена чем угодно, но не гуманистическим духом.

Советский комендант любит, когда команды приступают к службе утром с веселой песней на устах. Конечно, мы исполняем это желание. Наша животнo-желудочная песня это „ Я - вольный стрелок ". Русские поют "песню ливерной колбасы": „Narodnia-Narodnia (народная-народная)". Мне слышится „ О, НАДЯ, о, НАДЯ ". Мои приятели смеются, когда я рассказываю им историю о поварахе. Они переводят твердо: „Ешь ливерную колбасу, ешь ливерную колбасу, она успокаивает голод и жажду ... ". Впрочем, ни единого раза не было в нашем ассортименте продовольственного снабжения в течение всего времени нашего плена ливерной или другой колбасы. Однако, питание улучшилось в течение прошедших месяцев значительно. Транспорты с продуктами регулярнее прибывают. Суп и каша стали гуще, содержательнее, хотя неделями из одних и тех же продуктов: кукуруза, пшено, соя, ржаная мука, Каруста (капуста). Иногда даже каждый получает „рыбу на руку", как это называется на жаргоне пленных. Это, конечно, праздник. Однако, еще много больных, исхудавших приятелей, которые относятся к категориям ОК и дистрофики, однако, в лагерях города Асбест никто, пожалуй, больше не умрёт с голоду.

В порядке отправки домой все же ничего не изменяется. Слабые переводятся в главный лагерь 7084/1, покидают Асбест. Оттуда идут в лагерь (возвращающихся на родину) верхнего административного округа группы военнопленных Урала; в город Свердловск. Мы смотрим каждый раз, снова наполненные тоской, им вслед, машем освобождающимся, продолжаем надеяться и утешаем друг друга изречением: „Любят ли нас русские или ненавидят, однажды, все же, они нас отпустят".

Серебряный дождь - военный госпиталь - лагерь 84/1

Рождество приближается. Я прикрепляю несколько самодельных стихов к стенной газете:

РОЖДЕСТВО в 1948

Без детей, без женщин, без семьи,
без дяди Эмиля и тёти Эмилии,
без дам, глубокоуважаемых,
почтили нас к празднику,
далеко от родных полей,
приветливые поляны, еловый лес,
мы празднуем рождество
снова в городе Асбест.

То, чего не хватает нам, знает каждый:

"только" 4 000 км.

К этим многим милям
сегодня мысли спешат.

Однако, мы не хотим хандрить,
наше мужество не позволяет опускаться,
если теперь в праздничные дни
кое-что нас не радует;
если в рождественской елке вместо свеч,
пестрых шаров, сахарных сердец
мы находим, только макеты,
Псевдо-свечи, которые не зажигаются,
если, вместо серебряного дождя
мы берём железные опилки,
если мы вместо того, чтобы курить бразильский табак,
русскую Maschotka (махорку) курим,
при отсутствии пирогов и жаркого
к Supp' и Kascha (супу и каше) нас приглашают,
но это ничего (или почти ничего),
так как мы едем скоро домой;
твердо надеемся, что в этот год последнее рождество
было здесь.

И к следующему – будет забыт
ПЛЕН!

Но нет! Я верю однако:

Не будет он когда-то забыт.

Пленники сидят, как бывало уже несколько лет 24 декабря, на своих нарах и вспоминают, как когда-то дома Святой вечер проходил. Особенно, с каким-то внутренним движением, они изображают именно этот день. Я тоже вступаю: „В ходе второй половины дня отец украшал дерево в «гостиной». Никто кроме матери, которая упорядочивала подарки и укладывала их в предназначенные места, не мог вступать в помещение. Около 18.00 ч. Ужинали на кухне. По старинному обычаю подавали картофельный салат и венскую сосиску. Наконец, точно 19 .00 ч. наступало это: отец шел в комнату, садился за пианино и играл «Ох, ты веселый». Это был звуковой сигнал для нас детей, для матери, бабушек и дедушек и тети Марты, встать перед еще закрытой дверью комнаты и подпевать громко. Затем мать открывала дверь. Мы входили. В поле зрения ярко сияющее, празднично украшенное дерево. Отец трогал клавиши и мы оглушительно пели: «О, рождественская ёлка». Песня редко была доведена до конца, так как младших братьев и сестер нельзя было больше усмирить, они давно открыли подарки и взяли их в своё владение. Родители получали удовольствие и забаву от их нетерпения. Теперь мы передавали старшим наши маленькие, в большинстве случаев самодельные сюрпризы, и таким образом мы затем вместе сидели в уютном круге, там и сям лакомясь, весело и созерцательно беседуя. Незадолго до 22.00 ч. отец начинал песню «Тихая ночь». Затем подарки убирались в сторону. Родители ставили на стол рождественский кекс.. Он был выпечен ещё двумя неделями раньше по рецепту матери в булочной Хёрна, однако, никто не решился бы дотронуться до его перед Святым вечером. Это принесло бы беду семье, по старому суевию. Лакомство и фабулирование продолжалось, до тех пор пока отец не шел к пианино и звал нас, старших братьев и сестру к себе. У него открыты, напечатанные в книжной типографии Буркхардта, «Три новых рождественских песни» нашего дедушки Пауля из его комической оперы «Большая поездка Юргенов». И мы весело пели:

« В период рождества, о, родина моя, позволь быть мне всегда с тобой ...».

Кто мог предвидеть тогда, что эта песня примет такое значение для меня позже ".

Когда отец получил в 1940г приказ о явке в армию и стало очевидно, что наша семья не сможет справлять рождество в будущем вместе, мы договорились взаимно, что всегда Святым вечером будем думать друг о друге ровно в 19-00 ч. Это принял к сердцу каждый. И я сдержал обещание; на востоке России, конечно, при учете 4-часовой разницы во времени. Я бодрствовал каждый год до 23.00 ч. и затем восстанавливал в мыслях детально наш семейный ритуал Святого вечера.

В этом году Рождество было особенно тяжело для меня, так как родители праздновали серебряную свадьбу в кругу семьи - а я не принимал участие.

В 1949. Новый год начинается с неожиданностей. Полностью приятных. Были изданы новые приказы: все военнопленные могут позволить расти волосам. Голова не подстригается больше наголо все 34 недели.

После проведенной в прошедшем году советской денежной реформы теперь также и в оценке труда новая система должна стать эффективной. Это предусматривает выплату части выработанных финансовых избытков в рублях и копейках военнопленным. Далее советский комендант лагеря уверял, весной транспорты возвращения пленных начнут действовать усиленно. Но мы не ликуем, слушаем скептически. Такое большое добро сразу не поймешь.

Но сначала русская зима набьет руку о нас. На вышках дует чрезвычайно острый ветер. Больше чем один час не выдерживаем, затем нужно меняться. После короткого согревания идёшь снова наружу в сибирский холод, где ниже минус 20 °С .

В феврале я получаю внезапно боли в груди и мучительный кашель, который почти перехватывает мне горло. Врач устанавливает слуховой рожок и говорит: „Lasarett, seitschas (лазарет, сейчас)". Диагноз: сильный бронхит и воспаление легких. Болезнь четырёхлетней давности, кажется, повторяется. Конец пятимесячной службе в ВК. Меня доставляют в лагерь 84/1, лежу с высокой температурой на больничной постели, получаю инъекции, компрессы и различные таблетки. Почти каждый приступ кашля сопровождается бессилием. Вновь я чувствую, как силы быстро исчезают. Несколько лучшая еда при охранном подразделении и относительное спокойствие не были в состоянии обеспечить стабильное состояние здоровья. Или служба на продуваемых ветрами вышках, вероятно, вызвала болезнь? Во мне возникает особенное, до сих пор никогда не знакомое беспокойство: неужели теперь, когда предстоят большие транспорты на родину, для меня - крышка?

Нет! Я должен перенести болезнь!

Но что я могу действительно сделать? Сильные трудности глотания препятствуют приему пищи. Даже один глоток почти невозможен. 3 дня только чай. Затем санитар пытается влить мне суп. Меня тошнит и я падаю обессилено на подушку. На следующий день новая попытка. Я совершаю 2 глотка, не больше. Но санитар восклицает: „Отлично!". Вечером повторение. На следующий день идёт уже гораздо лучше. Боли в горле ослабевают, но при выдыхании колет между лопатками. Санитар утешает: „Это не плохо. Наверное, там находятся частицы асбеста. 10 лет на свежем сибирском воздухе, и они выйдут сами". Медленно я встаю снова на ноги.

14 дней прошли. „Весь лазарет на медосмотр!". Формируется эшелон. Я стою на весах, русский писарь смотрит на шкалу, и в следующий момент я уже в списке кандидатов. Ура, надежда на возвращение домой!

Теперь еще прохождение торжественным маршем перед комиссией. „ Руки высоко!". Комиссар тарачит глаза: „Только посмотрите!". Это другой "синий", не тот, что в лагере V. Также за столом сидят другие люди. Они почти застывают. Они никогда не видели, наверное, немецкого военнопленного с таким множеством шрамов под плечом. Ясное дело. Энергичная черта в списке едущих домой. Комиссар смотрит зло и энергично приказывает: „Через 2 часа в мой кабинет!".

Вопросы те же, что и раньше: “Когда вступил в SS? Название части? На каких участках фронта использовались? Когда выправил татуировку группы крови?”. Я могу давать ответы

наизусть. Но "синий" не верит, конечно, ни одному моему слову. Он возражает: „Из предусмотренных к отправке домой естественно исключаетесь, разве только, вы соглашаетесь, что...". Однако, это обещание абсолютно бессмысленно, так как каждый пленник знает: до сих пор служащие SS не были еще никогда отпущены. Наоборот: собраны в специальных бригадах и переведены в другие лагеря, некоторые осуждены даже на долгие сроки и взяты под стражу.

Я оканчиваю допросы всегда заключительным пассажем: „То, что я сказал, является правдой". Мне ясно, что теперь путь домой отодвинулся в дальнюю даль. Все-таки комиссия разрешает мне один щадящий месяц в бригаде ОК.

Обычно я ищу себе в бараке место на верхних нарах, однако, замечаю, что подъем необычно тяжело дается мне. Я должен более или менее набраться сил. Таким образом я ложусь на нижние доски и вдаюсь в размышления: Если комиссары в самом деле были бы убеждены в моей принадлежности к SS, они бы перевели меня, наверное, в штрафную бригаду или определили бы совсем, как подозреваемого военного преступника. Значит испытывают, очевидно, сомнение в моей виновности. Это позволяет надеяться.

Это горько смотреть вслед транспорту возвращающихся на родину, в котором мог быть сам. Почти все несли с собой маленькие деревянные чемоданы, произведенные в столярной мастерской лагеря. Не славная страница для ремесленников, если они требуют за работу, у больных и слабых, между прочим, еще хлеб или рубли, с каждого из них.

После горького разочарования я не должен быть грустным. Единственная возможность: отрицание! Я помещён в, главный лагерь 84/1, который теперь называется 7084/1, созерцаю покой. Лагерь создаёт порядочное впечатление. Конечно, сами немецкие пленники управляют этим. В пределах значительной территории находятся 4 больших двухэтажных барака команды. В каждый можно было бы заселить по 500 человек. Это дало бы в итоге примерно 2000 пленников. Далее есть барак ремесленников, кухня со Stalowa (столовой), зал клуба, Vanja (баня), а также лазарет.

При случае я знакомлюсь с местами размещения. Нужно регистрироваться у старшины барака и уведомлять его. Он спрашивает о причине визита и разрешает или запрещает его, смотря по тому, какие у него появляются подозрения. Также нужно позволять при входе и выходе обыскивать себя, не вносишь или не выносишь предметы контрабанды. Есть настоящие комнаты. Для размещения от 4 до 10 человек. Но также и существенно большие помещения. Приятель сидит, окруженный бесчисленными деревянными осколками и другими материалами, склонившись над картиной инкрустации. На огромной поверхности представлена Красная площадь в Москве, несомненно: здесь работает мастер своего дела. Он на короткое время поднимает взор: „Я сибирский надомник. С прошедшего года. Это личное поручение русского коменданта. Он обеспечивает почти всем, в чем я нуждаюсь: инструмент, вспомогательные средства, различная древесина, зубы, раковины, также старые клавиши от пианино, растворы и так далее. Он пообещал мне: «Когда картина готова, ты домой (домой)». Однако, я думаю, когда инкрустация будет готова, он принесет новое задание. Теперь в русском плену так: если ты не можешь больше работать, тебя посылают в направлении запада, но если ты выполняешь что-то особенное, тебя держат".

Это же подтверждает несколькими днями позже выставка в зале клуба на тему "Ландшафты Урала". Исключительно акварельная живопись. Художник объясняет, как они возникали: „Я имею Propusk. С маленьким мольбертом, который мне сделали ремесленники, я беспрепятственно могу работать на природе. Я получаю краски в комендатуре. Я должен предоставлять результаты. Я предполагаю, что картины продаются, так как время от времени получаю по несколько рублей, тем самым могу обеспечивать себя дополнительной едой. То есть, всё идёт хорошо, потому что я не должен мучаться на стройплощадках". Картины производят на меня впечатление в том отношении, что художник смог открыть такие идиллические мотивы в непривлекательном, прямо-таки пустом и печальном ландшафте. К сожалению, иллюстрации пленников отсутствуют в окружающей их ежедневно среде.

Во всех лагерях в последнее время возникли лучшие условия. Еда стала питательнее и обильнее. Поэтому даже непривилегированные пленники больше не измучены теперь страхом, это не запутанные слабые обломки 1944/46 гг. Очевидно: как только человек насытится, в некоторой степени, достаточно, он чувствует себя свободнее, становится увереннее и затем пытается даже противиться несправедливости. Тревога и страх отступают. В бараках команды господствует, во всяком случае, другая атмосфера чем тогда. Уровень шума выше. Говорят громче и продолжительнее. Тематика больше не ограничивается исключительно едой.

Недавно это поднималось особенно высоко. Говорилось о правах и обязанностях военнопленных. Много было мнений, что Советский Союз не соблюдал Женевскую конвенцию. Старшина барака, слыша это, идет в своё отгороженное досками помещение, возвращается с папкой и объясняет: „ Слушайте сюда, приятели! Женевская конвенция 1929 года очень обширна. Она содержит приблизительно 100 подробно описанных статей. То, что касается Советского Союза: он никогда не был партнером соглашения и не обязан, таким образом, соблюдать соглашение того времени". Огромная волна протестов поднимается: „Ах, так, тогда он может произвольно обходиться со своими пленниками, делать и поступать, как хочет?"

Ответ: „ Конечно, нет. И он не делает это. Сначала Советский Союз был привязан еще к подписанному царским правительством Гаагскому порядку ведения странами войн 1907 года. 1 июля Совет народных комиссаров Советского Союза принял закон об обращении с пленными в Советском Союзе". Пауза, кто-то кричит: „ И что там ? ". Старшина барака мялся и мялся, листал свои документы, делал вид, очевидно, как будто бы он не находит документы. Пленники становятся беспокойными. Требование „зачитать!" увеличивается до хора: „Зачитать! Зачитать!". Наконец, он начинает:

„ Во-первых, общие тезисы. Запрещено:

А. Оскорблять военнопленных и обходиться с ними жестко.

Б. Применять против военнопленных средства принуждения и угрозы с целью выяснения информации о положении их стран с военной и других точек зрения.

В. Форменную одежду военнопленных, белье, ботинки и другие вещи персонального пользования , а также личные документы и знаки отличия принимать".

Далее он лекцию не продолжает. Его слова погибают в массовом смехе. Также он едва удерживается от смеха. Сейчас, наверное, он впервые точно прочитал пассажи.

После того, как некоторое спокойствие снова восстановилось, все же, он еще раз начинает: „ Закончившаяся война не была обычной. Это была война рас и истребительная война. Она объявила утратившими силу некоторые более ранние военные традиции. Я не хочу также сравнивать обращение с немецкими пленниками в Советском Союзе и обращение с советскими пленниками в немецких руках. Но нужно иметь в виду: в действительности никакое правительство воюющей страны не заинтересовано серьезно в том, чтобы их солдатам в чужом плену было особенно хорошо. Наоборот; предполагаемая жестокость должна устрашать их от сдачи врагу. Еще вопросы?". Народное бормотание на арене нар.

Искусство - культура - комиссар и Knast {тюрьма}

Главный лагерь 7084/1 считается культурной столицей асбестовых пленников. Здесь находятся выдающиеся культурные творцы из ближних и дальних лагерей. Это специалисты в своих отраслях, которые работали перед войной где-нибудь в Германии или Австрии „на досках, которые означают мир" или в других областях культуры. Самым выдающимся результатом этой концентрации являются, прежде всего, театральные постановки. Не каждый пленник восторгается "культурным орошением". Многие идут совсем не туда; мнения: „ Балаган! Театральные люди были и раньше лодырями, имели «2 левых руки», и здесь они снова сверху. Они получают добавку, а мы более жидкие супы". Все же помещение клуба занято на каждой мероприятии до последнего места. От меня не ускользнуло ни одно представление, вспоминаются следующие постановки: опера-сказка „Гансэль и Гретель",

оперетты „ Летом в Вольфгангзее" и „ Женщина в золоте ", спектакли "Фауст" (Гете), „Ревизор" (Гоголь) и „ Синий камень " (текст пленного). Далее состоялись несколько концертов театрального оркестра и духового оркестра (руководитель (Sepp Lechner) Сепп Лехнер). Я смотрел фильмы „ Броненосец «Потёмкин»", „Мать", „Белеет парус одиноко", "Волга, Волга", „Floria Tosca ", документальные фильмы последних военных дней, о Нюрнбергском судебном процессе по делам военных преступников и ряд тенденциозных политических лент. Конечно, необозримая рать махающих на экране саблями всадников-казаков мчалась также часто. Они вызывали воспоминания о трапперах и индейцах в фильме „ Битва на синей горе ", которую я видел когда-то вместе с братом Роландом в кинотеатре Кольдлитцера. Здесь степь, как прерии. Различие совсем не большое.

Книгохранилище притягивает, как магнит. Библиотекарь, кажется, один из тех антифашистов, которые это наименование оправдывают. Во всяком случае, он резко отличается от высокомерных, которые открывают чемодан своей партийно-политической эрудиции, и вместе с тем все убивают. Когда я выбираю „Гамлет" Шекспира, он осторожно соглашается: «Да, быть или не быть - это частые вопросы во время плена ".

Как плотно находилось рядом высокое и низкое в русском плену, я узнаю от Вальтера Хауффа. Он изображает особенно трагическое событие: „В рабочем соревновании в честь 1 мая нам обещали: тот, кто выдаст наибольшие проценты, может отправиться следующим транспортом домой. Мы, тогдашняя бригада фашистов, видели в этом обещании нашу последнюю возможность попасть домой скоро. Нашим бригадиром был Хельмут Багинский, восточный пруссак. С более чем 800 % ежемесячной выработки мы выигрываем в соревновании с серьезной бригадой Эрнста Тельманна. Конечно, 800 % - кажется не реальным. Но формулярами Nariad (нарядов) (письменных свидетельств выполненной работы) все было подтверждено. Мы были новым Stachanowskys (стахановцами). Так как мы считались, с другой стороны, фашистами, возвращение домой нам запретили, однако. Все-таки комиссар разрешил нам, чтобы каждый получил один выходной день и смог сделать у Зигфрида Рохеля (Siegfried Rochel) свой живописный портрет.

В первую половину дня, когда я сидел у художника Рохеля, как модель, произошло следующее: хороший знакомый Зигфрида Рохеля, пожилой мужчина из Берлина, был уже несколько дней в карцере. Комиссар обличал его, что тот был в подразделении, которое предназначалось для борьбы против партизан. В этот день ему разрешили - под охраной – сходить в Stalowa (столовую). Он попросил своего охранника разрешить сходить на кухню, находящуюся рядом, выпить глоток воды. Охранник сказал добродушно: „Nu ladno (ну, ладно)". Приятель зашел на кухню. Там уже кипела вода в котлах для обеденного супа. Наш приятель бросился внутрь. Два повара выгнали его и доставили в лазарет. Он кричал как животное. Через 2 дня умер". Это печальное событие подтверждал и Манфред Буцманн из Баутцена, который находился в это время также в лагере.

Недели прошли. Снег растворился. Солнце поднимается - а также мое благополучие. Я выполняю порученную мне работу по чистке барачных играючи.

Еда, хотя и однообразна, как обычно, но стала достаточной. Никто не должен терпеть большой голод, пожалуй, сейчас в этом лагере. Мы, представители категории 2, получаем дополнительную еду. Крепкая пословица ходит по кругу: „ Укрепляет мышцы, содействует росту волос и придаёт здоровый цвет лица заднице". Как сильно это отразится на области задницы, увидим. С каждым "саносмотром мяса" усиливаются надежды на отправку домой, так как снова и снова выбираются транспортабельные кандидаты. Я не питаю никаких иллюзий. Как „шрамовый plennij (пленный)" я определенно отмечен в списках несколькими восклицательными знаками за именем. Между тем моя физическая конституция стала, очевидно, лучше. Вероятно, уже слишком хорошо. Это регистрируют также беспристрастные весы.

Комиссия рассматривает меня сзади, не замечая однако, странным образом, поле шрамов. На основании моего стабильного бокового положения дамы и господ не имеют причины убеждать меня скорее покинуть СССР. Приговор: „Категорию 2, работоспособен!".

Удивительно, как хорошо организационный аппарат функционирует даже в больших лагерях. Едва я ложусь на нары, командир взвода Вирчс (Wirths) стоит передо мной. Мы были знакомы. Я был, как "категория три", у него несколько недель дежурным по казарме. Симпатичный 30-летний. Он говорит: „ Я нашёл твою фамилию в списке работоспособных. Мы имеем право выбирать людей сами. Ты можешь шагать уже с завтрашнего дня с моим взводом в карьер. Наш участок вовсе не так плох. Мы будем наталкиваться в течение следующих месяцев всегда на хорошие асбестовые артерии, определено. Поэтому выполнение нормы почти что гарантировано. И последняя новость – ты только не должен выбалтывать это другим - после следующего ежемесячного расчета мы получим даже рубли. Ты хочешь?". Я естественно говорю «да».

Для пленника перестановки связаны всегда с трудностями и преимущественно также с личными ограничениями. Все равно, идет ли речь о переходе в другую бригаду, в новый лагерь или на новую стройплощадку. Нужно подчиняться, искать своё место. Спальное место нужно найти, уважать порядок расположения бригады за столом. Приходится довольствоваться местом в конце на внешней стороне. Тому, кто мешает привычкам бригады, приходится тяжело. Молодцеватым появлением новичок может испортить все, так как он очень скоро почувствует, насколько он зависит от поддержки других. И тем больше, чем труднее работа на стройплощадке. Своеобразные индивидуалисты едва имеют шанс быть принятыми. Одиночек, в лучшем случае, два или три раза поддержат. Если они не оставят своё упрямство, они погибают. Во всяком случае, в течение тяжелых 1944/45гг. было так. Жестокая трагедия военнопленного. Теперь, весна 1949, так как дела уже идут гораздо лучше у нас всех, появляется непонимание поведения того времени. Действовали ли мы негуманно? Как быстро можно измениться, все же, под определенными обстоятельствами. Хотя теперь доминируют лучшие условия, в коллективах по-прежнему существуют определенные правила, неписаные законы, которые в начале новичок должен отследить, чтобы соблюдать их. Но так как я всегда быстро свыкался в новых группах, я не должен держать, пожалуй, никаких сомнений. Таким образом я все также оптимистично марширую от ворот с людьми Вирчса. Номер бригады стёрся из моей памяти, однако не первые часы этого дня.

В асбестовом карьере

Каждый пленник уже стоял перед бездной - в переносном смысле. Теперь, однако, мы стоим перед настоящей, в прямо-таки гигантских размерах. Гигантская разработка открытым способом, глубиной минимум 100 м. Там весь город Кольдиц мог бы поместиться, включая его районы Тумирнихт, Хонбах, Мёзельн и Ластау. Глубоко внизу движутся примерно 20 одноковшовых экскаваторов. Оттуда электропоезда транспортируют массы горной породы наверх. Это пользующийся дурной славой карьер. Наименование заимствовано, вероятно, из итальянского языка (carriera = транспортные тележки), так как итальянские геологи, которых царь ввёз когда-то в страну, открыли блестящую горную шерсть и начали отнимать эти ценные сокровища у земли. На нижних 7 терассах пленные выдалбливают асбест из стен и постоянно передвигают камни различных величин. Сверху рабочие похожи на деятельных муравьёв.

Герман толкает меня: „ Наблюдай, там будет Шура. Она - надзирательница и очень гордая, демонстрирует нам равноправие женщин в Советском государстве. Она опять станет выкрикивать своё патриотическое стихотворение. Это для них, наверное, такой вид молитвы". Тут она уже начинает, вытягивает обе руки, как проповедник, в небо и декламирует:

„ Моя Родина,
ты обширная, прекрасная,
я люблю и хвалю тебя
радостно и свободно.
Твое богатство принадлежит нам всем,
и никакому человеку больше.
Я хочу служить тебе, мать Родина,
осознанно со смыслом и всей силой. "

(Или похоже.)

Из переднего ряда кто-то восклицает: „Теперь счастливая советская женщина смотрит на вас, в своём жалком старом ватнике. Какой богатой она чувствует себя. В самом деле она полагает, что является совладелицей полезных ископаемых, но что ей все же принадлежит? Как начальник, она получит, наверное, несколькими рублями больше чем другие. И она сможет дополнительно купить себе на черном рынке немного замерзшего резинового картофеля”.

Мои мысли: патетическое исполнение Шуры, обусловленное преувеличенной национальной гордостью, понятно. Оно объясняется, простирающейся вплоть до самопожертвования, гордостью русских за их могущественную страну, которой удавалось победить технически превосходящую немецкую военную машину.

Как солдат, Шура решительно марширует впереди всех. Мы следуем. Идём вниз. Какие трудности будет приносить новое рабочее место? Чем глубже мы спускаемся по каменистому, подобно серпантину проложенному пути, тем более угрожающими кажутся возвышающиеся вокруг синеватые каменные стены. Затем мы оказываемся на подошве карьера.

Я знаю принцип добычи асбеста. По меньшей мере теоретически. Приятели, которые уже долго работают здесь, часто описывали это. В начале было корчевание леса. Затем экскаваторы убрали верхний слой с бесполезной массой земли и горной породы. В ходе добычи образовались с течением времени в расширяющемся круге 7 террас. В нижних, высотой до 6 м крутых стенах, пленники стальными клиньями, молотами и ломом выбивают асбест.

Чтобы ускорить добычу, сверлят вечером, когда рабочие бригады покинули карьер, вертикальные отверстия в скале. Позже на площадку подходят русские специалисты, пустоты наполняют динамитом и подрывают - как будто *scheibchenweise*. Рано утром огромные груды камня лежат на рабочих участках.

Перед такими мы стоим теперь. Я рассматриваю их, удивляясь беспомощно. Фриц ставит кузнечный молот непосредственно перед глыбой величиной примерно 2 м, указывает на меня и говорит в повелительном тоне: „Давай, начинай!”. Я не хочу показывать слабость и молочу колосса. Молот отпрыгивает при каждом ударе недовольно назад, по-видимому, не хочет быть сообщником в моей разрушительной работе. Это продолжается. Глыба не двигается. Члены бригады скалят зубы злорадно. Мне становится в душе обидно, я мог бы душераздирающе плакать, но это не побудило бы к тому же жестких юношей. Тут приближается русский мастер, сухой человек, примерно 60 лет. Он бушует: „Nemezky, tschort na pomosch-tsch! (немецкий чёрт на помощь)” и добавляет непере译имое проклятие. Канонада оскорблений означает: „Вы, немцы, черти, стоите лениво вокруг и не можете даже своему товарищу”. Затем он обращается ко мне, говорит:

„Smotri! ” (Смотри!) Он показывает ход структуры в камне, берет молот у меня из руки, бьет несколько раз вдоль линии, и колосс уже распадается на 2 части. Я оторопел. При этом он расходовал существенно меньше сил, чем я, при моих бурных актах насилия. Он указывает на глаза, камень и молот. Это должно пожалуй называться: сначала смотри на камень, затем наноси удары. Я выбираю одну из двух половинок, узнаю линию и размахиваю "Emmes". Камень капитулирует, забойщик радуется и мастер кивает одобрительно. Но он шипит окружающим: „Dawaite, natschinaite rabotatch! ” (давайте, начинайте работать!).

Едва хилый русский за каменными горами исчез, Герман подходит и говорит почти извиняющееся: „Не делай трагедию, мы так поступаем с каждым новичком. Старый русский едва понимает суть шуток”.

Каменоломня для работников означает невероятную работу костей. Детьми мы часто наблюдали, любуясь и удивляясь, на рабочих Хайнберга в Кольдитцере, как они с трудом, метр за метром отвоевывали у скалы. Естественно, это были богатыри на вид. Однажды отец, Роланд и я ездили в Рохлитц. Там мы смотрели на добычу красноватой горной породы порфира. Кто мог предвидеть тогда, что я должен буду когда-то выполнять такую же особо трудную работу на Урале, исхудавшим пленным.

Несколько сотен жителей города Асбеста работают при тех же условиях, что и мы. Разумеется, очень далеко от нас. Охрана обращает внимание на то, чтобы не доходило до сближения.

Из подорванных каменных глыб выдалбливаем асбестовые артерии и собираем в Bankas (банки, бадьи). Ставшие бесполезными камни нужно убирать с пути. Мы относим и откатываем их ближе к железнодорожной колее, они нагромождаются там вроде вала, чтобы их смог загрузить позже на вагонетки электровоза экскаватор. Локомотивы носят надпись "Дженерал электрик". Возможно, это вознаграждение американцев за асбестовые поставки в рамках экономического соглашения обеих стран. Могущественные современные упряжные лошади тянут по 4 больших саморазгружающихся вагона с разрушенной горной породой за собой несколько оборотов по террасам и - наружу из карьера, к обогатительной установке. С первой фазой, каменной мельницей, я знаком достаточно.

Между тем ежедневный рабочий процесс стал нагляднее для меня новичка. Утром, когда мы прибываем вниз к подошве карьера, бригадир влезает сначала на взорванный ночью участок и осматривает глазом знатока срез скалы. Он сразу узнает, станет ли для его подразделения день хорошим или плохим. И мы видим по его выражению лица так же быстро, что ожидает нас. Выполнение нормы зависит от массы выработанного материала. Она требует ежедневно минимум 10 бадей чистого асбеста. Это чистое дело удачи. Имеются артерии толщиной от 5 мм до 4 см. Их нужно извлекать посредством ручной работы. Самые большие трудности готовят тонкие жилы. Но если сильная артерия пересекает участок, необычная активность охватывает всех членов бригады. Они внезапно чувствуют себя, как золотоискатели Сьерра-Невады, если они на артерию попали, стучат, копают, роют непрерывно. „Сокровища синей стены“ позволяют почти забыть тяжесть работы. Это как опьянение. Но эти дни так редки. В большинстве случаев это называется *raboten, raboten*, (работать, работать), чтобы добыть необходимую дневную массу для выполнения нормы. А затем еще необходимо убрать часть щебня, так как горная порода после ночного подрыва нуждается в площадке.

Асбест вулканического происхождения. Однако, местные рассказывают кое-что иное: „Была однажды удивительно красивая девушка очень прелестного вида. Ее шелковистые, блестящие как золото волосы развевались до земли. Однажды ночью пришли грязные парни и хотели принудить чистую девушку к дурному. Она отказалась. Тогда мужчины рещали сжечь её на костре. Красавица покрыла себя своими длинными волосами и огонь не причинил ей вреда. Однако, после этого она исчезла внезапно с земли. Все искали ее. Напрасно. Находили только ее великолепные золотистые волосы в горной породе. И это увеличивалось и увеличивалось”.

Опасное качество асбеста присутствует повсюду. В открытом карьере оно не такое большое - по сравнению с работой на фабрике подготовки, так как минералы находятся здесь еще в относительно твердой форме. Но другое есть, к сожалению - часты ушибы ног, вывихнутые и сломанные руки или что-то более плохое. Наверное, это зависит также и от того, что мы выполняем работу забойщика без специального опыта.

Жесть может выполнять хорошую службу при очистке части забоя. Чем больше, тем лучше. Она обладает тройной функцией. На ней можно привезти глыбу горной породы, с небольшим расходом энергии, к валу. Далее гладкое основание облегчает сгребание щебня и песка. В конце концов жесть может быть эффективной, как защита от ветра и дождя. Понятно, что такой универсальный инструмент постоянно притягивает жадные взоры неимущих к себе и провоцирует желание изменения собственности. Убыток был бы очень мучителен для нас, хороший экземпляр стоит нескольких краюшек хлеба или рублей. Поставщики - это русские экскаваторщики, руководители электровоза, мастера.

В перерыве я предусмотрительно помещаю на обратной стороне нашей жести пометку. При помощи молота и угла резца я отмечаю пунктиром перекрещенные мечи - знак фарфорового завода в Мейсене. Все же, днем позже жесть украли - вопреки всемирно известным мечам. Розыск ворованной художественной ценности проходил в песке (асбестовом). В общем и целом мы не можем пожаловаться, несмотря на «костяную работу», все же, мы находимся в

относительно доходной части. Много труднее приходится бригадам, которые наталкиваются при добыче на так называемый мертвый камень. В нем нельзя найти самый незначительный след асбеста. Иногда это продолжается днями, прежде чем мастер объявит „добычу руками“ законченной, откомандирует туда экскаватор и выделит бригаде новый участок. Таким образом мы утешаемся: другим еще тяжелее. Или: могло бы быть еще гораздо хуже.

Однажды счастье является мне. Я раскалываю основание киркой. Тут мне в глаза сверкает сибирское золото. Покрывающий грунт убран быстро. Асбестовая артерия шириной почти 3 см обнаружилась. И рядом с этим 2 ещё, не такие сильные. Шума-крика хватило. Сразу месторождение окружено. Также бригадир присоединился, удивляется: „Человек, ничего в этом роде мы никогда еще не имели!“. Тут появляется командир взвода Вирчс, которого я никогда не видел здесь еще, в нашей части, до сих пор. Он спрашивает, кто открыл находку. Когда все указывают на меня, он дурачится:

„Ну, я не сказал вам, что новый - это парень - находка?“. В пределах короткого времени делается дневная норма, и артерия закрывается песком. Затем мы позволяем себе, всей пятёрке, сидеть на солнце и ожидать конца рабочего дня. Два дня продолжается настрой золотоискателей, затем снова трезвые будни.

Ежемесячный баланс. Он не особенно интересует маленьких Rabotschik (работников). Прежде всего, ежедневное выполнение нормы и связанные с этим 200 г хлеба дополнительно важны для него. Если он получает это, он уже доволен. Больше питание не причитается ему по советским положениям.

Однако, в самом деле, теперь (в 1949 г.) вступает в силу новое распоряжение, в которое никто совсем не хотел верить: выплачиваются деньги! Почти все работающие пленники получают рубли. По какому регулирующему принципу это происходит (дифференцирование), полностью непонятно. Регулярное выполнение нормы не может быть единственным условием, так как выясняется: даже так называемые бригады минуса находятся в таинственном "плане распределения". Появится ли теперь благосостояние в лагере? Мы не долго носим с собой несколько маленьких купюр. Киоск открылся. Там можно было купить всевозможное. Даже колбасу, шпик и другие великолепия. Но по каким ценам! Расходы манят. Приятель из соседней бригады купил белый хлеб, масло, кусок шпика, уселся на нары и ликовал: «Теперь я исполняю свою многолетнюю мечту!». Результат: 3 дня беготни и 27 дней далее - голод. Большинство владельцев рублей могут совладать с собой, используют деньги исключительно для покупки хлеба и небольшого количества маргарина. Так как и еда в лагере стала существенно лучше, комбинация, при дисциплинированном распределении и благоразумном использовании денег, простирается почти до постоянного чувства удовлетворения. Кроме того, я позволяю себе роскошь - зубную щетку и зубной порошок (Schlemmkreide?), а также приобрел расчёску. (Волосы достигают уже почти одного сантиметра длины). Выплата рублей производила непредвиденный подъём настроения. Хотя речь шла только о маленькой сумме денег, но, все же, она увеличивала тонус и чувство значимости пленников чрезвычайно. В расположениях звучат впервые песни. В день зарплаты: „Ein Heller und ein Ba-hat-zen.“

Недели прошли. Я хорошо свыкся с подразделением. В лагере царит все более свободная атмосфера. Несомненно: что-то вроде дорожного чувства или настроения перед отправкой домой. Не без причины. После каждого медосмотра люди отбираются, покидают лагерь. Теперь никто больше не сомневается куда, так как каждый знает: сначала они направляются в Свердловск и оттуда домой. К счастью, это теперь уже не человеческие обломки. В лазарете еле-еле находятся дистрофики или тяжелобольные. В рядах едущих домой также стоят приятели категорий 3 и 2, с некоторого времени. Это усиливает наше нетерпение и тоску по дому еще больше.

Утешение: солнце кажется понемногу теплеет каждый день. Оно облегчает тяжелую работу. В некоторые дни мы можем зажимать железо ломов уже без перчаток. Пузыри и мозоли превращаются в относительно короткое время в толстую роговицу. Рукопожатие также

становится более осязаемым, улучшились взаимные отношения. Товарищество функционирует, все же, только в определенной плоскости настроения.

В прошедшее воскресенье руководство лагеря и антифа-актив организовывали спортивный праздник. С этим неповторимым культурным ассортиментом они получили, однако, кое-что. Это стало внутренним делом отдохнувших упитанных видных деятелей лагеря. Футбол состоялся. Август Мюллер, который действует теперь здесь в качестве начальника лагеря, стоял в воротах. 22 "активиста" так пыхтели уже после первого (20-минутного) тайма, что некоторые выдохлись совершенно. По игровому краю поля некоторые упражнялись в прыжках в длину и высоту, некоторые даже в тяжелой атлетике. Напротив, большая масса маленьких пленников отказалась от каких-либо силовых соревнований, чтобы не провоцировать потери веса.

Во время прошедших двух ежемесячных медосмотров, мои шрамы на теле комиссией не комментировались. Хороший знак? Со вчерашнего дня появилось сомнение. Лагерь получил новое поступление. Почти все принадлежали к так называемым убийственным и огненным подразделениям Waffen-SS или особым частям. Я не предчувствую ничего хорошего. А вдруг и меня направят в их ряды?

Новоприбывшие занимают отдельный барак. Я продолжаю ходить с моими бригадными товарищами в карьер. Мы хорошо понимаем друг друга, хотя в политических беседах имеются различные взгляды. Но они не оставляют последствий на отношениях в коллективе. Мой 25 день рождения проходит. Он проходил без особенностей, в ежедневной всячине.

Короткий, но интенсивный разгар лета в регионе Урала делает нам злое. Солнце сурово жарит в дыру, как мы называем разработку открытым способом. Нет никакого ветерка. Жара стоит, прямо как в котле. Хуже не может быть и в аду. Нет летней одежды. Даже русские рабочие носят почти круглый год ватные лохмотья. Мы снимаем куртки, работаем в холщевых нижних рубашках. Свободная верхняя часть туловища сгорает от солнца. Отпрыгивающие осколки горной породы могут проникать беспрепятственно в мясо. Мы потеем. Более точно: нам жарко так, что оборот речи „ пот тек ручьем " здесь не подходит. Что могут выделить железы из наших худых тел.

Раскроются ли ворота?

Клич пролетел по лагерю: „Едем домой!". - Когда? - „На следующей неделе". Кто может знать это? Кухня слухов варится: „Все едут домой. Лагерь 7084/1 исчезает!". Это невообразимо. Как карьер, асбестовые фабрики, Асбострой, мехзавод и многие другие стройплощадки в городе смогут обойтись без военнопленных? В лагере I - получившим внезапно номер 7314/1 - примерно 2000 пленников, в других лагерях II, III, в лесном лагере и в Новом лагере находится, по меньшей мере, так же много. Итак, в короткий срок примерно 5000 пленников должны быть вывезены? Нет. Это не будет функционировать. Где-нибудь собака зарыта.

Официальное объявление на „черной доске" снимает сомнения и загадки: „В течение следующих дней состоится последний медосмотр в связи с подготовкой к транспортировке всего лагеря!". Всѣ-таки! Наша отправка через 2 дня. Я иду в барак ремесленников, чтобы взять один из примитивных деревянных чемоданов для возвращающихся на родину. В соседнем помещении сложены ... десятки ящиков. Уже готовых. Все традиционно окрашены в красно-коричневый цвет. Я беру первый попавшийся. Стоимость? „20 руб.!". Наглость. Я наскребаю необходимую сумму.

Родители с детских лет приучали меня откладывать деньги. Уже в 1935г. я владел сберегательной книжкой сберегательной кассы Кольдигта. Почти каждый месяц я вносил несколько марок, которые я зарабатывал прореживанием корнеплодов на полях Щѣнбахерского дворянского поместья Белльманна (в день 50 пфеннигов) и частично пением в церковном хоре. Все-таки давалось за бракосочетание 25 пфеннигов, за погребение 35, а если можно было, вообще, нести крест (распятие), 50 пфеннигов. Конечно, можно было превращать деньги и в сладости. Отец говорил: „ И когда имеешь ты еще так мало, можно всегда сэкономить мелочь и отложить на будущее. Все же, никогда не знаешь, не будет ли еще хуже". Особенно

настоятельно он рекомендовал мне: „Человек должен возлагать определенную дисциплину, также и во многих других отношениях, на себя самого. Тот, кто не может победить себя, будет всегда иметь в жизни тяжелое". Я принимал к сердцу эти указания. Они оказались очень полезными, особенно в плену.

Старшина барака свистит и объявляет: „Приступаем к помывке, затем саносмотр мяса!". Фриц кричит: „Друзья, слышите сигнал! К последнему бою!". В Vanja (бане) каждый может поменять свои изношенные тряпки.

Затем к амбулатории. Сначала на весы. 3 кг прибавил! Может ли это быть? Невероятно. Благоприятно. Приятели в лучшем настроении. Тяжкое чувство подстерегает меня: пройду ли я мимо комиссии без того, чтобы мне не поставили вновь старые вопросы? За направляющим. Сейчас моя очередь. Сердце бьется до горла. Протоколист спрашивает имя отца, фамилию, место жительства и так далее. Шаг далее. Врач проверяет складку задницы. Кивает. Отмечает. Далее. В конце стола сидит "синий". Он командует: „ Ruki werch! (руки вверх)" Он находит, пожалуй, что это весело. Я поднимаю руки и полагаю, что чувствую колючие взгляды на теле. Он говорит: „Fertik! (=Fertig = готово)" Слышу ли я ? Готово? Никаких замечаний из-за шрамов? Или он просмотрел их, или, наконец, высокая комиссия осознала, что шрамы происходят от сыпного тифа того времени. Нашли ли больничные документы и положили подозрения в архив? Вопросы о вопросах. Снаружи вдыхаю в первый раз глубоко воздух. Надо надеяться, дело закончилось теперь окончательно. Упав на нары, я не знаю, должен ли смеяться от радости или плакать. Мое имя стоит в транспортном списке!

Лагерь похож на муравейник. Едва ли видели такое большое движение когда-нибудь раньше. Наконец, в течение долгих лет заветная цель ощутимо близка: возвращение домой. Все сияют. Все? Прибывшие несколько дней назад пленники - ни в коем случае. Они пришли, очевидно, на замену нам, должны оставаться в лагере. Как долго?

Их возвращение домой лежит, наверное, в дальней дали. Над местом построения звучит команда: «Возвращающиеся на родину выходят!». Массовая толкотня. Взаимный стук по плечам: „Человек, мы сделали это, плен перенесен!". Забота об участии остающихся приятелей вмешивается в радость нашего предстоящего увольнения из лагеря I. Они стоят слева и справа на тротуарах и смотрят подавленно. Едва ли один из них был нагружен большим "военным долгом", чем мы. Я могу хорошо чувствовать, что у них на душе, все же, я и сам, из-за моих шрамов и мнимой принадлежности к SS, неоднократно смотрел вслед возвращающимся домой. Что можно сказать им утешительного? Они ищут контакта с нами, просят уведомить их семьи. Не просто. Адреса нужно запомнить, так как никто не может вести письменные записки какого-либо вида при себе. Рассказывают, один парень хотел фамилии и адреса умерших сохранить в стельках сапог, и это было открыто. Осудили его на многолетнее заключение, некоторые даже утверждают, расстреляли. Как ни странно, все пленники приносят эту историю из "своих" лагерей. В самом деле, возможно, она произошла где-нибудь. Это может быть, как и то, что она осознанно запускается „ высшим учреждением " снова и снова целенаправленно в обращение, чтобы удержать кандидатов на увольнение от похожей контрабанды.

Два красноармейца открывают створки ворот. Наверное, чувствуем уже воздух свободы. „Schagom-marsch (шагом марш)! " Однако, теперь не „ Dawai-dawai, na rabotu! ", а умеренным шагом. Каждого вызывают. Два протоколита добросовестно отмечают галочкой фамилию соответствующего упомянутого лица в своих списках. Мы шествуем мимо делегации немецкого и русского руководства лагеря. Для них процесс больше не является ничем исключительным, так как в последнее время эшелоны отправлялись отсюда почти ежедневно - в Свердловск, в лагерь возвращающихся на родину. Однако, небольшое подозрение вмешивается в наше высокое настроение. Можем ли мы быть уверены, что нас везут действительно домой?

Поездка в областную столицу на восточном склоне гор Урала , в которой проживало 800 000 жителей, едва ли продолжается 2 часа. Там прибывших, на привокзальной площади, формируют. Господствует оживленное пассажирское сообщение. Не удивительно, семь важных железнодорожных линий скрещиваются здесь.

Из здания вокзала четырехколесная, низкая тележка приближается. На ней сидит пожилой мужчина. Он двигается вперед в стиле лыжника и останавливается. Теманд говорит: „Смотри, кто-то направляется, наверное, на гонку намыленных ящиков?". Тот движется к нашему формированию. Только теперь обнаруживаем: безногий. Тут он делает внезапно толчок палкой, бьет как дикий по своим обeim остаткам ног и кричит нам : „ Äto wascha wojna! " (Это ваша война!). Общее смущение. Реакция противоречива:

„Почему наша война? Все же, не мы её создали. Все же, мы должны были только идти ... ".

И: „Очень плохо, что инвалид войны должен ездить все еще на таком примитивном ящике из досок. Это тоже наша вина?".

Конечно, все знают, что военное бедствие вызвано немецкой стороной. Но виновность - нет, виновным себя кто-то едва ли чувствует. Но, что же было все-таки в 1933, когда коричневые униформисты толпами гнали своих собственных земляков в Кирхенберг Кольдицера, запирали, избивали до полусмерти, якобы направляли неизлечимыми в другие больницы и оттуда провожали их в последний путь? Я думаю также о еврейских семьях Кольдицера, которых бойкотировали с наглыми изречениями и затем посылали в "путешествие", из которого они никогда не возвращались.

Кто мог предвидеть из нас, неосведомленных молодых людей, тогда, что он будет вставлен в пагубную машину, как маленькое колесико. И теперь каждый стоит перед вопросом: являюсь ли я, собственно, жертвой или преступником?

Марш в лагерь номер 7314/4. Обыкновенные формальности: проверка, регистрация, распределение. В расположение! В отношении нашего будущего официально господствует молчание. Лишь говорится, что мы находимся здесь в карантине. По опыту, лагерное руководство бывает не последовательным. Как оказывается, здешнее - тоже, потому что на следующий день нас направляют на работу. „Na Stoljarku!"(на столярку), командует охранник. Это не далеко. Производственная установка такая же, как в Асбесте. Наша деятельность состоит в том, чтобы разгружать стволы, складывать в кучки древесную кору и опилки, складывать доски и брусья. Время от времени подъезжает грузовик. Мы нагружаем его брусом, рейками и досками. Он отвозит материал к товарной станции. Там бригада военнопленных Plotniker (плотников) устанавливает нары в вагонах. Зачем, ясно. Через неделю начальство также не оставляет сомнений в предстоящих массовых увольнениях.

Все же каждый спрашивает себя: буду ли я при этом? Команда: „Тот, кто имеет еще деньги, должно истратить их в буфете лагеря!". Ага, рубль должен крутиться. Я толкаю свои купюры в окошечко кассы. После этого мой большой, 30 X 50 X 10 см деревянный чемодан, наполняется на две трети Machorka и Papirossi (махоркой и папиросами). Из газетных сообщений следует, что табак в Германии относится к дефицитным товарам. Итак, отец и дедушка будут радоваться определенно. Для матери я беру с собой кусок „хорошего мыла". Здесь это предмет роскоши. Вместе с тем мой финансовый бюджет почти исчерпан. Остаётся еще несколько маленьких рублей. На них я хочу купить незадолго до отъезда хлеб, так как нельзя никогда знать, сколько продлится поездка по железной дороге и какое продовольственное снабжение будет в пути.

Во время вечерней проверки составляются списки по вагонам и определяются ответственные лица. На следующий день "тотальная чистка" кандидатов на возвращение домой начинается с дезинсекции. Однако, вряд ли кто-то еще подвергается нападению надоедливых кровососов. Теперь происходит новое снабжение одеждой: полотняное нижнее белье с симпатичными ленточками. Верхняя одежда - ботинки, чулки, штаны и фуражки - происходит из снаряжения вермахта. Синяя ватная куртка комплектует костюм возвращающегося на родину. Таким образом большинство выглядит очень учтиво. Некоторые выделяются на общем фоне. Они гордо вышагивают, как петухи, вокруг. Естественно, это видные деятели лагеря. Они владели необходимыми связями, или рублями и могли заказать сшитые по мерке штаны и куртки в лагерной швейной мастерской.

Я со страхом ожидаю заключительный медосмотр. Приходит время. Большое помещение. За столом 2 женщины и 4 мужчины сидят в белом. Но наверху, из под воротника, торчит форменная

одежда . Итак, все являются военнослужащими. Они спрашивают обычное, отмечают. Шаг за шагом идём от одного к другому. В торце стола стоит строго смотрящий. Наверное, "синий". Я поднимаю руки. Он смотрит на поле шрамов и изумляется: „Waas ist daas? (что-о это-о?)". У меня останавливается дыхание. Я объясняю, что это с 1945 года, когда я болел сыпным тифом. Он верит, конечно, мне так же мало, как его собратья в прежних лагерях, и убежден, что я сам устроил себе шрамы, чтобы скрыть принадлежность к SS.

Я говорю все, что я могу сказать для своего оправдания. Это действует мало. Затем я молчу. Это еще больше приводит его в ярость. Он говорит только лишь о Njemezki, Faschisty (немецких фашистах). Тут встает врач и возражает ему, но что, я, правда, не понимаю, однако это относится ко мне. Я более внимательно смотрю на неё и полагаю, что узнаю в ней того врача, которая лечила меня 4 года назад в лазарете асбестовского лагеря. Ангел? Конечно. Оба белых халата позволяют себе громкую словесную дуэль. Затем становится им, пожалуй, неудобно выносить свои расхождения во мнениях передо мной. Врач делает движение рукой, которое означает, что я должен идти. Я делаю это.

Подавленным я бреду к бараку. Мне становится на душе не хорошо. На нарах лежа, я пристально смотрю в потолок и обдумываю: победит ли врач, которая в доказательство, вероятно, даже медицинскую карточку того времени может представить? Письменно течение болезни отражалось, на всякий случай, я часто видел это. Все же, где-нибудь она должна была бы храниться. Обычно так. Но что, вообще, делается нормально в этой гигантской стране? Беспокойная ночь между надеждой и страхом.

Следующий день. Транспортные списки существуют. Я бегу к старшине вагона, спрашиваю затаив дыхание: „Стою ли я в списке?". Он: „Момент. Имеются несколько списков. Для каждой буквы один. Так. Здесь S и ST. Нет, тебя нет там. Итак, тебя вычеркнули. Мне жаль". Я шокирован, должен был сесть. Он складывает лист за листом. Там, оказывается, еще есть один. Он смеется:

«Все же, здесь, человек, отмечена твоя фамилия! Ты должен знать: в конце кириллического алфавита стоит буква SCH (Ш). И на русском языке пишут не STADLER, а SCHATDLER». Огромное облегчение, неудержимая радость охватывает меня. Один день остается еще до отъезда. Мы готовы в путь. Но какую большую подготовку мы должны были совершать? Никто не обладает важными или ценными вещами, которые он мог бы забыть взять с собой, или должен был бы урегулировать еще какие-нибудь дела. Однако, меня грызет признательность.

Днем я сижу с несколькими приятелями на скамейке перед бараком. В самом деле я вижу, как проходит мой ангел. Врач идет в направлении амбулатории.

Я сразу встаю, прогуливаюсь неторопливо, как бы случайно, по середине площади. Здесь мы должны встретиться. Я приветствую: „Sdradswitje"(здравствуйте) и добавляю дважды „Bolschoje spassibo " (большое спасибо). Улыбка мелькает на её лице. Однако, она не останавливается, только говорит: „Po Dolgu slushby tschelowek ", или похожее. После этого я спрашиваю переводчика в бараке. Он говорит: „ Она имеет в виду: Я выполняла только свой человеческий долг". Капризное счастье! Как часто я должен был узнавать его изменчивость, буквально до последнего дня. Теперь я надеюсь, что действительно все препятствия устранены, которые еще могли бы противостоять моему пути домой.

Возвращение домой

1 сентября 1949. Солнце смеется. Сотни ещё-пленников веселы и радостны на Лагерштрассе, створки ворот настежь. Колонны, соответственно распределению по вагонам, выходят, после поименной проверки каждого кандидата на отправку домой, свободно наружу. Ощущение неопишное. Снаружи простирался луг. Мы должны здесь расположиться, так как может пройти еще от одного до двух часов, прежде чем все пленники покинут лагерь. Так мы сидим на наших деревянных чемоданах, некоторые приятели лежат, распростершись на траве, можно наслаждаться осенним солнцем - и ждать. Этот час каждый томительно ждал в течение долгих лет. Не смог никто из антифа-активистов произнести речь, или кто-то начать хорал „Теперь благодарим Бога". Или прекрасную мелодию: „ Свобода моя", которую мы все учили в

школе? Разумеется, строка „ Это - это правый пыл, свежий и прекрасный. Щеки героя расцветают прекрасно при смерти " не была бы, пожалуй, подходящей.

Тут из домика охраны выходит молодой лейтенант Советской Армии, поднимает руку. В этот момент наступает спокойствие. Он обращается на почти свободном от акцента немецком языке. Несколько предложений остались у меня в воспоминаниях (приблизительно): „Немецкие товарищи! Сегодня памятный день. Вы освобождены. Один день радости. Один солнечный день. Такой же прекрасный день был 1 сентября 1939, ровно 10 лет назад. Однако, тогда темные облака начали затягивать всю Европу. А через 2 года наша страна была затронута этим. Это привело к опустошению, мы оказались в катастрофическом положении в военном и экономическом плане. Население не могло больше снабжаться достаточным количеством продуктов. Также и 3 миллиона немецких военнопленных. Все же Вы получали такие же пайки, как и наши люди. Я знаю; это было слишком мало, но больше у нас не было. Однако, вы знаете, что мы после войны улучшили снабжение, когда стало производиться больше продуктов. Немецкие товарищи! Больше чем 40 млн. людей погибли на страшной войне. В этой большой беде вы еще имели счастье - оказались в плену и остались живы. Теперь вы едете домой, к вашим родителям, женам, семьям. Что вы им скажите?“. Стихийные возгласы: „Правду!“. Он продолжает: «Да, каждый из Вас несет, наверное, свою правду, так как вы все испытали разное. Однако, пожалуйста, помогите, чтобы возникла миролюбивая Германия и вашим детям и внукам больше не досталось горя. Люди в нашей стране хотят видеть Германию, с которой они смогут поддерживать хорошие связи. Приезжайте снова в нашу страну, без винтовок, с открытыми честными сердцами. В нашем гостеприимстве Вы можете быть всегда уверены!». Скучное одобрение заглушил громкий крик „Никогда!“.

Уже смеркалось, когда колонна начала двигаться в направлении вокзала. По краю дороги стоят пешеходы, кивают нам. Мы машем руками, некоторые - раздражённо. Прямо таки необозримый лабиринт колёс представляет из себя товарная станция Свердловска. Длинный поезд предвещает длинный путь. Без сомнения наш. Большой товарный вагон обставлен по спартански, но основательно. Двойные нары предусматривают сидячие и спальные места для всех пассажиров. Небольшое количество соломы должно, видимо, выполнять амортизационную функцию. Входим после переключки. Двойной списочный контроль. Старшина вагона должен подписать список. В короткое время каждый нашел местечко. Но долго тянется, прежде чем локомотив приведёт поезд в движение. Уже ночью пришел этот момент. Равномерный перестук смягчает взволнованные нравы и погружает их в счастливый, приятный сон. Перед всеми брезжит радостная уверенность: едем на запад, на родину.

Мысли бегут. Никто на родине не предчувствует, что мы находимся на пути домой. Я написал свою последнюю карту 31-июля. К этой дате никто не мог знать, когда и буду ли я освобожден, вообще. И было совсем не ясно, как закончится моя история со шрамами от сыпного тифа. Даже теперь я еще не могу полностью осознать, что я нахожусь среди счастливо возвращающихся на родину. Ну, однако, родители, братья и сестры сделают глаза, когда я постучусь! Но еще поезд и рельсы стучат свою монотонную мелодию в мыслях. Поездка прерывается снова и снова длинными остановками. Неоднократно мы стоим почти целый день где-нибудь на перегоне или сортируемся на товарной станции. Иногда мы немного открываем дверь вагона, хотя примечательного для осмотра ничего нет. Однако, никто не удерживается на нарах, когда мы пересекаем Волгу в Казани по огромному мосту. Удивительно, какой ширины река здесь, в этом месте.

„Двери! Дует!“. Кроме того, грохочущий шум мешает беседам. Теперь они вращаются преимущественно вокруг будущих возможностей. Большинство приятелей еще не знают, где и как они будут работать на родине. Некоторые - без профессии, должны были прекратить обучение вследствие досрочного призыва, записи добровольцем в армию или были кадровыми солдатами. Ранее служившие опасаются, что самые хорошие места могут быть заняты.

Другие принимают это свободно: „Ах, мы делали в плену много всякого. Всеобъемлющие гении востребованы всюду“.

Относительно профессии я не должен волноваться. В письмах из дома я читал снова и снова, что меня примет мое прежнее учебное предприятие. Таким образом профессиональное будущее может быть гарантировано. Кто будет, однако, моей будущей? Когда мы, более молодые, начинаем эту тему, состоящие в браке сразу злословят: „Никаких иллюзий. Вы останетесь вечно холостяками. Самые прекрасные девушки давно в браке!“.

Наблюдатель у верхнего окна объявляет: „Там был дорожный указатель. На нём написано: Нижний Новгород 100 км.“. Шлягер приходит мне на ум, который отец играл при случае: „В Нижний Новгород, там есть бутерброд с маслом, это красит щеки красно в Нижнем Новгороде...“. Я пою две строфы. Реакция: „Ну, там, распаковывай своё масло!“.

Дни проходят. Поезд грохочет по тому же пути, как в январе / феврале 1944. Теперь, однако, в противоположном направлении. Снова и снова я ставлю вопрос, как я мог перенести годы в России. В самом деле, это были семь скучных лет. В утомительной велосипедной поездке к воротам Сталинграда в 1942 и скучных лагерных условиях за колючей проволокой только немного фаз регенерирования оставалось телу. Как оно могло справиться с этим? Русская земля покрывает теперь много приятелей. Возможно, во мне качества выносливости и выдержки выработала полевая работа - от десятого до четырнадцатого года жизни? Или высокая способность переносить страдания пришла ко мне уже в колыбели? Я не нахожу никакого логичного ответа. Возможно я нёс предрасположенность к выдержке через привитые мне смирение и покорность, что не могло оказать влияние.

Москва! Более длинная остановка. Вероятно, прицепляют дополнительно вагоны. От города мы едва видим что-то. Когда она лежит за нами, приятели настаивают двери, открывают щель и смотрят. Мы едем через середину полей сражений II мировой войны. Кто-то говорит: „Люди, если подумать, как близко к Москве уже продвинулись наши подразделения. Если бы тогда не пришла суровая зима“. Он не заканчивает предложение. Ему возражают: «Да, ясно, затем бы мы выиграли войну и сегодня перед Кремлем стоял бы наш караул!». Ответ сразу следует: «Ну и? Тогда русские получили бы, наконец, под задницу». Диалоги становятся острее.

Мы сидели в течение долгих лет за колючей проволокой, имели время поразмышлять над причиной и действием опустошительной войны, а некоторые приятели едут домой с той же ненавистью к России, с которым вступали в неё когда-то. Я думаю, что могу причислить себя к тем, кому не слишком тяжело далось оставить первоначальные представления. Вероятно, образ врага был выражен не так сильно.

С другой стороны, некоторые приятели создавали впечатление, что их расставание с нацистской идеологией совершалось быстрее, чем они общественно признавали это. Тоже понятно. Какой пленник хочет стать против мнения большой массы - он подвергается опасности изоляции. А это может отразиться в плену судьбоносно.

По газетам и почте известно нам, чтобы восточная зона устанавливала другое политическое направление, чем западные зоны, которые экономически выправляются от войны при поддержке состоятельных стран, более быстро. Все же я полагаю, что левая социалистическая общественная система также может гарантировать мирное будущее Германии. Разумеется, это должно было значительно отличаться от советского образца.

Вообще, я вижу Германию такой, какой представляют себе это пацифисты: нейтральной, мирной, безоружной. С другой стороны: не имеет ли правительство даже долг вооружить свой народ, чтобы он не попал без защиты в руки чужим деспотам?

В Брест-Литовске поезд держат. Русская группа сопровождения осматривает вещи. Затем мы находимся в польских руках. Руководство поезда предписывает: во время поездки через Польшу двери вагонов нужно держать по возможности закрытыми. Открывать только в срочных случаях! Причина: во многих местах проходят в эти дни мероприятия в память павших в немецко-польской войне 10 лет назад. Опасаются, вид немецких солдат мог бы напомнить скорбящим о более ранних встречах и побудить к применению физической силы.

Мы прибываем без инцидентов во Франкфурт-на-Одере - Гроненфельд. „Выходи!“. Наконец-то, немецкая земля под ногами. Быстро в здание рядом. Там в последний раз саносмотр

мяса. С поднятыми руками мы дефилируем мимо русских офицеров. Странно: плен кончается, как и начинался, с возгласа: „Руки вверх! " Теперь, конечно, по другой причине. Все еще Советы ищут татуировки SS. Наученный многолетними подозрениями из-за моих шрамов от сыпного тифа, я поворачиваюсь на всякий случай несколько боком, так что плафон бросает тень на подозрительное место. Пульс неистовствует. Никаких рекламаций.

Контролирующий красноармеец бросает больше взгляды на мой открытый чемодан. Он наполнен табачными изделиями. „Много-Много! (много, много)". Мне ясно, что должно это означать. Я сую коробку Papigossi (папирос) ему в руку. Он сразу позволяет им исчезнуть в боковой сумке и любезное "Spasibo" шепчет мне в ухо. Естественно, он официально не может принимать у меня ничего. Но я даю это ему, как будто, добровольно, все же, совсем иначе, чем в январе 1944, при взятии в плен.

Несколькими минутами позже я держу в руках справку о освобождении, дата: 19 сентября 1949. После почти 6 лет советского плена я являюсь теперь свободным человеком. В какой-то мере - бароном. Можно делать, что я хочу. Ну, совсем так, дословно, я не хочу принимать это, так как я знаю, что никакое государство своим гражданам не может гарантировать неограниченную свободу. Я должен буду соблюдать определенные законы, приказы и запреты. Однако, я надеюсь, что не буду с ними в конфликте. Самое важное: я нахожусь на моей родине. Многолетняя надежда на возвращение домой исполнилась. Каждый получает 50 ДМ на карманные расходы и может дать телеграмму. Мой текст: „Прибыл во вторник". Наверное, это вызовет дома гигантскую радость. Перед стеной с расписанием толкотня. Приятель ругается: „До Лейпцига ясно, но в Гроссботхен идёт, не далее". Я невозмутим и спрашиваю: „Хе, а дальше еще куда хочешь?". Он отвечает: „В Кольдитц". Мое предложение: „Из Гроссботхена мы можем идти вместе. Мне надо в Шёнбах. Есть, по крайней мере, сопровождающий!". Это Фриц Хербст, 3 годами старше. Мы, правда, не были знакомы раньше, но родные равнины связывают. Скоро мы нашли место в большом транспортном поезде на Лейпциг.

Попутно он делится кажушимися невероятными, но правдивыми переживаниями:

„В январе 1941 я был призван. Сначала шли во Францию. В 1942 перебросили нашу танковую дивизию на Сталинградский фронт. Там я был ранен, прибывал к обозу. В 1943 отход начался. В 1945 мы были уже на немецкой земле, были уже дома в мыслях. Тут мы попали, как будто 5 перед 12, в плен. Русские привезли нас в Киев. Там я мог работать как столяр и Stellmacher. Как Spezialist я не голодал. В 1948 закрыли лагерь. Транспорт привёз нас во Франкфурт-на-Одере. Тут появлялась немецко-русская команда, просили нас, чтобы мы вступали в полицейские службы. Все отказались от этого. Усиленно наседали на нас. Мы решительно отказывались. Тогда вернули нас в вагоны. Двери заперли снаружи. Часом позже поезд катился снова на восток. Мы ревели от ярости. После нескольких дней пути мы прибыли в Подмосковье. Снова за колючей проволокой. Искали ремесленника. Мне посчастливилось, я делал на деревообрабатывающей фабрике шкафы, столы и скамейки. Пожилой русский передал мне даже технику изготовления окон и совал мне часто хлеб, который я делил с моими приятелями в лагере. 14 дней назад пришёл приказ: все пленники освобождаются! Теперь я надеюсь, что я прибуду, наконец, домой с третьего захода".

Смеркается. В Биттерфельде визжат тормоза. Транспорт с возвратившимися на родину останавливается, производит сенсацию. Рядом на путях стоит пассажирский поезд. Пассажиры смотрят с любопытством, машут. Женщина кричит: „Заходите, наш поезд отправляется раньше!".

Фриц просит меня на прекрасном саксонском: „Мы свободны, пойдём, а то молчание вокруг!". Пятью минутами позже мы окружены в купе людьми, задающими нам вопросы: „Откуда вы едете, где вы выходите, как это случилось? Однако, вы выглядите здоровыми, не такими исхудавшими и умирающими с голоду, как первые пленники из России после войны". Я говорю, что в последний год в лагерях города Асбест вряд ли кто-то терпел большой голод. Фриц рассказывает свою историю. Общее покачивание головой.

Поезд приходит в движение. Мы оба смотрим всё время в окно. Наконец, появляются характерные несущие конструкции Лейпцигского главного вокзала. Сотни людей стоят тесно на платформах. Они подают нам дощечки с именами и фотографиями солдат, спрашивают, знаем ли мы их или его. Печальные, заплаканные глаза осматривают нас. С трудом, постепенно, мы должны прокладывать путь. Постоянно окруженные, мы достигаем поперечной платформы.

Тут отделяется от толпы женщина. Она подходит прямо к нам и восклицает: „Фриц, Фриц! Взял ли ты с собой моего мужа?“. Он отвечает совершенно спокойно: „Откуда я должен знать, кто - твой муж?“.

Оба были знакомы, они посещали вместе Кольдитце школу. Это Гертрауд Зандри. Десяти минут не проходят, как подъезжает в темпе шага длинный поезд возвратившихся на родину на главный вокзал. Зал заполнен бушующими человеческими массами, возгласами и ликованием. Быстро ищущие находят друг друга. Также Трауда своего Ханса. Выясняется: он прибыл также из Свердловского лагеря. Мы не знали друг друга раньше. Объятия, слезы радости. Счастливые люди покидают тесный вокзал, следом разочарованные жёны и матери, которые плача прячут фото своих мужей и сыновей в сумки.

Мы, четверо, идем к платформам 23/24. Теперь только я вижу, что значительной части вокзальной крыши нет больше в наличии. Без сомнения: последствия бомбардировок. Локомотив стоит уже под паром. Вход! Часом позже: прибытие в Гроссботхен. Время 23 .00. Поезд не двигается дальше. Итак мы пройдем последние километры пешком. До Шёнбаха это 5, до Кольдитца 10 километров. Делать нечего, идём домой.

Вокзальная территория освещена скудно. Все же я узнаю уже издали. Многоголосый возглас звенит : „Вольфганг - Вольфганг!". Затем они набрасываются на меня: мать, отец и сестры Дорис и Врони. Объятия в такой последовательности. Никто не может удержаться от слез. Снова и снова с облегчением: „ Слава богу, что, наконец, ты здесь". "Rotmützigе" заметно поражен приветствием. Он указывает половником на множество рельсов и рекомендует покровительственно: „Вы можете идти по путям, так вы быстрее на Штаатсштрассе выйдите. Осторожно, не спотыкаться!". Любезный жест. „Спасибо, спасибо!".

Я подхватываю родителей слева и справа и направляюсь с ними, следом - всё время сменяющиеся обе сестры и три „кольдитца". Слова и шутки летят туда и сюда. Все охвачены счастьем этой осенней ночью. Дорис тормозит мой быстрый шаг: „Однако, ты задаёшь темп! Мы, собственно, хотели взять с собой ручную тележку, так как думали, ты придёшь как инвалид". Я возражаю: „ 3 года назад я был таким ". Я должен рассказывать, рассказывать.

Затем я прерываю себя самого и спрашиваю: „Когда вы вообще узнали, что я еще жив?". Мать говорит: „ Извещение о пропаже без вести встретило нас всех как удар. Мы читали его снова и снова. Тут Дорис нашла дополнительную галочку у слов «вражеская страна». То есть, попал в руки врага. Мы сделали вывод, что автор хотел дать этим указание, что ты оказался в плену. Мы сразу обратились к службе розыска, но она не установила ничего. Итак: ждём, надеемся, молимся. Затем пришла осенью 1944 анонимная, проштампованная в Галле, почтовая открытка: госпоже Ольге Штадлер, район Гримма, округ Лейпциг. Радио Москвы сообщило: ваш сын Вольфганг Штадлер находится в русском плену". Нам стало ясно: это не могло быть никакой пропагандой. Мы знали: ты живой. Большое облегчение. Но все-таки еще 2 следующих года прошли, прежде чем мы получили твою первую, собственноручно написанную карточку. Тогда вообще больше не стало сомнений, что ты возвратишься домой однажды. Однако, это тянулось еще 3 года. И, наконец, теперь ты наш".

Я спрашиваю далее: „А когда моя телеграмма пришла?". Мать просит отца рассказать. Он смеется: „Неправда ли, Ольга, это было потешно. Ты потеряла от волнения свои вещи. Мы лежали еще в кровати, когда наш, почтовый «министр» в двери комнаты постучал и воскликнул: «Вставайте. Пеките пироги, Вольфганг прибывает!». Мы - еще в ночных сорочках - не могли поверить в это до конца. Но он держал телеграмму у нас под носом. Я пошёл тотчас же к Адольфу и разбудил его. Юноша смеялся и смеялся, и вовсе не мог остановиться. Дорис – решительно, как всегда – взяла всё в свои руки. Это отлично, тогда мы идем все к дороге,

встречать его: Врони сразу упала мне на шею, совсем ничего не могла говорить, она плакала и плакала от радости. Такая была реакция. я бегал в течении дня три раза напрасно к (Sermuther) Сермучерскому вокзалу. Ну, тогда только Гроссботхенский ночной поезд оставался. Теперь ты с нами, мы радуемся, Господи!".

На краю деревни Шёнбах мы прощаемся с Фрицем Хербстом и обоими Сандри. Они должны шагать еще несколько километров. Несмотря на темноту я узнаю уже контуры моего родного города: столярная мастерская Цигнера, гостиницу Константина, мельницу, школьный дом, дом пастора, церковь. Деревня Шёнбах перенесла войну невредимо. Но как много жизней забрала война?

Теперь мы стоим перед "нашим" домом. Он не принадлежит нам, мы живем по найму. Старая изношенная деревянная лестница вверх, к первому этажу, скрипит точно также, как раньше. В дверях в маленькую комнату гирлянда висит. От неё иссякает лесной аромат. Отец объясняет: „Тотчас же после того, как твоя телеграмма пришла, мать отправилась в путь и от шумящего куста принесла дубовую листву. Адольф был сопровождающим и нарисовал затем пестрое приветствие на венке".

Я осматриваю бегло комнаты. Они кажутся мне меньше и ниже чем прежде. В «гостиной» мать говорит: „ Так, теперь осматривайся, как в первый раз, в спокойствии, при свете. Здоровым ты выглядишь и загорелым. Болел ли ты когда-то за это долгое время?". Я отвечаю: «Да, дважды был насморк и однажды головные боли». Отец смеется. „Ну, однако, юмор ты не потерял". Он садится за пианино. Я ожидаю, что будет звучать приветствие. Вероятно, Вагнер „счастливый я могу видеть теперь, о, родина, тебя"? или триумфальный марш из «Аиды» Верди? Или марш въезда из "Цыганского барона"? Нет. Он играет простую детскую песню „Маленького Ханса" и поет её. Из маленького Ханса он делает мое имя. Он изменяет вторую строфу: „семь лет, хмурых и ясных, Вольфганг у русских был, сегодня он, невредимый, наконец, возвратился домой".

Мать поднимается, наверное, чтобы преодолеть приближающиеся слезы, и говорит: «Теперь, однако, мы будем есть кое-что. Вольфганг имеет большой голод». Я отвечаю: „Голод? Что это?". Мать запекла сливы и сделала сладкий пирог. Так как я не трогаю ничего, она разочарована. Я объясняю, что слишком резкое изменение питания может быть опасно. Но, все же, затем я беру по куску.

На шкафу стоит фотография. Брат Роланд в форменной одежде морского флота. Дорис говорит: „ Роланд оказался в 1945 в английском плену. Тогда было распоряжение, что немецких военнопленных, которые жили в одной из западных оккупационных зон, сразу освобождали. Роланд указал место жительства его подруги Хильды: Киль. С тех пор они живут там. Теперь ждут уже четвертого ребенка. Итак, мол, тебя бы сюда!". На мой вопрос где он работает, отвечает : „Сначала пришлось в строительстве. Это было обычным делом в 1945. В крупных городах все было разбомблено. Позже он нашёл работу по своей профессии наборщика. Теперь он определился в КИЛЬСКИЕ НОВОСТИ". Мать приносит картонную папку и зовёт меня: „Ну, смотри!". Я открываю её. Сверху мой журнал боевых действий, в том числе фотографии и негативы, все лежит, что я передал ей во время моего последнего отпуска, с просьбой сохранять это непременно. Там обнаруживается также извещение о пропаже без вести. Оно пропитано в верхней половине каплями слез. Сколько слез текло по миру во время войны? В этот момент приходят, пожалуй, всем одинаковые мысли . Однако, теперь текут уже слезы счастья. Мать кивает мне молча.

Рядом моя белоснежная, заправленная кровать стоит. Я смотрю, и все еще не могу понять, что я , на самом деле, дома. Минутой позже я тону в новом мире.